

ГРАНИЦА

Александр Ищук

СПЕЦГРУППА
«НЕЧИСТЬ»

- НЕВЕСТА ПОЛОЗА -

Наша армия продолжала оккупацию Англии. Медленно, зачищая все, что шевелится. А что не шевелилось, мы расшевеливали и зачищали. Методично. С чувством, с толком, с расстановкой.

Перед оккупацией британцев постигло три неприятных сюрприза.

Первым сюрпризом стало известие, что «русский медведь» минует Германию без боев, так как немцы дали коридор для прохода наших войск в сторону Атлантики. Капитуляции без боя от немцев не ожидал никто. А немцы, довольные до потери пульса, что не придется воевать с нашими, не только дали коридор, но и поделились секретами секретными про Англию и ее вооруженные силы.

Александр Ищук

Спецгруппа "Нечисть". Невеста полоза

Данное произведение содержит ненормативную лексику, сцены насилия, табакокурения, алкоголизма, а также деяний, идущих в разрез с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации.

ДЛЯ ЛИЦ, ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА 18 ЛЕТ.

... и обладающих чувством юмора

Выражаю огромную благодарность за помощь в создании книги Петру Разуваеву и Горьковой Айгуль

PS отдельное спасибо Гравскому Владу, за помощь в создании электронного формата

PSS При размещении данной книги в сети «Интернет», ссылка на группу «Спецгруппа «Нечисть» желательна

Пролог. Жертва «Взломщика»

Цель поднялась из-за пригорка, огляделась и замерла. Я сделал поправку на ветер, еще раз осмотрелся, сделал вдох-выдох и выстрелил. Наушники помогли несильно. Этот гребаный «Взломщик» снова шарахнул по ушам.

— *Посмотреть бы в глаза конструктору этой заразы,* — проворчал Полоз. — *Не сти, бегом, бегом!!!*

— Бегу, бегу, — огрызнулся я, пополз с максимально возможной скоростью в сторону убитого гражданина.

Когда мы выбирали место для лежки, то единогласно сошлись именно на горной гряде: при должном уровне сноровки следов вообще не оставалось.

— *Саша, шевели конечностями!*

— *А я что делаю?!!*

— *Ты создаешь видимость!*

— *Змею ка, ты бы меня в состояние одержимости привел, так я бы давно долетел!*

— *Нельзя в одержимость!*

— *Тогда заткнись и не отвлекай меня!*

Я перевалился через гребень и заскользил на заднице по склону.

— *Меньше шуму! Меньше!!*

— *Так нет еще никого!*

— *Все равно, меньше!!!*

Тихо матерясь, доехал до начала склона, перекатился под защиту кустов и снова пополз к заданной точке.

«Нашли, блин, снайпера, — очередной раз возникла злая мысль. — За всю войну четыре раза из снайперки стрелял. Один раз с СВД и три раза с «Винторезов» моих снайперов. Все четыре раза вне боя. А тут... Дали эту хрень, по-другому ОСВ-96 не назвать, и иди, завали с нее человечка. Хорошо хоть обратно винтовку переть не нужно...».

— *Я все слышу,* — прокомментировал мои мысли Полоз.

— *И что?!*

— *И — ничего! Не отвлекайся от процесса! Продолжай изображать пресмыкающееся!!!*

— *Очень смешно...*

— *Мне — очень... Замер!!!*

Я уткнулся мордой в землю. Через пару минут Полоз сообщил:

— *К жмурику подходят две группы. Одна с запада, вторая чуть южнее. Обе группы слышали выстрел...*

— *Уж кто бы сомневался! Пол-Ирландии слышало!! Танки тише стреляют!!!*

— *Заткнись! Судя по всему, группы не знают друг о друге. Те, что идут с запада — это местные партизаны, те, что идут южнее — англичане.*

— *Будет бой?*

— *С гарантией. Твоя задача: лечь на маршруте англичан. После контакта они погонят партизан, и ты останешься в тылу. У тебя четыре минуты. Пошел!!!*

И я пошел! Добрался за три минуты. Еще сорок секунд потратил на маскировку лежки. Выдохнул и затаился. Прошла минута, пошла вторая, с ближайшего пригорка спустились

британцы. Шли бодро, но со всеми предосторожностями. Я бы тоже осторожничал, зная, что где-то сидит снайпер. Двое из шестнадцати спецов, что были в группе англичан, прошли по камням, под которыми я затаился. Не заметили.

— *До обнаружения партизан осталось пять, четыре, три, две... Начали,* — усмехнулся Полоз. Стрельба и крики. Огонь в ответ, и снова крики. Кричат ирландцы. Англичане все делают молча. Спецназ, он и в Африке спецназ. Восемь минут шла перестрелка, потом, как и ожидалось, британцы зашли во фланги и ударили по партизанам. После чего грохот боя начал удаляться. Еще через десять минут британцы вернулись, перебив всех партизан, осмотрели труп, о чем-то поспорили, после чего часть из них, собрав останки в мешок, отправилась в том направлении, откуда они пришли. А вторая часть, сопоставив звук выстрела и расположение останков, выдвинулась в ту сторону, где была моя лежка.

— *Десять минут ждем, а потом идем за теми, кто уволок труп...*

Глава первая. Особенности войны в пригороде

Хэксхема

Наша армия продолжала оккупацию Англии. Медленно, зачищая все, что шевелится. А что не шевелилось, мы расшевеливали и зачищали. Методично. С чувством, с толком, с расстановкой.

Перед оккупацией британцев постигло три неприятных сюрприза.

Первым сюрпризом стало известие, что «русский медведь» минует Германию без боев, так как немцы дали коридор для прохода наших войск в сторону Атлантики. Капитуляции без боя от немцев не ожидал никто. А немцы, довольные до потери пульса, что не придется воевать с нашими, не только дали коридор, но и поделились секретами секретными про Англию и ее вооруженные силы.

Вторым неприятным сюрпризом стала мусульманская революция во Франции. Арабы, так плотно осевшие на территории Франции, вдруг задали вслух вопрос: «А не пора ли строить Французский халифат?!». «Пора», — шепотом ответил Кто-то, после чего у революционеров появились инструкторы, оружие, деньги и масса других полезных вещей. В общем, к тому моменту, когда Германия открыла свои границы для транзита наших войск, над Эйфелевой башней уже реяло зеленое знамя Французской Исламской Республики, граждане которой так уважали россиян, что их от этого уважения аж шатало. Мы — люди не гордые, поэтому быстро приняли «приглашение в гости» от граждан новой европейской страны, так сильно нас уважающих. Приняли, приехали, вывезли под шумок все ядерное оружие, всех спецов по ядерному оружию, все институты по ядерному оружию, вообще все, что было связано с атомом, мирным и не очень. После чего убедили граждан новой республики в том, что содержание огромного военно-морского флота — дело накладное и дорогостоящее. Но мы, в знак дружбы и уважения, готовы взвалить эту непосильную ношу на себя. Граждане радостно согласились, после чего наши, под еле сдерживаемые стоны счастья немцев, перегнали в свои порты все, что могло плавать, прихватив пару круизных лайнеров.

Третий, самый гадкий сюрприз, преподнесла Шотландия. В не очень далеком 2014 году она попыталась выйти из состава Великобритании. Попыталась, но неудачно. Шотландцы долго жалели о неудаче... И тут масса пошлых вопросов к Великобритании со стороны злых россиян. Очень злых... Соответственно, когда мужики в клетчатых юбках осознали перспективу войны с нами, то моментально забыли про то, что они часть Соединенного Королевства, встали на берегу Ламанша, и во всю дурь проорали «Вэлкам». А некоторые, стыдливо краснея, приподняли подолы юбок и повернулись к проливу кормой... В общем, Шотландию взяли без боя, заодно накормив голодных горцев за счет Германии. Единственной проблемой, которая преследовала наши войска, были именно те мужики в юбках, что стояли кормой к Ламаншу. Ну, не могли понять и принять граждане свободной Европы убежденную гетеросексуальность оккупационных войск. Не понимали и систематически получали от этих войск в бубен...

Вот в таких геополитических реалиях мы и утюжили Англию.

Наши группы после подвигов в Германии награждать не стали. Но и «заслуженного» наказания мы не понесли. Хотя, желающих было много... Барон собрал нас в «единый кулак» и отправил, от греха подальше, в окопы на передовую, заявив напоследок, что оторвет

башку тому, кто посмеет погибнуть...

Итак, спустя три месяца со дня высадки десанта в Шотландии, мы оказались на северном берегу Ривер Тайн, в пригороде городка Хэксхем, графства с непроизносимым названием Нортумберленд. Все, что было на южной стороне реки, то есть фактически сам Хэксхем, был под контролем англичан.

Я сидел в подвале полицейского участка, который был нашим командным пунктом, и руководил действиями нашей банды. По идее, командовать должен был Коваль, но ему стало скучно, и он, взяв Бойченко, ушел на охоту «за речку». Именно в процессе руководства к нам и нагрянул Петрович. Мы не видели его полтора месяца. Барона еще дольше.

Петрович оглядел наше логово, хмыкнул и спросил:

— Не скучно, Сашка?

— Скучно, — ответил я. — Уже две недели тут киснем. Тоска смертная.

— Ну, друг мой, пока говорят политики, пушки должны молчать!

— И долго они будут молчать?

— Еще неделю, — Зимин еще раз осмотрел меня и спросил, — Сань, а ты чего под «ноль» постригся?

Я провел ладонью по своей лысой черепушке, и, усмехнувшись, пояснил:

— Вши, Петрович. Ты не представляешь, сколько в этой, мать ее, Англии вшей! Полчища! Мы на третий день все постриглись. На четвертый опалили шерсть на руках, ногах и прочих неприличных местах. Хуже всего Вартанчику было... Он же у нас повышенной мохнатости.

Зимин улыбнулся, вспомнив нашего горячего кавказского парня, а я продолжил:

— А ты зря, такой красивый и лохматый, к нам приехал. Можешь начинать чесаться и стричься.

Лицо Петровича вытянулось от удивления.

— А репелленты?

— Они только для успокоения нервной системы. Во-первых, их хватает только на сутки. Во-вторых, тут вши какие-то термоядерные. Недохнут.

— Вот, вашу мать, — воскликнул Зимин и начал чесаться.

В этот момент на одном из множества мониторов, расставленных в подвале, отобразилась устремленная в ночное небо сигнальная ракета. Монитор показывал один из кварталов, контролируемых британцами. Петрович только собрался задать вопрос, как затрещал один из проводных телефонов. Я быстро поднял трубку.

— Восьмой квадрат, — сообщил Олег. Я бросил трубку, схватил другую и сообщил Миколу:

— Восьмой квадрат.

— Понял, — отозвался Микола.

Петрович озадаченно следил за моими действиями.

— Это чего вот тут происходит?

— Наша сигналка, — ткнул я пальцем в монитор, — на территории противника сработала. Олег, — я постучал по первому телефону, — как корректировщик, сообщил квадрат, в котором британцы напоролись на нее. А по этому телефону, — я показал на второй аппарат, — я сообщил Миколу, — куда нужно бить. Я тут вместо коммутатора.

Петрович недоуменно смотрел на меня, переваривая услышанное. Наконец, тоном психиатра, общающегося с пациентом, он спросил:

— А, вам, недоумкам, рации для красоты?.. — закончить вопрос он не успел ибо, разрушая аксиому о молчании пушек во время речи политиков, на нашем левом фланге бухнула «пушка».

— Опа, — встрепенулся Петрович. — Самоходка.

— Самоходка, — подтвердил я.

— 155 миллиметровая, — продолжал анализ Зимин. — Не наша.

— Точно.

— А куда долбят?!

— Сейчас увидим, — ткнул я пальцем в тот же монитор. На нем отразилась вспышка от разрыва снаряда.

— Фугасный? — предположил Петрович.

— Он самый, — кивнул я. Затрещал первый телефон.

— Накрытие, — сообщил Олег. Я тут же схватил вторую трубку и скомандовал:

— Микола, накрытие. Меняй позицию.

— В процессе, — отозвался хохол.

На другом мониторе, показывающем другую часть города, показалась слабое зарево от выстрела, и через мгновение, все на том же левом фланге, громыхнул взрыв. Затрещал телефон Миколы:

— Промазали.

— Принял. Не дергайтесь пока.

Я повернулся к Петровичу.

— Чего ты про рации-то говорил?

— Так, идиоты, — начал закипать Зимин, — вы, что тут устроили?! Где Коваль...

— Кстати, о Ковале, — хлопнул я себя по лысой башке, перебив Петровича. Схватил трубку третьего телефона, дождался ответа Марси и велел:

— Так, минут через десять Коваль будет возвращаться. Можешь начинать отвлекающий маневр. Он на позиции «Севера» будет выходить, поэтому не стесняйся. Продолжай, Петрович, я весь во внимании.

— Саша, сука ты, нестроевая, — зашипел Зимин. — Ты, Коваль, Загребин и остальная банда...

Закончить он опять не успел, потому как над нами раздался плач младенца. Пока Петрович озадаченно крутил головой, к солисту присоединился еще один «певец», и они продолжили дуэтом.

— А это чего?! — судя по лицу полковника, он уже в доску задолбался удивляться.

— Груднички орут, сиську просят. Сейчас мамашки прибегут, накормят, они снова спать будут, — мой ответ прозвучал, как что-то само собой разумеющееся, поэтому Зимин аккуратно спросил:

— Дети чьи?

— Местные. Один на прошлой неделе родился, второй три дня назад, под утро.

— Хорошо. Понятно, — Петрович закурил, около минуты осмысливал полученную информацию. — Я подозреваю, что отцы у них тоже местные?

— Естественно. Папаши их ушли с ополчением за речку, а жен беременных забрать не успели.

— Так, — затянулся он очередной раз, — а тут они какого болта делают?

— О, это вообще чумовая история!

Где-то справа загрохотали три крупнокалиберника. С того берега тут же пошел ответный огонь. На нашей стороне два раза ухнул миномет. Стрельба на берегу англичан тут же прекратилась, раздалось два взрыва, а через полторы минуты британцы ответили минометами. Задрезжал телефон.

— Все в норме, — доложил Марся. — Мои целы, Коваль вернулся. Говорят, с «языком».

— Принял, — я положил трубку и продолжил рассказ про появление младенцев. — Так вот, когда местное население в спешном порядке драпало от наших вооруженных сил, тут остались только старики, инвалиды и нетранспортабельные больные. Как мы потом узнали, среди них было две беременных на поздних сроках. Ну вот, заняли мы пригород, обустроились, объяснили местным, что если они не будут дурковать и не будут нарушать комендантский час, то все у них будет хорошо. Те, конечно, не поверили, но гадить побоялись. В итоге, на четвертый день приходит к нам пожилой британец. Долго извиняется, а потом сообщает, что у его дочери схватки начались. Госпиталь закрыт, помощи просить не у кого. Поэтому он ни за что просит хоть как-то помочь.

Я закурил, осмотрел мониторы и продолжил:

— Когда Ильдарчик, кандидат, мать его, в медицинские доктора услышал про роды, то возбудился до неприличия. Схватил Зяму, Миколу, Марсю и убыл вместе с ними по вызову. В итоге, через полтора часа они притащили роженицу сюда, попутно вывезя из местной больницы половину оборудования. Ты два грузовика у входа видел?

— Это десятитонники?!

— Ага. Вот на них и вывезли.

— Так на них весь госпиталь можно вывезти!

— Ну, если бы у Миколы было больше времени, он бы весь госпиталь сюда перетащил. Так вот, установили они оборудование в местном медицинском блоке, и Ильдар начал вспоминать гражданскую специализацию. Зяма был первым ассистентом, остальные пилюлькины — практикантами. Короче, деваху успешно прокесарили и оставили тут для наблюдения, ибо, как пояснил наш эскулап, «операция была полостная». Слух о том, что у оккупантов есть грамотные врачи, со скоростью свиста облетел окрестности, и на следующий день тут стояла очередь рыл в сорок. Наши медикусы, несказанно обрадовались и устроили тут филиал «Склифосовского». Короче, пошел процесс. Благодаря Миколу, Марсе и Зяме недостатка в препаратах не было. Ну, а четыре дня назад привезли еще одну даму на сносях. Ильдар принял роды и в соответствии с медицинскими стандартами оставил ее тут. Завтра, скорее всего, отпустит ее домой. Теперь, благодаря стараниям наших врачей, аборигены на нас молятся.

— Да-а-а-а, — протянул Петрович, — неожиданный поворот. Но, молодцы. Сработали грамотно.

— Это еще не все. В те дни, когда Ильдар вспоминал, что он гинеколог, мы выяснили два интересных факта. Первым было то, что супруг роженицы является офицером английской армии и в данный момент находится на той стороне речки, страшно переживая за свою супругу.

— Так, так, так, — заинтересовался Зимин.

— Не «такай». Ты не о том подумал. Вторым фактом, неприятно нас поразившим, был уровень радиотехнической разведки британцев. Все, абсолютно все наши переговоры прослушивались англичанами, и ими, естественно, принимались контрдействия. В итоге,

Петюня заказал хохлу старые телефоны и пять километров проводов. Теперь между собой только так и общаемся.

Петрович нахмурился и произнес:

— Интересно, если я Миколу подлодку закажу, он ее достанет?

— Если у тебя деньги есть, он тебе и черта лысого поймает.

— Черта лысого я и сам поймаю, — хмыкнул Зимин. — Продолжай.

— Поняв, что британцы нас слышат и понимают, мы нашли папашу новорожденного.

— Поймали?

— Нет. Макс в эфире три часа просидел, так тот сам отозвался. Естественно, он не поверил. Решил, дурашка, проверить...

— И вы его поймали?

— Не его. Бойцов, которых он посылал. Заодно и пути скрытного проникновения выявили. В общем, когда мы установили все и вся, то просто позвали к рации его тестя, а потом скинули видео.

— И что британец?

— Он оказался человеком благородным и благодарным. Поэтому спросил, чем он может нас отблагодарить в пределах разумного? Ильдар сразу обрисовал ему ситуацию с больницей и попросил не стрелять в район полицейского участка. Взамен пообещав, что мы не будем везти обстрел из этого района. В итоге, были достигнуты следующие договоренности: ни мы, ни они не долбят в районы, где развеваются флаги. У нас это полицейский участок и склад. У них — центральный городской госпиталь и их штаб. А потом, для большего удобства, мы поделили каждый свою часть города на зону войны и зону мира.

— Чего?

— Мы согноли всех гражданских в район полицейского участка и теперь спокойно обстреливаем англичан из других районов. Они сделали то же самое. Теперь, ни они, ни мы не переживаем за потери среди гражданских.

— Туманисты, вашу мать. А «Смерши» чего на въезде дежурят?

— Шакалят.

— В смысле?!

— Им вдоль речки ходить страшно и лениво. А мы в первые дни столько языков наловили, что они по четыре раза на дню приезжали. Потом им надоело горючку жечь, и они оптимизировали процесс, откомандировав сюда дежурную группу. Мы языка притащим или их кого тут поймаем, отработаем языка и им отдаем.

— Вам же запрещено ходить в тыл к противнику!

— А мы и не ходим. По сводкам — это «Смерши» ловлей занимаются.

— Я вот вам по «сводкам» настучу, засранцам. Ремнем, с солдатской пряжкой.

— Петрович, не зуди. Мы три месяца из себя пехоту изображаем. Без практики квалификация пропадет...

— Квалификация, — передразнил меня Зимин. — Барон даст вам «квалификацию»... Ладно, дальше.

— А, чего дальше? Все. Остальное Коваль расскажет.

— Он, гаденьш, за речку ходил?!

— И он ходил. И я ходил. И завтра кто-нибудь пойдет. Мы ночью на том берегу все минируем и сигналки ставим. Британцы идут мины обезвреживать. Или сами подрываются

или, как сейчас, на сигналки наступают. Тут Микола их и успокаивает.

— Кстати, — Петрович вспомнил про обстрел. — Из чего хохол садит? У вас же кроме БМП ничего не было.

— Из самоходки. Ты же слышал.

— Я понял, что не из ГРАДа. У кого он ее отжал?!

— У британцев.

— Трофейная?!

— Именно.

— AS90?

— Вроде, да. Я не помню.

— Во дела, — удивился, как мне показалось, Зимин, и почесался. — А стрелять, кто научил? Это же не Калашников, где все просто и понятно.

— Коваль и Бойченко. Они всех учили.

— Да, братцы мои, хорошо у нас спецов учат. Ой, хорошо!

Зимин поднялся, прошел из угла в угол и спросил:

— На новорожденных посмотреть-то можно?

— На втором этаже. Не заблудишься. Там указатель.

Петрович ушел. Вскоре раздался окрик:

— Какая лядь в медблок поперлась без бахил?! Кому яйца оторвать?! О! Начальник!! Откуда?!!

— Зяма, ты вообще страх потерял?! — вместо приветствия начал наезжать на Борьку Зимин. Чем закончилась их встреча, я не услышал, так как на КП ввалились Коваль и Бойченко. Пришли действительно с языком.

— Зимин тут? — сразу спросил Леха.

— Тут. Роддом осматривает.

— А, так это на него Зяма орал?

— Именно.

Коваль снял снарягу и передел ботинки.

— Пойду с Зиминным поздороваюсь.

— Спорим, — флегматично заявил Бойченко вслед ушедшему Лехе, — он тоже бахилы не наденет...

— Коваль, зараза, бахилы надень! — в подтверждение Андрюхиных слов раздался окрик Сереброва, старшего медика «Севера».

— Я же говорил, — Андрюха затушил окурок, снял разгрузку и броник, после чего повернулся к пленному.

— Ну что, мистер, будем разговоры разговаривать, или так подохнешь, не исповедавшись?

Тот угрюмо молчал. Парни на сей раз приперли офицера. Я пригляделся к его форме и уточнил:

— САСовец?

— Ага, — все также флегматично ответил Андрей. — Два часа в луже пролежали, пока этого козла ждали.

Он тщательно проверил карманы англичанина, бросил на стол пачку документов, кошелек и мобильник.

— Сань, с переводом помощи, а то я больше на немецком...

Я сгреб документы, а Андрюха телефон. Из документов следовало, что перед нами лежит капитан вооруженных сил Великобритании, командир подразделения радиотехнической разведки — Майкл Шеппорт.

— Андрюха, — велел я. — Ты данные с его мобилы слей, а сам телефон в печь. Это радиоэлектронщик. А еще лучше, давай его разденем и одежду вслед за телефоном.

Бойченко моментально подключил телефон к ноутбуку и приступил к обнажению жертвы. Я взял очередную трубку.

— Дневальный, — раздалось хмурое бурчание в трубке.

— Костя, будь ласков, отправь в подвал Макса и Петю ню.

— Они легли недавно, — намекнул он на возможный мат в его адрес со стороны моих архаровцев.

— Если будут сильно орать, скажи, что тут их офицер САСа дожидается.

— Попробую.

Андрюха уже полностью раздел языка. Сверху забухали шаги. Судя по всему, топал Марся.

— Оба-на! — первое, что воскликнул он, увидев голого англичанина. — Сенсация! Впервые в Совдепии! Стриптиз!

Потом присмотрелся к языку, сплюнул, хотел еще что-то сказать, но Бойченко вручил ему шмотки и телефон пленного и отправил наверх, сжигать. Марсель вздохнул, но без комментариев ушел.

Притопали сонные Макс и Петюня. Посмотрели на голого британца, хихикнули, закурили и начали варить себе кофе.

— Слышь, командир, — наслаждаясь настоящим кофе, заговорил Петюня. — Вот, сколько мы этих десантников британских уже переловили, и ни один козел не показал тот уровень подготовки, к которому нас готовили.

— Факт, — подтвердил Макс, — зря только на курсах страдали...

Через три дня, после того, как мы приволокли генерала Штольценберга в наши казематы, переговоры с Германией вступили в завершающую, но долгую фазу. В связи с этим было объявлено перемирие на неопределенный период. Общественность радостно приготовилась к безделью, но гадский Барон сломал весь кайф. Их генеральское высочество заявило, что нам необходимо пройти курсы повышения квалификации. Обсмеяв наши скисшие рожи, он пояснил, что САСовцы ребята серьезные, воевать с ними нам еще не доводилось, посему в каком-то сверхсекретном центре мы пройдем спецкурс на тему «Противодействие специальным подразделениям Британской армии», в народе именуемый «Вырви глаз».

Три часа везли на самолете. Выгрузили где-то в степи, как потом мы сами выяснили, Краснодарского края. Центр там действительно был. И даже стационарный. Кроме нас пригнали еще две сотни профессиональных убийц из разных родов войск. ВДВ составляли больше пятидесяти процентов. Прибывшие бойцы были людьми опытными, имевшими за плечами не одну войну. Поэтому никто ни перед кем «пальцы не растопыривал» и «сопли пузырями не пускал». Общие темы нашли сразу. Самая общая и самая глобальная была тема «Выпить и закусить». Но, к сожалению, дальше теории она не заходила, ибо до ближайшего магазина было километров сто.

На первом утреннем построении тамошние инструкторы с опаской разглядывали новых курсантов. Особенно их напрягал факт того, что многие курсанты были старше их в звании.

Некоторые, вроде Коваля, аж на два звания.

Затянувшуюся паузу нарушил морпеховский полковник с позывным «Батя». Он был одним из самых старших и за свою пятидесятилетнюю жизнь воевал последние тридцать лет.

— Так, сынки, — прогрохотал он, — вы начинать будете? Я уже стоять устал...

Старший инструктор в звании подполковника прокашлялся и скомандовал:

— Равняйся. Смирно! Товарищи э-э-э-э-э...

— Да курсанты мы, хрен ли башку ломаешь, — прилетела подсказка от Бати.

— ... курсанты, — сглотнул тот. — С сегодняшнего дня...

Дальше он тридцать минут распинался о предстоящей учебе, но делал таким тоном, что некоторые из уснувших курсантов падали в строю.

После построения мы позавтракали, после чего нас разбили на учебные группы и повели на лекции. Даже тетради и ручки выдали. На этом процесс обучения и был окончен. Поняв по первым словам преподав, что мы знаем в разы, в десятки раз больше, чем они, курсанты моментально задавили их интеллектом и знаниями, после чего послали на три буквы, и каждый занялся своим. Кто читал, кто в карты играл, большинство спало. Через три часа бодрствующие разбудили спящих, и мы пошли на обед. Во время обеда стало ясно, что картины, аналогичные нашей, были во всех учебных классах. В связи с чем, обеденный перерыв вместо лекций плавно перетек в тихий час, который закончился перед ужином. На вечернее построение прибыли только командиры боевых групп. Мы очень быстро объяснили администрации данного учебного заведения «политику партии и правительства», придя к следующему консенсусу: они нас не трогают, и мы их не трогаем. За дисциплину отвечаем мы, за кормежку и досуг — они.

На следующий день к завтраку не вышла половина курсантов. Спали. Тихий час у многих плавно перетек в ночной сон. Те, кто мог бодрствовать, оккупировали спортзалы и стрельбище. Начались чемпионаты по футболу и волейболу. Ну просто сказка какая-то... Отдельные индивидуумы уже задумывались о завозе дамочек легкого и не очень поведения...

Гром грянул на пятый день. И не просто грянул, а шарахнул так, что многие начали икать.

После завтрака мы релаксировали в курилке, именно в этот момент прозвучал первый тревожный звоночек: мимо нас быстрым шагом прошествовал боец с разбитым лицом. Мы удивленно переглянулись. Через три минуты в обратном направлении проследовал тот же боец в сопровождении двух своих офицеров. Через те же самые три минуты обоих офицеров пронесли в сторону лазарета. За ними семенил испуганный солдатик. Мы слегка обалдели:

— Боец, — рявкнул Марся. — Иди сюда.

Тот подбежал и представился.

— Расслабься, — скомандовал Марсель. — Чего случилось? Откуда потери?

— Из штаба.

— Не понял?! Инструкторы страх потеряли?! Так, давай подробности.

— Меня командир отправил в штаб, чтобы договориться насчет кино. Захожу — там какие-то левые офицеры сидят. Морды наглые у всех. Ну, я иду, никого не трогаю. Тут один из них начал до меня докапываться: чего это я им честь не отдаю? Я его вежливо послал и дальше. А он, зараза, меня за воротник схватил, поднял, развернул лицом к двери и, пинком

выкинул из штаба.

— Это ты так об дверь морду расхлестал?

— Об нее.

— Интересно... — задумчиво протянул Марся. — А дальше чего?

— Я метнулся до командира, а тот как увидел мою рожу, пошел на разборки. И «замка» своего взял. Пришли. Командир нас на улице оставил, а сам внутрь ушел. Слышим, хохот дикий, а потом дверь открылась и оттуда наш командир ласточкой вылетает. Тогда и «замок» в разборки вписался. Но только дальше двери не прошел. Прямо на пороге и прилег.

Марся вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами. В курилку вошел Зяма, закрывая левый глаз ладонью.

— Боря-я-я-я?!!

Он убрал ладонь. Вокруг глаза разгорался свежий фонарь.

— Кто?!

— Инструкторы в штабе приложили.

— Старые?

— Нет. Новые.

Марся вскочил на ноги:

— Я в казарму, поднимать наших. Совсем теоретики охренели.

Слава Богу, он не успел убежать. К курилке подбежал возбужденный Термит:

— Т-т-т...

— Инструкторы новые?

Термит отрицательно качал головой.

— С-с-с-старые.

— Чего «старые»?! — не понял я.

— Н-н-н-наши, — выдохнул Термит.

Марсель на всякий случай замер, а я поднялся со скамейки.

— Леня, там наши старые инструкторы?

— Да.

— И чего тебя плющит?

— Из «В-в-в-вал...

— Из «Валгаллы»?! — одновременно спросили мы с Марсей.

— Да, — выдохнул Леня и закурил.

Мы с Марсей ошалевшие уставились друг на друга. Оценив степень нашего «офонарения», присутствующий народ из других групп начал волноваться.

— Мужики, а «Валгалла» — это чего? — робко поинтересовался майор-десантник.

— Это — билет в другой мир, — все еще пребывая под впечатлением от услышанного, вспомнил я слова Петровича.

— На тот свет что ли? — не понял тот.

— Хуже!!!

— Сашка, — в курилку влетел Коваль, — вешаемся!!! Петрович преподав с «Валгаллы» привез!!!

Увидев Леху в таком состоянии, присутствующие заволновались еще больше. Некоторые начали судорожно крутить головами в поисках опасности. А Коваль присмотрелся к нам, глянул на Зяму и предположил:

— Вы уже в курсе?

— Частично, — пробурчал я и прикурил новую сигарету. — Зяма почувствовал это на своей морде, но он в «Валгалле» не был. А из Термита оратор, как из меня космонавт. Короче, кто там?

— Во-первых, Петрович привез Кису, — Марся застонал, у меня выпала сигарета. — Во-вторых, Тунгуса. В-третьих, Карпа, — продолжал разрушать нам мозг Коваль. — Черныш, естественно, прибыл в паре с Гаагой; Иванов, слава Богу, один приехал. Да, еще какой-то громила, с маской на морде.

— Весь цвет нашей школы, — проскулил я.

— Чего-то мне так на войну захотелось... — услышал я стон Марселя.

— Мужики, вашу мать, — не выдержали присутствующие. — Кто приехал-то?

— Наши инструктора. Из нашей спецшколы, — пояснил Коваль. — Баста, карапузики. Каникулы кончились. Сейчас нам всем матки наружу вывернут. Поэтому слушайте мой совет: со скоростью пули собираете свои подразделения в казармах и ждете команду на построение. Выпендриваться и быковать категорически не советую...

Народ ломанулся выполнять рекомендацию.

Через двадцать минут объявили общее построение. Общественность впечатлилась нашими кислыми и испуганными мордами, поэтому все вели себя как паиньки.

Перед строем стояли «Валгалловцы» во главе с Зиминим, а чуть в стороне три местных препода. Зимин окинул взглядом курсантов, и объявил:

— Меня зовут полковник Зимин. С сегодняшнего дня я и группа специалистов, прибывших со мной, займемся повышением вашей квалификации. Курс лекций и практических занятий будет называться «Тактика и стратегия специальных подразделений Британской армии, а также способы борьбы с ними».

Петрович выдержал паузу и продолжил:

— Я вижу, что все вы имеете немалый боевой опыт. Поэтому сделаю оговорку: если кто-то из вас считает, что знает и умеет больше, чем мы, после построения подходит для беседы с нами на эту тему. Если смельчак сможет убедить нас в своей правоте, он и его группа до конца курса будут освобождены от занятий.

Петрович внимательно осмотрел строй. Остановился на морпехах и обратился к их командиру:

— Батя, ты меня слышал?

— Так точно, товарищ полковник, — чуть испуганно ответил морпех.

Строй курсантов судорожно сглотнул. Такой реакции от полковника морпехов не ожидали даже мы.

— Саня, — зашептал Марся, стоящий позади меня, — судя по всему, морпех знает нашего Святогора. Знает и боится его до дрожи.

Я чуть кивнул в знак согласия.

— Интересно, — продолжил шептать Марсель, — это мы настолько круты, или Петрович нас просто жалеет?

Я показал Марсе кулак, чтобы он заткнулся, так как наши «разговорчики в строю» уже заметил Киса. А Петрович продолжил «пытать» морпеха:

— Знаниями блеснуть не желаешь?

— Никак нет, товарищ полковник, — тем же тоном ответил Батя.

— Добро, — кивнул Петрович. — Вопросы есть?

— А что это за гоблин в маске? — поинтересовался Зяма. Я зажмурил глаза от страха,

Марся и остальные тихо выматерились.

— Боренька, — очень нехорошим тоном, очень, процедил сквозь зубы Зимин, — выйди из строя. Сделай мне одолжение...

Борька, чуть помедлив, вышел.

— Киса, займись им, — велел Петрович.

— Прощай, Боря, — зашептал Коваль. — Ты был верным товарищем. Память о тебе навсегда останется в наших сердцах...

Зяма испуганно обернулся. В этот момент к Борьке подлетел Киса, шабаркнул ему в ухо, схватил заваливающегося Боряна за грудки и потащил куда-то в сторону. А к нам подошел Шуровкин.

— Трофимов, кто этот клоун?

— Майор Зеймович. Второй медик группы. Зачислен в состав после выпуска из школы, — бодро отрапортовал я.

— Еврей?

— Так точно, товарищ полковник. Махровый. Но врач грамотный.

— Это его проблемы... Что, «Уральцы», выжили, — констатировал Карп. — В званиях выросли. И «Закат» выжил. А почему Бойченко только подпол? Коваль, почему такое неравенство? У Трофимова все, как один, майоры.

— Петрович не разрешает ему полкана вешать. Говорит два полковника на одну группу слишком жирно.

Шуровкин обернулся на Зимины, что-то пробурчал и переключился на «Север»:

— Загребин, старшие вас не обижают?

— Никак нет, товарищ полковник!

— Ну, добро. Значит, так, практику у ваших групп буду вести я. Теорию будет вести тот товарищ в балаклаве. Поэтому...

Что именно «поэтому» мы не узнали. Киса притащил Зяму. Тем же манером: в полусознательном состоянии, с фонарем под вторым глазом.

— Ильдар, забери это...

Ильдар взвалил Борьку на себя и утащил в глубину строя.

— Да, — протянул Карп. — Тяжко еврею будет...

Как в воду глядел...

Погружение в учебный процесс было полным. До обеда нам читали теорию, читал тот самый неизвестный препод в балаклаве. После обеда — отработка на практике. Нам выдали форму САСовцев, оружие и снарягу. Команды отдавались только на английском с использованием их сленга. Нас учили стрелять, как британцы, передвигаться, как британцы, даже думать, как они. Все поражения подразделений САС были разобраны нами до мелочей. Все успешные операции англичан были разложены нашими преподами на атомы, после чего воспроизведены нами на полигоне. Через две недели я ненавидел британцев всеми фибрами своей души. Наша десантура готова была рвать их голыми руками. Нас задрали ими до самого «нихачу».

Как Карп и обещал, практические занятия у выпускников «Валгаллы» проводил лично он. Дрючил он нас безостановочно. Больше всех доставалось Борьке. Карп заявил, что сделает из Зямы настоящего Боевого Еврея. Выглядело это так:

— Приступаем к отработке «англицкого» бега с полной загрузкой. Доброволец

МакЗеймович, выйти из строя...

— Сегодня стрельба из гранатомета в ночных условиях. Сэр Борис, вы первым идете на рубеж...

— Доброволец О'Зяма, продемонстрируйте нам ваши навыки владения снайперской винтовкой Армии Ее Величества...

Первое время Борька, в силу своего мерзкого характера, огрызался и хамил. Однако, пару раз полежав без сознания после ударов Шуровкина и глядя на наше абсолютное послушание Карпу, на ту жадность, с которой мы внимали его науке (внимали все, от Ковалю до Загребина), Зяма поубавил свой пыл. Но огрызаться не перестал:

— Сэр, вы не сэр...

— Милорд, а не пойти ли вам в задницу...

— У нас джентльмен джентльмену верит на слово...

После этого обычно следовал пинок или подзатыльник от Карпа. В конце концов, Борька смирился, а Карп, видя его старание и результат, перестал воспринимать его отдельно от тех, кто окончил «Валгаллу».

Как заявил Киса в конце курса: «Если бы не «нашинские» морды, то вас от англичан было бы не отличить».

В итоге, когда мы атаковали британцев, самые большие и неожиданные потери понесли именно САСовцы. Мы вычисляли их после первого выстрела, после первого движения, даже после первого вздоха. Потери спецподразделений британцев были громадными. Как мы узнали чуть позже, подобные «курсы повышения квалификации» прошли больше половины спецподразделений нашей армии.

Именно на это намекал Макс, прихлебывая горячий кофе, в предвкушении беседы с «языком».

— Ну что, Петюня, погнали наши городских в сторону деревни?

— Погнали.

Макс кратко обрисовал британцу перспективы сотрудничества с нами. И очень красочно расписал все прелести ближайших двух часов, в случае нежелания англичанина отвечать на наши вопросы. Тот подумал и согласился сотрудничать. Началась стандартная процедура допроса. Минут через пять вместе с Ковалем и Марселем притопал Петрович. Хмуро поглядел на «языка», погрозил Ковалю кулаком, почесался и спросил:

— Саня, а чего ты там про прослушку англичанами говорил?

— Сейчас покажу.

Я взял рацию, показал Петровичу, что настройки на нашей частоте, и вызвал Олега.

— Ты мне анекдот собрался рассказать? — ответил тот, намекая на «открытость» канала.

— Почти, — усмехнулся я и продолжил уже на английском: — Алекс вызывает Мишку. Алекс вызывает Мишку. Мишка, ответь.

— Майкл на связи, — ответил вызываемый мною офицер армии Ее Величества, являющийся, по совместительству отцом новорожденного карапуза, первым появившимся на свет в стенах здешнего полицейского участка.

— Мишка, я рад, что наши не накрыли тебя при последнем обстреле.

Мишка около минуты витиевато ругался, а потом спросил:

— Ты только ради этого оторвал меня от чая?

— Нет. Не только.

— С сыном что-то?! — заволновался он.

— Не переживай, — я поспешил его успокоить, — и сын, и супруга твоя в норме.

Недавно покушали и спят.

— Слава Богу, — выдохнул он. — И чего тебе нужно?

— У меня шеф приехал, так он крайне удивлен нашим нежеланием использовать рации.

— В каком звании твой шеф? — усмехнулся собеседник.

— Полковник.

— Он рядом?

— Да.

— Господин полковник, — чуть громче заговорил Мишка, — от имени войск Ее Величества я рад приветствовать вас на английской земле. Жаль, что наше знакомство произошло при столь грустных обстоятельствах.

— Сучара! — пробормотал Зимин.

— Мишка, мой командир также рад познакомится с тобой. Пусть и заочно, — «перевел» я слова Петровича. — Конец связи.

— Конец связи, — ответил он.

— Поймаю, уши отрежу, — вставил свое слово Олег.

Петрович взял рацию, внимательно ее осмотрел и вернул мне.

— Слушай приказ, — рыкнул он, — завтра передаете все дела Барину. Он и его головорезы перебрасываются сюда. Послезавтра выдвигаетесь в тыл. Все координаты и документы вот в этом пакете.

На стол лег толстый конверт формата А4.

— Всех, кто за речкой, немедленно вернуть на базу. В боестолкновения не вступать. Барон вам и так задницы развальцует за самодеятельность. Саша, проводи меня.

Мы вышли на воздух.

— Как поживает отец Сергей?

— С переменным успехом, — ответил я.

После захвата генерала Штольценберга капеллана перевели к нам. Мы были несказанно удивлены такому подарку, но переть супротив воли Барона не стали. От былых навыков святого отца остались одни воспоминания, поэтому мы с радостью повесили на него все функции по обеспечению, не подпуская к передовой на расстояние выстрела. Первое время он бузил, требовал оружие, но Микола с ним пошептался, и батюшка смирился.

— Его прихватите с собой.

— Само собой. Не Комарницкому же его оставлять. Его от третьего попа точно удар хватит. Кстати, Алексей и Булатка живы?

— Дуракам везет.

— Ты только для этого меня вытащил на воздух?

— Нет, — Петрович закурил. — Тебя сны не мучают?

— Какие сны? — удивленно вытаращился я на Зимина.

— Странные и непонятные.

— А подробнее?!

— Мне церковь все время снится. Не наша, католическая. Внутри служба идет. И прихожане — вроде люди, но странные какие-то. Я все время хочу подойти к пастырю, что служит мессу, но никак не могу этого сделать. Мешает что-то... Вторую неделю все «иду к алтарю», а дойти не могу...

— Нет, Петрович. Я вообще без сновидений сплю. А Череп чего говорит? Уж, он-то знать должен.

— Череп говорит, что как только я дойду до пастыря и увижу его лицо, так все станет понятно.

— А захребетник твой, ну, Медведь?

— Медведь к Полозу велел обратиться...

— А-а-а... Полоз, — позвал я.

— Слышу, слышу, — Змей поднял голову. — Здрав будь, воин славный!

— И тебе не хворать, — отозвался Зимин. — Все слышал?

— Все. Я больше, чем сказал Череп, не скажу. Но пока дам совет: когда в следующий раз по храму пойдешь, не спеши к пастырю. Остановись и как следует рассмотри прихожан. В них начало ответа и найдешь.

— Сон вещий?

— Сто процентов. Были бы на своей Земле, ты бы сразу понял, о чем идет предупреждение. А так, Мать-Земля только этим кусочком до тебя достучаться пытается.

— Домой бы тебе, Петрович, — подал я мысль.

— Поздно. Дел по горло. Не вырваться.

— Тогда рассматривай прихожан, — повторил Полоз.

Петрович попрощался с нами обоими и уехал.

— Полоз, ты чего-нибудь понял?

— Грядет опасность. Она скрыта, хорошо скрыта. И, думается мне, мой прямоходящий друг, именно нам с тобой придется ее устранять...

— Для этого Барон отзывает нас с фронта?

— Именно.

Глава вторая. Торговая фирма Ничипоренко, Сунгатов и Зеймович

«Для хороших людей армия — родная мать...»

Охлобыстин И.И.

Утро началось с мата. Коваль ругался с Миколой. Я спустился вниз и попытался понять, в чем проблема.

— Вы, мародеры, совсем охренели?! — наезжал на Миколу Леха.

— Леша, не журишь, — флегматично отвечал Микола. — Не для себя же стараемся...

— Да ты подумай своей башкой, как мы это все провезем?

— Я же говорю — не переживай. До соседнего района, тьфу ты, графства, нас Смерши проводят. Я им пару ценных вещей подогнал, так они и с погрузкой помогли...

— Микола, мать вашу, из-за таких, как ты, Советский Союз и развалился!!!

— Ну, развалился и пес с ним. Обратного не соберешь уже. А мы машинки наши перед замыкающим БэТэРом воткнем, и все в ажуре будет...

— И самоходку между ними, да? Нас наши же накроют...

— Не накроют. Я ее уже перекрасил и два флага к ней прицепил. Издалека видать, что наша. А нам эта самоходка очень может пригодиться. Я за нее, между прочим, фунтами платил. Так что, ее наличие в колонне даже не обсуждается.

— Микола, вы вообще страх потеряли?! — Коваль заметил меня и запричитал:

— Бармалей, твои мародеры совсем оборзели! Ты только посмотри, что они учудили!!

Я перевел взгляд на Миколу, уже подозревая, что наш хозяйственный хохол совместно с Марсей и Зямой провел небольшую экспроприацию.

— Сашко, согласишься, мы тут обжились, имуществом обзавелись и бросать его тут глупо.

— Допустим.

— Так вот, мы с парнями ночью покумекали и составили список самых нужных вещей, которые нужно взять с собой.

— Рискну предположить, что самоходка идет под первым номером в этом списке?

— Не-е-е-е-е, — протянул Микола. — Только...

— Да пошел ты со своими бронниками, — раздался посыл Зямы. — У нас и так места не хватает, еще ты со своими жилетами приперся. Марся, ты на посту или где? Ты часовой или как? Какого посторонние лезут к нашим грузовикам?!!

Я повернул голову в сторону Борькиного крика и остолбенел. Кормой к нам стояли те самые десятитонные грузовики, на которых парни грабили больницу. Один из кузовов был уже зачехлен, в кузове второго стоял Борька с большим блокнотом и в данный момент ругался с Мамелюком, пытающимся пристроить бронники. Марся стоял недалеко и сосредоточенно паковал какое-то ценное имущество в деревянный ящик.

— Димон, отвали, — поддержал он Борьку. — Места нет.

— А, куда мне их? — переключился на Марся Мамелюк.

— Не знаю. Но твое барахло явно не вписывается в накладную.

— В какую накладную?

— В транспортную.

Я, наконец, обрел дар речи и взвыл:

Так, вы — представители украинско-татарско-еврейского общества по экспроприации капиталистического, а также всего, что плохо лежит, имущества. Вы, совсем наглость потеряли?! Это что за дурдом?! Вы что местный банк вскрыли?

— А я сразу предлагал — ломать банк, — пробубнил Зяма.

— Санек, чего ты орешь? Тут только нужное.

— Что? Что в таком количестве может быть нам нужно?! — я направился к грузовикам. За мной засеменял Микола, ненавязчиво пытаюсь отодвинуть меня от затентованной машины.

— Командир, — вцепился в меня Мамелюк, — скажи им, чтобы они место под бронники выделили...

— Чего? — я переключился на требование Димки, и до меня дошло, что его бронники явно не входят в «смету» комплектования трех групп. — Какие бронники, убогий?

— Хорошие. Британские. Высшей степени защиты, — неуверенно зашептал Димка, понимая, что его гешефт и Олега, скорее всего, засвечен. Он попытался слинять, но я попросил Ковалья задержать начинающего спекулянта.

— Зяма, дай твой талмуд, — протянул я руку. Борька сжал губы и вручил мне увесистый блокнот. Я начал читать.

«Рентгеновский аппарат; Установка для очистки крови; Набор хирургических инструментов; Холодильники; Автоклавы; Дизельные генераторы», — это был далеко не весь список оборудования, который мои архаровцы погрузили во вторую машину. Коваль через плечо пробежал глазами по списку, и ему стало немного стыдно. Парни явно заботились о группах, спиионерив все необходимое для передвижного госпиталя.

Зяма оценил состояние Лехи и перешел в атаку:

— И чего ты орал, как ограбленный еврей? О вас заботимся, неблагодарный! У нас в войсках только оружия до хрена. А приличное медицинское оборудование только на агитационных плакатах, — завывал опороченной монашкой Борька. Леха стыдливо смотрел в землю. Я подождал, пока Коваль окончательно сгорит со стыда, а потом поинтересовался:

— Лешка, ты купился на эту филькину грамоту и блестящую актерскую игру Борьки? Мировой кинематограф потерял великого артиста в тот день, когда Зяма поступил в медицинский. Рыдал горючими слезами кинематограф этот... Кому ты веришь?! Ты вспомни про двух других участников концессии! Ты забыл, как они у вертолетчиков горючку продали? Вспомнил? Начальника склада ГСМ и его зама под трибунал отдали, а все бабки осели у этой троицы.

— Между прочим, они сами нам предложили их горючку толкнуть, — как бы невзначай буркнул Микола.

— Если мне не изменят мой склероз, речь шла о продаже пятисот литров, а не о разбазаривании двух тонн, — заткнул я Миколу. — Я уже не спрашиваю, откуда особисты узнали о вашем маленьком бизнесе, и почему вас даже свидетелями не подтянули, хотя вертолетчики дурными голосами орали про ваше активное участие, — намекнул я на стопроцентный подкуп особистов моими барыгами.

Барыги, спекулянты, торгаши. Первые потуги Миколы и двух других спекулянтов заработать на этой войне я жестко пресекал. Грозил расстрелом. Но потом мы столкнулись с проблемой обмундирования. Потом с размещением в новом месте. И еще масса интересных случаев. Тыловые крысы зарабатывали даже на том, что они были должны по умолчанию. Но

«должны» бывает «вне очереди» и «первой свежести». И, чтобы получить вне очереди и первой свежести, очередному «куску» нужно было заплатить. Стучать особистам не было никакого смысла — почти все были в доле. В конце концов, очередной раз отслонявив из собственного кармана очередному тыловику, я плюнул, а дал «добро». Через два месяца, прибыв в новый лагерь, мы, благодаря моим торгошам, были размещены лучше генералов. С тех самых пор у нас все было, и это «было» всегда было первой свежести. Барон, конечно, матерился, но когда Коваль со своими бойцами, заняв у Микола штуку баксов, просто купил у противника право на проход через минное поле, заткнулся и глупых вопросов больше не задавал. Но оружием я торговать не разрешал!

— Так, сукины дети, — обиженно взревел Коваль, — что в ящиках?! Я сейчас сожгу их, к чертовой матери!!!

— Лешенька, Леха, — запричитал Борька, — ну, не кричи, не кричи. Я тебе все расскажу. Что ты как маленький. Между прочим, в этой машине пара ящиков принадлежит тебе...

— В смысле?! — не понял Леха. — А что в них?!

— То же, что и в остальных...

— А что в остальных? — продолжал тупить Коваль.

— Виски, — сквозь зубы процедил Зяма.

— Что? — не расслышал Коваль.

— Виски там, глухомань долбанная!

— Какой виски? — ошалел Леха.

— Шотландский. Качественный. Высший сорт, — чуть смущенно ответил Борька. Коваль обалдевше хлопал глазами.

— Десять тонн?! — осипшим голосом уточнил он.

— Девять, — с досадой пояснил Микола. — Тонну пришлось Смершам отсыпать за пропуски и накладные.

Потрясенный размахом хищения и наглостью моих раздолбаев, Коваль уставился на меня.

— Саня, ты это видел?!

— Ты радуйся, что они на самом деле не банк грабанули, — усмехнулся я.

— И ты это так оставишь?!

— Леха, мой наивный друг, — я протянул блокнот Зяме, — если бардак невозможно предотвратить, его нужно возглавить. Меня больше интересует, что во второй машине...

Микола досадливо крякнул, Борька зажмурил глаза, а Марся матюкнулся.

— Да! — вспомнил про второй грузовик Леха. — Что там?

Троица молчала.

— Так, коммерсанты от министерства обороны, или вы честно рассказываете, что во втором грузовике, или я сожгу первый!

— Ну, там действительно медицинское оборудование, — пробубнил Борька.

— И генераторы, — добавил Марся.

— Трошки тушенки и сухпайков, — смотря в небо, сообщил Микола.

— Леха, тащи канистру, будем костры жечь и хороводы водить.

— Леха, стой, стой. Куда ты? — схватил хохол за руку Ковалья.

— Микола, заканчивайте партизанить. Что там?

— Снаряды для самоходки.

Я присмотрелся к моим раздолбям, посмотрел в сторону нашего КАМАЗа, рядом с которым стояли не поместившиеся ящики с боеприпасом, и рывкнул:

— Слушай мою команду...

— Да, стволы там. Стволы, — резко раскаялся Микола, видя, что я «включил командира».

— Чего там? — не сообразил Коваль.

— Мать вашу, — сразу понял я.

— Крупнокалиберные... — добавил Марся.

Судя по лицу Ковалья, его вот-вот должен был хватить удар. Я шумно выдохнул и достал сигарету. Тут же ко мне потянулись три руки с зажжёнными зажигалками. Сделал пару затягов и распорядился:

— Значит, так. Уважаемые учредители закрытого акционерного общества «Корейко и Партнеры»...

— Какого Корейко? — не понял Микола.

— У Зямы спросишь, — рыкнул я. — Он, сука, начитанный, и сможет объяснить мой намек. Вискарь — это дисбат. Максимум. Стволы — это вышка. Поэтому пока я не превратился в представителя военно-полевого трибунала, вы сгружаете все стволы и топите их в речке. На освободившееся место грузите бронники Мамелюка. Ящики не заколачивать. Перед выездом проверю лично. Если найду хоть один неучтенный ствол, возьму Леху и Бойченко и так отлуплю всех, что в госпиталь загремите на месяц!

— Палками будем бить! — поддержал меня Коваль.

— Можешь начинать прямо сейчас с Бойченко, — огрызнулся Зяма. — Он, между прочим, в доле...

У Лехи снова открылся рот.

— Какой позор, товарищ полковник! — я решил добить Ковалья. — Коррупция проникла в командный состав вашего подразделения! Я даже не знаю, как такой позор можно иску...

— Что?! — судя по лицу Ковалья, он уже не знал с чего начать думать, чтобы понять, что и с кем делать. — Коррупция в моем подразделении... Да, она в твоём давно всех заразила...

— Не нужно клеветать на моих засранцев, — принял я вызов. — Она моих не заразила. Она в моем подразделении родилась!

Леха обиженно засопел.

— Выдохни, Лешка. Основная угроза миновала, — намекнул я на выявление контрабандных стволов. — Остальное так, семечки.

— Вы совсем охренели? — начал возмущаться Мамелюк, стоя рядом с троицей спекулянтов. — Я за такие бабки на своем горбу лучше их попру!

— Вот и при, — сразу согласился Микола. — А я лучше чего-нибудь полезное на освободившееся место засуну. А не твой неликвид!

Из-за угла появился «Тигр» с символикой морской пехоты.

— О! — заметил из Коваль. — Барин пожаловал! Пошли встречать!

Глава вторая с половиной. Воины Всевышнего

— Здравия желаю, товарищ полковник, — вытянулись мы перед Комарницким.

— Здорово, полковник! — обнялся с Ковалем Барин.

— Здорово, уголовник, — намекнул он на нашу «посадку под следствие» перед их убытием и сгреб меня в объятия.

— Как же я рад вас видеть, хлопчики! — сиял Барин. — Выжили! Молодцы! И в званиях растете! Ну, ведите, показывайте свое непутевое хозяйство.

Мы двинули по направлению к зданию. «Закатовцы» и «Уральцы», попадавшие на нашем пути, улыбались во все зубы, приветствуя Барина. А «Северяне», увидав полкана, испуганно замирали, отдавали честь и старались исчезнуть.

Перед тем как войти в здание, я оглянулся на своих мародёров. Возле Микола уже стояли два морпеховских прапорщика, отвечающих у Барина за снабжение, и вели с моим хохлом торг. Зяма и Марся руководили разгрузкой ящиков с контрабандой, внимательно следя за тем, чтобы морпехи не сгрузили лишнего. А в машине с вискарем сидел Мамелюк, не допуская проникновение в оную любопытных морпехов. Видимо, он договорился с нашими барыгами и теперь отработывал «место в кузове».

Расписали Барину диспозицию. Тут же был вызван главный связнюк морпехов, потом дернули медика, и на закуску — снайпера и артиллериста. В такой суете и прошел весь день. Бойцы передавали дела, делились ценной информацией и свежими сплетнями. Ближе к вечеру пошел проверять грузовики моих барыг.

— Сын мой, как насчет исповедоваться? — раздалось справа. Уже зная, что я увижу, повернул голову. Навалившись на стену и куря, стоял Алексей.

— О! Батюшка! — воскликнул я. — Пойдем, пойдем, исповедуемся. А Булатка где?

— Там, — неопределенно махнул рукой Алексей. За два метра до капеллана я понял, что он уже в дрова. От него яростно тянуло свежаком. Вдруг Алексей отлип от стены и дал деру. Мое недоумение быстро прошло, так как со стороны штаба проследовал наш Сергей и скрылся за углом, куда и мызнул Алексей.

— Попался, червоточина морская, — раздалось из-за угла (видимо, Алексей был настигнут). Чем закончатся разборки, я ждать не стал и направился к грузовикам. Возле них с самым счастливым видом сидел Микола.

— Ну что, спекулянт, как товарно-денежные отношения?

— Какие денежные? — вздохнул Микола. — Голимый бартер...

— Ладно, не скули. Все выкинули?

— Не выкинули, а удачно обменяли!

— Микола, а на кой болт морпехам стволы?

— Мне без разницы. Но ты не забывай, у них есть выход в море. А там... — хохол мечтательно закатил глаза.

— Тебе в авиацию нужно было идти, — намекнул я на географию полетов, а, следовательно, на возможные рынки сбыта.

— Нет, — сразу «вернулся на землю» Микола, — там лимит по грузоподъемности. А на кораблях... Фуру можно спрятать. Вместе с тягачом.

— Ладно, контрабандист, давай приступим к процедуре досмотра.

За двадцать минут я осмотрел ящики, удивляясь хозяйственности нашего хохла. Столько

полезных и дорогостоящих вещей, абсолютно не сочетающихся друг с другом, собранных в одном месте, я еще не видел. Как и ожидалось, стволов не было. Микола позвал Марсю, и тот начал заколачивать крышки ящиков.

— Так, гадский прапор, а теперь пошли КАМАЗ осмотрим.

— На кой? — удивился хохол.

— Среди снарядов столько интересного можно запихать...

— Какие снаряды, Сашко? Ты с Луны свалился? — Микола смотрел на меня, как на умственно отсталого.

— Микола, — Марся высунулся из кузова. — Санек же не в курсе. Он же с Бариним целый день провел.

— Точно, — согласился он. — Сашко, так мы, это, толкнули самоходку. Вместе с боеприпасом.

— Кому? — удивился я.

— Морпехам.

— А им она кой черт?

— По британцам палить, — пояснил Микола. — Зяма их пушкарям похвастался, так они в нее зубами вцепились. Сразу к себе и перегнали. И боеприпас за десять минут из КАМАЗа перетаскали. Он пустой стоит.

Я не поверил и пошел проверять. Кузов действительно был пуст. Вернулся к грузовикам.

— Микола, — шепотом поинтересовался я. — А за самоходку что получили?

— Три «Тигра», — ответил он и показал рукой в сторону. У забора стояли три новых броневика со свежеекрашенными дверями. Покраской мои торгаши уничтожили следы морпеховской маркировки.

— А за стволы?

Микола, не говоря ни слова, жестами показал пересчет денег. Значит, за оружие он срубил наличкой. Видимо, морпехи реально взяли его на продажу. Пораженный находчивостью и пронырливостью своих торгашей, двинулся к штабу.

А у штаба разворачивалась пьеса под названием «житие не святых». В главных ролях: отец Сергей, Алексей и Булатка. Главным критиком и комментатором выступал Зяма, зрителями были и наши бойцы, и громко орущие морпехи. В общем, там шла банальная драка. Ну, не совсем банальная, так как дерущихся попов я еще не видел, но драка.

— А у нас начинается четвертый раунд! — оповестил присутствующих Зяма. — И от морпехов на ринг выходит... нет, уже не выходит, а ложится отец Алексей, встречайте!!!

Я протиснулся сквозь толпу зрителей. На «ринге» закатав рукава стоял отец Сергей. Напротив него, с разбитым лицом, в состоянии грогги сидел Булатка. Рядом с Булаткой лежал Алексей. Он силился встать, но зеленый змей и телесные повреждения, полученные им ранее, не позволяли ему твердо стоять на ногах. Они же ему и сидеть не позволяли. Судя по всему, мулла вписался в разборки между попами, которые в итоге переросли в драку. Наш батюшка, в отличие от морпеховских священников, почти не пил и имел приличную рукопашную подготовку, поэтому морпеховские попы, несмотря на численный перевес, проигрывали по всем фронтам. Наконец, Алексей нашел в себе силы, рывком вскочил на ноги и, пока сила земного притяжения не завладела им снова, кинулся на Сергия. Сергей сделал шаг в сторону, пропуская Алексея, и когда он, естественно, пролетел мимо, хорошим пинком придал Алексею ускорения. Алексей влетел в зрителей. Те не дали ему упасть, развернули и вытолкнули его обратно на ринг. На ринге он сходу получил прямой в челюсть

и прилег уже по-настоящему.

— Пьяных с поля! — распорядился Борька. Кто-то из офицеров морпехов схватил Алексея за ноги и волоком утащил с ринга. — А у нас остался последний представитель земноводных, — вел свой репортаж Зяма. — Булатка, на тебя смотрит все прогрессивное человечество!

Булатка встал. Судя по разбитому носу и заплывшему глазу, он уже неоднократно получил от Сергия. Я собрался прекратить этот балаган, но меня кто-то подергал за правый рукав. Рядом со мной стоял один из морпеховских иерархов — Кравченко Остап Кондратьевич и показывал рукой на второй этаж полицейского участка. Я приподнял голову. Из окна второго этажа, из партера, так сказать, за поповской дракой наблюдал Барин. Такого умиротворения и счастья на его лице я еще не видел. Он погрозил мне кулаком, не позволяя остановить драку. Я кивнул головой и вопросительно посмотрел на Кравченко.

— И какого хрена?

— Саша, наши попы совсем страх потеряли, — перекрикивая ор болельщиков, сообщил мне он. — Их давно пора проучить. А лучшего кандидата, чем ваш Сергей, не найти. Поэтому пусть он их отхреначит посильнее...

— Убью! — взвыл Булатка и кинулся на Сергия. А тот встретил его хуком справа, а потом коленом пробил в печень. Вскрикнув, Булатка упал.

— Ай, молодец! — похвалил Кравченко Сергия. — Сразу видно — человек прошел школу Коваля.

— Со счетом два — ноль победу одержал отец Сергей, выступающий за сборную Барона!!! — радостно оповестил Зяма.

— Если кто-нибудь когда-нибудь наедет на этого попа, — прогрохотал сверху Барин, перекрывая голосом всех орущих, — порву на британский флаг лично! Спасибо, святой отец, уважил!

— Не за что, — ответил Сергей и осенил себя крестным знаменем.

На этом день и завершился.

Утром нашел на рации британского офицера Мишку, сообщил о нашем убытии, а также предупредил, что на наше место пришли морпехи. Мишка был расстроен нашим убытием и испуган прибытием морпехов. наших морпехов боялись гораздо больше, чем наших же десантников. Пожелал Мишке выжить в этой войне и дал бесплатный совет, что если морпехи пойдут в атаку — не валять дурака и сразу сдаваться...

Потом было торжественное построение. На флагшток водрузили знамя бригады Комарницкого, предварительно сняв «Советскую гинекологию». С легкой подачи Зямы, эта долбанная почтовая марка стала официальным флагом нашего соединения. Даже высокое штабное начальство не задавало глупых вопросов. Эта же марка красовалась на всех транспортных средствах наших групп. Даже на машину Петровича кто-то осмелился наклеить этот «герб».

Распрощавшись с графством Нортумберленд, мы, весело позванивая вискарем, убыли к нашему любимому Барону.

Глава третья. Постановка задачи

— С-с-с-с-с... — услышал я сквозь сон мучения Термита.

— Санек, твою мать, да проснись ты, — послышалось ворчание Марси с соседней койки. Я открыл глаза. Рядом стоял Ленька, выполняющий сегодня функции дневального.

— Чего тебе, мой говорливый друг?

— Б-б-б-ба...

— Барон вызывает?

Ленька закивал.

— Сейчас иду.

Я сел на кровати, натянул ботинки, отстегнул автомат и не надевая куртку побрел к любимому командиру. На часах значилось половина второго ночи. Мы прибыли в новое расположение накануне днем, до отбоя раскладывали имущество и прятали контрабанду, поэтому Барон нас не трогал. А с наступлением ночи, как всегда, его генеральскому высочеству приперло пообщаться с подчиненными.

Барон и Петрович обосновались в отдельно стоящем строении, которое до оккупации, занимали английские летчики. Поздоровался с Колькой-Серым, охранявшим покой любимых командиров, и поднялся на второй этаж. Дверь в кабинет Ивлева была открыта, сам он сидел лицом к двери, поэтому еще с лестничной площадки я попросил разрешения войти. Он молча кивнул головой.

В кабинете не было Петровича, но обнаружились два посторонних офицера. Смазливый капитан, судя по всему, из Смерша и подозрительный майор-мабутей.

— Господа офицеры, — поприветствовал я офицеров.

— Не господа, а товарищи, — брезгливо поправил меня капитан.

— Ну, хрен с тобой, — не стал я спорить. — Ты будешь товарищем, а остальные пусть будут господами.

Майор улыбнулся, а капитан хотел что-то мне возразить, но Барон жестом его заткнул и велел:

— Саша, присаживайся.

Я уселся рядом с Бароном, лицом к его гостям и боком к двери. Автомат пристроил на коленях, направив ствол в сторону входа. Обратив внимание на мои манипуляции с автоматом, капитан поспешил спросить:

— Ты, боец, и в сортир с автоматом ходишь?

— Не знаю, как ты, товарисч, но я на войне. Поэтому я мог припереться сюда в трусах, но с оружием. А в сортир мы парами ходим. Один гадит, один на стреме стоит. Вот тот, кто на стреме, автомат гадящего и держит.

Майор рассмеялся, а капитан покраснел и хотел что-то ответить, но на сей раз его заткнул майор, едва заметно ткнув его в ребра.

— Если закончили остроумничать, давайте о делах наших прискорбных покалякаем, — начал Барон. — За вашу самодеятельность с походами за линию фронта я вам потом головы откручу. А пока, Сашок, есть у меня к тебе вопрос...

— Я в плен больше не пойду, — перебил я Ивлева. — Тут расстреливайте. Там действительно много бьют и вообще не кормят.

Майор с трудом подавил смешок, Барон укоризненно уставился на меня, а капитан

завыл дурниной:

— Ты что, боец, совсем охренел таким тоном с генералом разговаривать?! Ты в Устав когда последний раз заглядывал?!

Я зыркнул на Барона, получил от него благословение в виде едва заметного кивка головой и начал дискуссию:

— Ты, капитан, совсем луга попутал? Ты сам-то когда этот Устав-то видел? Или ты, сучара штабная, думаешь, что красная фуражка дает тебе возможность поднимать голос на старшего по званию?! Что ты вылупился на меня, тыловая гусятина? Начальство надо знать в лицо!!! — продолжал я сыпать цитатами из книг и кино. — Я сейчас куртку принесу, и ты, отставной козы барабанщик, у меня до утра Устав на табуретке читать будешь. С выражением!

— Майор Трофимов, прекратите пугать товарища капитана и смешить господина майора, — преувеличенно строгим голосом велел Барон, одновременно подсказывая капитану, что я — не оборзевший рядовой, а оборзевший майор. Капитан испуганно втянул голову в плечи, а майор, уже не скрываясь, расхохотался.

— Сашок, — сменил гнев на милость Ивлев, — а ты как догадался, что капитан именно из штабных, да еще и из Смерша?

— Во-первых, у него пролежни от бесконечного сидения на заднице в теплом кабинете уже до лба дошли. А, во-вторых, у контрразведки, особенно у тыловиков, взгляд всегда говорит о желании расстрелять кого-то. Они фильмов про Смерш второй мировой насмотрелись, вот и стараются держать марку...

— Принято, — Барон остался доволен моим ответом. — А что за майора скажешь?

— Ну, коль мы тут играем в дедукцию, — чуть удивился я, — то извольте. Этот майор, такой же майор, как я балерина. Полковник, как минимум. Но не штабной. Волкодав. До нашего Петровича, конечно, далеко, но энергетика убийцы ощущается отчетливо. Судя по рукам, точнее по ногтям, еще вчера он ползал по бескрайним просторам Англии. И, думается мне, он не армейский товарищ. Госбезопасник, скорее всего.

Капитан сидел с открытым ртом, а глаза «майора» превратились в две узкие щелочки.

— Добре, Саша. Добре, — ехидненько улыбался Барон, глядя на «майора». — Ну что, Иваныч, годится спец?

— Годится, — ответил он.

— Для чего? — поинтересовался я и вытащил у Ивлева сигарету из пачки. Барон бросил взгляд на Иваныча, давая ему слово.

— Александр, до войны вы были следователем прокуратуры, — вопросительно-утвердительно заявил майор.

— Был, — напрягся я. — Но за две недели до начала войны я уволился.

— Это не имеет значения. Бывших следователей не бывает. По имеющейся у нас информации вы были хорошим следователем. Даже отличным следователем...

— Дерьма не держим! — самодовольно заявил Ивлев. Иваныч кивнул и продолжил:

— Если бы не конфликт с одним из заместителей прокурора, вы бы и дальше работали.

— Майор, к чему этот экскурс в глубину веков? Мне, с одной стороны, лестно, что госбезопасность высоко оценивает мои прошлые заслуги. С другой стороны — это вызывает обеспокоенность, ибо родная госбезопасность «просто так» ничего не делает.

«Майор» зло блеснул глазами. Интересно, в каком звании этот гражданин? Судя по всему, он не привык, чтобы его перебивали и, тем более, комментировали его слова. Я

глянул на Ивлева. Тот улыбался уголками губ.

— Капитан, Иваныч в каком звании? — резко и громко спросил я у смершевца.

— Полковник, — испуганно пискнул он.

— Вот и познакомились, — пробормотал я.

Ивлев и полкан играли в гляделки и молчали. Я потянулся за второй сигаретой, но получил от Барона по руке.

— Разве не заслужил? — намекнул я на установление звания ГэБэшника.

Барон молча подвинул ко мне пачку.

— Полковник, вы пели серенады моему прокурорскому прошлому. Можете продолжать.

И не нужно смотреть на меня такими страшными глазами. После двух лет службы с Зиминым меня уже мало чем можно напугать.

Полкан снова посмотрел на Барона и продолжил:

— На сегодняшний день в нашей зоне ответственности ситуация сложилась так, что мы вынуждены привлечь вас к работе именно по гражданской специальности.

Сказать, что я удивился — не сказать ничего.

— Так нас ради этого с ф-фронта выдернули?! — чуть заикаясь от удивления, спросил я у Барона.

— Ага! — подтвердил он. Я докурил, переваривая полученную информацию, и спросил у ГэБэшника:

— Товарищ полковник, извините за глупый вопрос, а в военной прокуратуре все приличные спецы кончились? Или в контрразведке кадровый голод? В контрразведке такие спецы служат... Немцам далеко до их уровня... Жаль, не успел лично сказать им об этом...

— Нет, спецы не кончились. К сожалению, они спецы другого рода. У нас есть информация, что не так давно вы получили некие знания об... — полкан запнулся и долго подбирал слова, — ... скажем, об оккультизме...

Вдоль позвоночника пробежал холодок. Я медленно повернул голову к Барону.

— Ты, для начала послушай, — велел он.

— Допустим, — подтвердил я слова полковника.

— Соответственно, мы согласовали с Дмитрием Михайловичем ваш перевод в тыл, для того, чтобы вы провели анализ ситуации и, опираясь на свой прошлый опыт, а также на полученные знания, помогли следствию.

— Что у вас?

— Убийства.

— Что в них необычного?

— Все убитые местные жители — гражданские. Убийства совершены в течение последних полутора месяцев. Все «глухарь». Последнее совершено два дня назад.

— Два дня назад и уже глухарь? — удивился я. — Плохо работаете, господа сыскари. Ну, не об этом речь. Что в них оккультного?

— Все они совершены в рамках некого ритуала. К тому же все убитые — священники.

— Опа! Сатанистов трясли?

— Это первое, что мы сделали. Результатов ноль.

— Ах, как у тебя загорелись глаза! — подал голос Барон. — Ах, как приятно видеть, что ты не только воин!!!

— Это лирика, — чуть смутился я. — Сегодня я мало что полезного смогу сделать, поэтому анализ отложим до утра. Пока пробежим по организационным моментам. Вопрос

первый: кто я?

— Ты — следователь военной прокуратуры, — Барон положил рядом со мной удостоверение.

— Трофимов Александр Викторович, следователь по особо важным делам, — прочитал я в удостоверении, — Обалдеть!!! Второй вопрос: с кем в группе я работаю?

— Вы действуете отдельно от всех. Информацию по результатам других групп я буду предоставлять мгновенно, — пояснил полковник.

— Понятно. А это что? — показал я на капитана.

— Это, — улыбнулся полкан, — будет обеспечивать вашу связь с местной контрразведкой и следить, чтобы они не лезли, куда их не просят.

— Веселая перспектива, — пробурчал я. — Дальше. Кто вы?

— Я — майор Петров. Сотрудник особого сыскного отдела министерства обороны.

— Дайте угадаю — Иван Иванович?

— Нет, Иван Васильевич.

— Царь. Просто царь... — вспомнил я шедевр Гайдая. — Теперь главный вопрос: мне три группы головорезов куда девать?

— Своих будешь с собой таскать, — ответил за «Царя» Барон и положил на стол стопку удостоверений. — Чем их озадачить, я думаю, ты разберешься.

— А Коваль и Загребин?

— Хамелеоны Загребина завтра утром получают задание и растворяются в окрестностях под видом гражданских беженцев. А Коваль будет сидеть на базе в ожидании вызова от тебя.

— И кого он будет изображать?

— Группу захвата. Ты и твои негодяи половину города разнести могут, но аккуратно вскрыть помещение и взять людей в целостности и сохранности может только «Закат». Ты Сербию вспомни.

— Понял. Вопросов больше не имею. Степень разглашения полученной информации внутри групп какой?

— Полный, — ответил Петров.

— Как с вами на связь выходить?

— Если вы мне понадобится, я вас сам найду. Если понадобится я, то сообщите об этом Дмитрию Михайловичу.

— А капитана мне где искать?

— А его искать не придется. Он прикомандирован к вам.

— Так мне этого Василия Алибабаевича с собой таскать?

— С собой, — снова улыбнулся Петров.

— Ты хороняка стрелять-то умеешь? — спросил я у капитана.

— Да, — проблеял тот.

— Вот завтра и проверим. Броник, пистоль и автомат иметь при себе. Сюда прибыть к семи часам. Опоздаешь, на изнанку выверну.

— Если вопросов и дополнений нет, — поднялся Барон, — то давайте расходиться. Всем нужно хоть немного отдохнуть.

У поднявшихся вслед за генералом офицеров не было ни того, ни другого, поэтому они быстро откланялись. Я, естественно, остался, выдернув у Барона еще одну сигарету.

— Ты свои сигареты когда начнешь курить? — поинтересовался Ивлев, когда майор и капитан покинули помещение.

— Так в кителе оставил.

— Ладно. Для своих дерьма не жалко...

— Да я вижу...

— Ой, не кукси морду. Можно подумать, я тебя опять в плен отправляю.

— Дмитрий Михайлович, с каждым разом ваши задания становятся все интереснее и интереснее. Это я о том, что каждый раз шансов откинуть копыта у меня все больше и больше.

— А что делать, Шура? Кому легко? Все, закончил скульптуру и слушай сюда. В течение полутора месяцев, как и сказал полковник, на территории графства нарисовалось пять трупов. Все священники.

— А к какой конфессии они принадлежат?

Барон задумался:

— А хрен их не знает. Я не вдавался в детали. Так вот, убивали их в определенной последовательности, предварительно хорошенько помучив.

— Информацию выбивали?

— Нет таких данных. И хрен бы с ними, с попами местными, но появилась пара моментов. Первое: убийства начались сразу после прихода наших войск. Соответственно, местные подозревают, что это наши их кончили. Второй момент: Череп узнал об этих убийствах и повелел ввести тебя в следственную группу. Что-то ему сильно не нравится. Поэтому, Зимин, перебрал лишнего... чего ты ржешь?

— В Петровича ящик водки можно влить, и он не опьянеет!

— Ну, гэбьё и контрики этого же не знают! Так вот, выкушал он лишнего и в компании майора Иванова трепанул про тот случай, когда вас после замка Дракулы под статью подвести пытались. И добавил, что смех смехом, но какие-то особые знания у вас появились. Дескать, вы теперь слышите лес, воду, зверей и птиц. Иванов этот заметку для себя сделал. А когда он ваши дела поднял и сопоставил прочитанное с услышанным от Зимина, то пришел к выводу, что доля истины в словах Петровича есть. К тому времени у следаков подохлым попам нарисовался конкретный глухарь, поэтому они цеплялись за любые шансы. А тут гэбэшник сообщает, что не так далеко воюет бывший прокурорский следак высшего разряда, да еще и обладающий некими секретными знаниями. Эти дурни твои подвиги на войне списали именно под эти знания и через управление слезно попросили тебя с фронта отозвать. А мы под это дело и «Закат» с «Севером» вывели.

— Ну, теперь понятно. А мне-то чего делать?

— Как чего? — удивился Барон. — Дела раскрывать. Зря что ли про тебя так хорошо в твоём деле написано.

— Предположения у Черепа или у вас есть какие-нибудь?

— Ни единого.

— А зверье чего говорит?

— Пребывает в недоумении. Мы же первый раз на этой земле, тем более в составе оккупационного корпуса. И тут все и всё против нас. Поэтому на полноценную помощь Полоза не надейся.

— Ладно. Как-нибудь своим умом справлюсь. Где с материалами дела можно ознакомиться?

— Завтра получишь копии у меня. Твой кабинет справа от моего.

— Чего?! — не понял я.

— Твой кабинет, товарищ следователь, справа от моего. Вот тебе ключ от двери, вот ключ от сейфа, — положил Барон на стол два ключа. — Завтра обустроишься. А пока иди, отдыхай.

Я стащил у Барона еще одну сигарету и направился к себе.

— Сашка, — окликнул меня Барон, когда я был уже в дверях. Я обернулся: — Ты — молодец, что выжил. И молодец, что парней своих сберег.

— Сам знаю, — грустно улыбнулся я и пошел досыпать. Глава четвертая. Сыскарь идет по следу...

Новость о том, что я теперь следак, а мои головорезы — следственная бригада, взорвала мозг всем. Парни недоуменно таращились на меня, не зная, что делать. Больше всех радовались «Закатовцы», так как им выпала самая «тяжелая» часть работы — сидеть в расположении и ждать вызова. «Север» тоже недолго горевал. Через час после подъема Зимин поставил перед ними задачу, передел в гражданское, выдал наличность и пинком выкинул в пампасы. Оставив парней переваривать весть о том, что они, пусть временно, не убийцы-профессионалы, а сотрудники следственного комитета, я пошел осматривать кабинет. Микола увязался за мной.

Кабинет был обычным. Прямоугольная комната четыре на восемь метров с одним окном. Стол, два стула, старый диван. В углу сейф. Окно Миколу не понравилось, сейф тоже.

— Сашко, — безапелляционным тоном заявил хохол, — окно нужно замуровывать. А то, ты в нем, как «мечта снайпера». И сейф поменять нужно.

— А сейф-то тебе чем не угодил?

— Маленький он, — прищурился прапор. — Так, ключи давай, а сам часа четыре погуляй. А мы тут рабочую обстановку создадим.

По опыту зная, что с Миколой спорить бесполезно, пошел получать у Барона копии материалов уголовного дела. Ивлеву вручил мне четыре увесистых тома и флэшку на тридцать два гига. Направился к своим связистам отбирать у них ноутбук. Спустился во двор, а там уже кипела жизнь. Парадом командовал Микола. Судя по четким командам, из моего кабинета собирались делать бункер. Коваль, в свою очередь, тоже не остался без дела и застроил своих парней произвести осмотр доставшейся нам территории и строений с целью выявления слабых мест в обороне и их устранение. Получив ноутбук, пошел в казарму, где было относительно тихо. Приступить к изучению не успел. Марся привел испуганного капитана-контрика.

— А, — протянул я, — Василий Алибабаевич, изволили проснуться. Я тебе, козлу, во сколько велел быть?

— В семь часов, — пробубнил он.

— А сейчас сколько?

— Восемь двадцать, — подсказал Марся.

— Так, — осмотрел я капитана. — Пистоль вижу, автомат вижу, а броник где?

— На складе, — промямлил он.

— Почему?

— У нас каптерщик с девяти начинает работать...

— Санек, — опешил Марсель, — зашибись смерши устроились! На войну, как на работу. Вот, суки!

— Так, не нужно патетики. Короче, берешь капитана и проверяешь, на что он способен, кроме просиживания штанов в штабе. Особо не церемонься, но без рукоприкладства.

Марся сгреб капитана и потащил на улицу.

— Марся, — крикнул я вдогонку, — и попроси парней меня часа три не трогать.

— Добро, — с лестницы крикнул Марся.

Ознакомление с делом начал по диагонали. Выявив ряд последовательностей, начал изучать их детально. В итоге, после просмотра некоторых записей с флэшки у меня сложилась следующая картина: в течение полутора месяцев в черте города, а нас перекинули в Глазго, было убито пять священников мужского пола. Перед тем, как отправить их в мир иной, жертв очень жестко пытали. Согласно показаниям свидетелей, убиенные знакомы не были, общих знакомых не имели, с уголовниками не общались. И так далее и тому подобное. В общем, зацепок следствие не нашло. Даже подозреваемых не было.

Мозги в голове с трудом перестраивались на «старые рельсы». Со скрипом, с лязганьем и матюками. Чтобы отвлечься, решил выехать на место последней мокрухи, дабы оглядеть все своими глазами.

Во дворе было пусто. Но на крыше здания, выходящего на дорогу, уже стояло ложное пулеметное гнездо, проезды между зданиями были заставлены бетонными блоками, на въезде уже заканчивали возведение пропускного пункта и двух пулеметных точек. Три БМП стояли в капонирах, БэТэР перекрывал дорогу, выполняя функцию ворот. Из здания, где располагались кабинета начальства и мой кабинет, выскочил чумазый Петюня.

— Петька, — крикнул я, — где все?

Он затормозил и поинтересовался:

— А тебе кто нужен?

— Марся, Макс и оба врача.

— Марся и Зяма какого-то капитана на заднем дворе дрючат, Макс с Ковалем у северных ворот, а Ильдар в мед. блоке ревизию проводит.

— А ты чем занимаешься?

— А мы твой кабинет обустроиваем, — неопределенно ответил он.

— Петь, а как мне их собрать по-быстрому? — намекнул я ему на необходимость оббежать указанных индивидуумов и собрать тут. Вместо того, чтобы ломануться к указанным мною людям, Петюня выудил из-за пазухи рацию и протянул мне.

— Кстати, твоя. Канал настроен и защищен. Кодировка наша, стандартная. «Закат» на этой же частоте.

Вручив рацию, Петюня ломанулся по прежнему маршруту. Воспользовавшись чудом японской электроники, велел парням собраться возле машин. Ильдар и Макс пришли быстро, а два офицера-воспитателя задержались. Причиной задержки стала отвратительная физическая форма Василия Алибабаевича. Он еле плелся из-за сорванного дыхания, сгибаясь под тяжестью какого-то древнего броника.

— Командир, — заявил Зяма, как только они подошли, — если все смершевцы такие же атлеты, как этот, то я сильно удивлен тому, что нас до сих пор не порвала британская МИ-6.

— Ну, может он интеллектом блещет? — предположил я.

— Там тоже все плохо, — вздохнул Марся. — Чего нас собрал-то?

— Поедем на место последнего убийства.

— Аэтого малохольного куда?

— С собой возьмем. Куда мы без него, — я замер, понимая, что не знаю, как капитана звать-величать. — Слышь, Василий Алибабаевич, а тебя на самом деле как по имени и отчеству?

— Не понял?! — воскликнул Зяма. — Так его не Вася зовут?! А я все гадаю, чего он на Ваську не отзывается...

И заржал одновременно с Марсей.

— Меня Оскаром звать, — обиженно сопя, сообщил капитан. — Бурмистров Оскар.

— Вот и познакомились, — чуть охреневши, резюмировал я. — Идем двумя машинами, пулеметы на крыши не ставить, местных не пугать. В первой машине я, Марся и Оскар, во второй — Макс и медики.

— Чур, я за рулем, — тут же заявил Зяма и ломанулся к машине.

— Капитан, ты садишься на переднее сидение, за штурмана будешь. Марся — за руль.

Город ударил по нам отсутствием войны. Ни разрушений, ни пожарищ. Об идущей войне напоминали только представители нашей армии, изредка встречающиеся на дороге, да комендантские патрули. В самом городе войск не было. Их, как и нас, разместили в пригороде. Я вертел головой, рассматривая пейзаж за окном, автоматические отмечая места возможных засад. Марся заметно нервничал, что сказывалось на манере его вождения и наличию комментариев Зямы, едущего следом. Борька напялил гарнитуру, поэтому в полной мере мог оценить манеру езды Марсея.

— Марся, — окликнул я его, когда понял, чем именно вызвана его манера вождения. — Тут нет засад. Нет мин. Тут мир, Марся. Не жди атаки.

Он свернул к обочине и припарковался:

— Саня, я все понимаю, но сделать ничего не могу! Меняемся.

— Чего встали, убогие?! — из рации спросил Зяма.

— Извозчик устал...

Ехать пришлось на другой конец города. Полоумный Оскар потащил нас через город, вместо того, чтобы прогнать через объездную. В итоге, мы остановились возле высокого бетонного забора, за которым угадывалось некое сооружение культа. У входа стояла машина военной полиции и небольшая группа гражданских. Скорее всего, прихожан, которых до сих пор не пускали внутрь. Оскар сбегал к полицейским, объяснил ситуацию, предъявил документы, и мы въехали внутрь территории. Все аккуратно, чисто, будто только что пострижено и помыто. В каком стиле были выполнены строения, я определить не смог. И дело не в особенностях строения, а в моей безграмотности в области архитектуры. Отметил для себя, что мрачновато все.

— Марся, Зяма, прогуляйтесь по территории.

— И что искать?

— Просто посмотрите, как и что расположено? Где можно проникнуть незаметно? Где свежие следы...

— А если... — начал спрашивать Борька.

— Арестовывать никого не нужно! Вежливо попросите пройти с вами...

Дверь нам открыл дядечка лет пятидесяти. Высокий, худощавый и седовласый. Объяснили цель нашего визита и прошли внутрь. Комната, где был найден труп, оказалась библиотекой. Богатой библиотекой. В дальнем углу стояло массивное кресло, выполненное из дерева, на котором и обнаружили убитого. Приступил к медленному осмотру, начав его раскручивать от кресла.

— Сань, — Ильдар задумчиво осматривал библиотеку, — странная церквушка.

— А что тебя смущает?

— Книги.

— Поясни.

— Я уже пятнадцать книг нашел по нейролингвистическому программированию. Часть из них написаны одни и тем же автором. Неким Джонатаном МакКьюзаком.

— Чего, чего? — встрепнулся я. — Фото автора на книгах есть?

— Есть, — Ильдар протянул мне одну из книг. Я бросил взгляд на обложку, нашел на стене библиотеки фотографию настоятеля церкви, по совместительству — безвинно убиенного:

— Узнаешь? — показал я Ильдару на портрет.

— Опаньки! Елки зеленые, что же это за церковь, с таким-то настоятелем...

— Хороший вопрос. Книги все забирай. На досуге ознакомишься с содержанием.

— А как же протокол выемки? — заволновался Оскар.

— Вот ты этим и займешься! — велел я капитану.

— Саня, — в кабинет вошел Макс. — На втором этаже комната потайная есть, наши ее не нашли. Вскрывать будем?

— Так, оставить сбор макулатуры. Пойдем, поглядим.

На втором этаже нас уже поджидал тот самый высокий, худощавый и седовласый дядечка, который открыл нам дверь. Дядечка заметно нервничал. Это заметили все, поэтому стволы, кроме Оскара, вынули одновременно. От вида оружия дядечке поплохело.

— Уважаемый, — прошептал я. — Вы можете открыть дверь?

— Какую дверь? — включил он «дурака».

— Вот эту, — Макс стволом обрисовал контур двери.

— Там нет ничего...

— Макс, на пол его.

Мужик тут же рухнул от полученного в печень удара. Макс оттащил его дальше по коридору и распорядился:

— Слышь, юноша, сын людей-идолопоклонников...

— Кого? — не понял Оскар.

— Заткнись, бестолочь, и слушай. Наручники есть?

— Нет...

— Саня, а мы неподготовленные пришли... — он сорвал со стены светильник, вырвал из него шнур и связал лежащему руки за спиной.

— Ствол достань и охраняй этого малохольного. Если попытается встать — вали.

Пока переводяга возился с «языком»... точнее с задержанным... ну, он уже был таковым, но еще не знал об этом... я осмотрел пол возле дверки. Дверка открывалась вовнутрь. Изучил дверное полотно, показал Ильдару место расположения замка, встал и приготовился к взлому. Макс бухнулся на колени, приготовившись брать на прицел все, что находится на высоте метра и ниже.

— Раз, два, три, — шепотом отсчитал Ильдар и плечом выбил дверь. Замочек оказался хлипким, поэтому в соответствии с законами физики Ильдар рухнул внутрь и замер на полу. В комнате никого не было. Зауток размером четыре на четыре. Под потолком два маленьких окна. Слева от входа нашли выключатель.

— Твою же мать!!! — заржал Макс, как только зажегся свет. Я осмотрелся и тоже расхохотался: комнатка была оборудована в лучших традициях БДСМ. Даже дыба присутствовала.

— Видимо тут наказывали грешников... — предположил Макс.

— Да, суровая дорога в рай... — согласился я с переводягой.

— Саня, ты только посмотри! — Ильдар протянул мне одну из фотографий, висевших на стене. На фотографии была запечатлена сцена из жизни двух любителей садо-мазо. Оба были мужского пола.

— Ты к их мордам присмотрись, — посоветовал Ильдар.

— Господи, — взвыл я, как только рассмотрел изображенных на фото извращенцев, — во что мы вляпались?!

— Чего там? — через плечо заглянул Макс. — Мдаааа, ну хоть не педофилы...

На фото в роли жертвы или раба (черт их не разберет, как там кто называется) выступал убиенный автор нейролингвистической литературы. А в роли палача, а может, хозяина выступал высокий, худощавый и седовласый дядечка, лежащий с «пробитой» печенью под охраной смершевца.

— Теперь понятно, почему он не хотел пускать нас сюда, — пробубнил Ильдар, осматривая кандалы. — Мужики, ключ не видите?

— Татарин, — прищурился Макс, — а тебе это для чего?

— Тебя свяжу и пытаться буду, про-о-о-о-о-о-о-о-о-и-и-ивный, — пообещал Ильдар, и оба захохотали.

— Оскар, — рявкнул я в коридор.

— Да, товарищ майор, — отозвался он.

— Бросай этого престарелого извращенца и вызывай следователей и экспертов. Пусть они тут все изучат. Шансов, конечно, мало, но вдруг чего и найдут.

— Есть!

— Сань, ты думаешь, это не лежащий в коридоре садист своего любовника порешил? — рассматривая фотографии на стене, поинтересовался Макс.

— Сомневаюсь. Если бы он, то этот «уголок извращенца» мы бы не нашли.

— Может, спрятать не успел?

— Местного настоятеля не случайно зашибли, а пытали долго и упорно. Следовательно — готовились. И уж такую доказуху, как это, спрятали бы в первую очередь.

— Слышь, Вася... — раздался внизу окрик Марси.

— Сам ты, Вася, — перебил его Зяма. — Он Оскар!

— Да мне до лампочки. Командир назвал Васей, значит, будет Васей! Короче, малоохольный, командир где?

— Наверх по лестнице. Там сразу увидите, — обиженно протянул Оскар.

— Толай давай, — велел Марся. Я сначала подумал, что это он Зяме, но тут Борька продублировал команду на английском, и я заподозрил, что они кого-то взяли в плен.

— Опа! — воскликнул Борька, как только увидел лежащего на полу престарелого любителя извращений. — А тут тоже весело было!

Я вышел из «пыточной». Между Марсей и Зямой двигался некий гражданин, очень напоминавший бомжа. Как только они приблизились, у меня появилась уверенность, что это бомж — воняло от него знатно.

— Кто ваш пахучий друг, сыщики долбаные? — поморщился я.

— Свидетель! — важно заявил Борька. Судя по всему, ему понравилось играть в сыщиков.

— А чего он так воняет?

— Он так воняет, потому что бомж, — пояснил Марся.

— И на кой вы его приперли?

— Ты же велел осмотреться, — начал пояснять Марсель, — вот мы и пошли с дозором. Проникнуть на территорию можно из любой точки. Забор тут поставлен только от честных граждан. Из систем безопасности — только камеры, которые давно не работают. Мы вдоль забора пробежались и на той стороне, что примыкает к парку, обнаружили относительно свежие следы. Кто-то перелез оттуда, а потом обратно.

— Последовательность именно такая?

— Гарантирую, — уверенно заявил Марсель. — Следы никто не маскировал. Внаглую протопали по газону. На асфальтовой дорожке, что идет по территории, следы заканчиваются. Мы с Зямой перелезли через забор...

— Следы не затоптали?

— Обижает! Так вот, следы точно такие же, что и внутри, присутствуют и там. Идут через парк и заканчиваются возле дороги. Следов шин нет, подтеков масла или иной фигни тоже. Решили пройтись вдоль забора, но с наружной стороны. И в пяти метрах от того места, где мы перелезли, нашли логово этого замечательного, но вонючего человека. Звать его Энтони, фамилии, говорит, нет. Так вот, мы его, ну Зяма, допросили. И вот, что вырисовывается. Зяма, твое слово.

— Со слов нашего бомжеватого приятеля, в тот вечер, что произошло убийство, на дороге остановился микроавтобус. Какой именно марки, он не видел. Из автобуса вышли двое, дошли до забора и перелезли через него.

— Стоп, — тормознул я Борьку, — следы сколько человек вы нашли?

— Правильный вопрос, — кивнул Зяма. — Судя по следам, от машины до забора, от забора до дорожки шел один человек.

Я внимательно посмотрел на бомжика, оценивая степень его вменяемости, а также уровень интоксикации его организма всякими... излишествами нехорошими.

— Эй, Энтони, — окликнул я бомжа. Он заинтересованно посмотрел на меня. — Ты когда тех двух из микроавтобуса видел, насколько был пьян?

— Монахов-то? — уточнил представитель шотландской интеллигенции.

— Почему монахов? — не понял я.

— Они были в черных рясах с капюшонами. Такие католические монахи носят.

— Зяма, он сейчас не обдолбанный?

— Нет, — не очень уверенно сообщил Борька. — С его слов, он уже неделю трезвый, так как у него финансовый кризис.

Я задумался. Если верить этому вонючему, в прямом смысле, шотландцу, то у нас в качестве подозреваемых нарисовались два католических монаха, один из которых владел левитацией, так как не оставил следов.

— Боря, пакуй этого джентльмена, на базе потолкуем.

— Чего делать? — не понял Зяма.

— Блин, объясни ему, что если он примет наше приглашение в гости, то ему дня два будет гарантировано трехразовое питание и стакан вискаря на ночь.

Борька перевел.

— Саня, он требует бутылку в день, но готов отказаться от завтрака и обеда.

— Хрен с ним. Пусть внизу подождет. А вы пока берите вон того гражданина, который связанный лежит...

— Нашел! — раздался радостный крик Ильдара из пыточной.

— Чего он там нашел?! — сразу сделал стойку Зяма.

— Я ключи нашел, — пояснил Ильдар, появившись с кандалами в руках. — Развяжите арестованного, я его закую!

— Это... татарин... — задумчиво поинтересовался Борька, — ты это откуда взял?

— Ты в комнатку загляни...

Через мгновение Марся и Зяма уже были в пыточной. Зяма ржал, Марся плевался.

— Саня, — из комнаты поинтересовался Борька, — а можно я себе на память тут плетку возьму.

— Возьми, возьми.

— Товарищ майор, нельзя ничего трогать, там могут быть отпечатки, — проскулил вернувшийся Оскар.

— Ты, капитан, группу вызвал? — проигнорировав его замечание, поинтересовался я.

— Так точно. Через десять минут будут.

— Молодец. А касательно «пальчиков» и прочей мишуры, то даю тебе стопроцентную гарантию, что кроме отпечатков покойного и его хахаля там ничего больше не найдется.

— Откуда вы знаете? — робко спросил капитан.

— Опыт, мой кинематографический друг. Опыт.

Глава пятая. Новые подозреваемые

Когда «гостей» затолкали в машины и приступили к погрузке литературы, прибыли грустные эксперты и печальный дежурный следок. Он попытался сказать все, что о нас думает, но сообразив, что перед ними не коллеги с соседнего города, а кто-то очень странный и борзый, молча пошел отбывать повинность. Парни показали следы в парке, указали на литературу и, естественно, под дружный ржач и плевки экспертов пыточную. Бомжа и любителя БДСМ оформили как свидетелей. Погрузились и поехали в морг — смотреть на тело последней жертвы.

Часть центрального полицейского морга была выделена под нужды нашей армии и следственных органов. Макс и Марся остались караулить машины и задержанных. Оскар тоже попытался отмазаться от посещения морга, но, получив подзатыльник от Зямы, уныло повел нас в «нашу» часть.

Нашли старшего эксперта, выяснили, кто делал вскрытие, сгребли готовые на тот момент экспертизы и пошли «знакомиться» с телом.

Экспертом оказался пузатый коротышка с печальным, как у бульдога, лицом. Он крайне неохотно начал отвечать на вопросы моих эскулапов, но, как только Зяма и Ильдар перешли на научную терминологию, показав знание предмета не менее глубокое, чем у эксперта, от его скуки не осталось и следа, и дело пошло веселей. В общем, парни общались с экспертом, а я читал заключения. Из заключений следовало, что покойному мелко наломали кости рук и ног, провернули коленные и локтевые суставы, прижгли шкуру на животе и груди, а также чем-то сдавливали череп. Погиб любитель садо-мазо от перелома основания черепа. Чем-то твердым и тупым ему проломили башку. В крови жертвы лишних препаратов не обнаружилось, половые органы и прямая кишка без повреждений, данных о том, что в течение суток до смерти убиенный жил половой жизнью (любым видом оной) нет. Так же отмечены множественные застарелые повреждения кожных покровов, полученные значительно ранее и не угрожающие его жизни. На этом месте я улыбнулся, а эксперт заржал, так как парни раскрыли тайную жизнь покойного. Изучив все экспертизы по два раза, отметил для себя, что на лице убитого нет повреждений, глаза и нос целы. Его всего переломали, но лицо осталось нетронутым. Чем вызван подобный гуманизм, было для меня загадкой. Единственная мысль, пришедшая в голову — он должен был видеть, слышать и говорить. То есть убийцы или убийца о чем-то общался с жертвой.

— Сань, послушай Петра Семеновича, — вывел из задумчивости возглас Ильдара.

Я подошел к эксперту.

— *Я* о чем толкую, други мои, — обращаясь в основном ко мне, продолжил тот, — такой изобретательности я даже у талибов не видел.

— Вы о чем?

— А о том, что крошили его медленно и постепенно. Крошили — в прямом смысле слова. Его конечности — это один сплошной компрессионный перелом.

— Вы хотите сказать, что кости сломаны в результате давления?

— И на руках, и на ногах переломы выполнены одним способом — кости сдавливали спереди и сзади с одинаковым усилием. Он чувствовал, как они ломаются. При этом, судя по остаткам нашатыря, его все время приводили в сознание. И еще один момент, при всех его телесниках и внутренних кровотечениях ни колотых, ни резаных ран на теле нет!

— Вы намекаете на то, что злодеи умышленно не допускали наружных кровотечений?

— Ну, у меня сложилось именно такое мнение. Ему даже череп аккуратно проломил.

— Кстати, — вспомнил я о черепе. — Ему голову именно стягивали или это след от какого-либо фиксирующего приспособления?

— Стягивали, — однозначно заявил эксперт. — Есть такой способ «развязывать» язык...

Он осекся, присмотрелся к нам и задумчиво выдал:

— Ну, вам-то ребяташки, я думаю, этот способ знаком... Из вас следователи, как из меня балерина...

— Не будем отвлекаться, — улыбнулся я, подтверждая подозрения эксперта.

— Хорошо, — он закурил. — Так вот, покойному на башку натянули металлический обруч и, стягивая его, ломали ему череп. Медленно и верно. Я только понять не могу, кому это нужно?

— Мы тоже... Кстати, а чем именно ему ломали конечности?

— Я предполагаю, что очень твердые пластины, предположительно, из металла крепили с двух сторон, потом их просто стягивали.

— Как «Испанский сапог»? — предположил Зяма.

— Именно. Я как раз собирался провести такую аналогию.

— А суставы чем выворачивали?

— Скорее всего, этим же «сапожком». Переместили выше перелома и провернули.

— В Европе опять поднимает голову инквизиция? — недоуменно спросил Ильдар.

— Не знаю, молодые люди, кто и чего поднимает, но аналогичные повреждения присутствовали еще у четырех трупов. Вы по ним тоже работаете?

— Тоже. Тела предыдущих забрали?

— Да.

— А вскрытие вы делали?

— Я.

— Что скажете?

— Повреждения один в один. Даже временной интервал, в течение которого их пытали, примерно одинаковый.

— И сколько?

— Пять-шесть часов. И у этого, и у первопроходцев сломаны зубы. Но не от внешнего воздействия. Им было так больно, что зубы ломались от напряжения челюстей. Внутренние стороны щек и языки у всех искусаны в лохмотья. Единственное, что отличает покойника № 4 от остальных, так это лопнувший сосуд на голове.

— Лопнувший?

— Именно. Из его медицинской карты следовало, что он страдал артериальным давлением. Когда палачи особенно сильно его начали ломать, то давление зашкалило, сосуд не выдержал и лопнул. Фонтан, судя отчетам криминалистов, был знатный.

Я наморщил мозг и припомнил, что на фотографиях экспертов есть фотография следов крови. Интересно...

— Еще какие-нибудь нюансы можете отметить?

— Да, пожалуй, все, — подумав, ответил эксперт. — Ожоги у всех одинаковые в форме креста...

— Чего, чего?!

— Мы когда ожоги обрабатывали, их, естественно, фотографировали. Посмотрев на снимки, сразу понятно, что изначально выжигали крест.

— Сатанинский?

— Вы имеете ввиду перевернутый?

— Да.

— Нет. Крест обычной формы с правильным расположением крестовины.

— Отпечатков или иных следов на трупах нет?

— Ни одного.

— Ну, спасибо и на этом, — я пожал судмедэксперту руку и вдруг спросил: — А местные эксперты в курсе происходящего?

— Конечно. Мы все проводим через их базу.

— То есть и полиция местная в курсе?

— В курсе, но она вежливо смотрит в другую сторону, довольствуясь тем, что мы им сообщаем.

— Кстати, а что местные говорят о происходящем:

— Ну, что говорят... — он наморщил лоб, припоминая, — что такого у них никогда не было... что во время войны на поверхность всплывают всякие маньяки и садисты... что до прихода наших... — он осекся, — ах же ты сволочь! Что до прихода наших ничего подобного не происходило! Что каждый веровал во что хотел и не подвергался гонениям!

— Очень интересно! — протянул я. — Этокто такой говорливый?

— Это санитар местный, — Петр Семенович судорожно начал крутить головой. — Сан Саныч, — окликнул он какого-то врача, — рыжий санитар... как его... Грегори... лицо все в следах от оспы... где сейчас?

— Так он, вроде, сегодня выходной.

— Так, майор, — эксперт сжал напряженно губы, — я сейчас узнаю адрес этого санитара...

— Петр Семенович, — прищурился я, — меня терзают смутные сомнения, что вы не просто судмедэксперт...

Он замер, кашлянул, еще сильнее сжал губы и ответил:

— Какая разница? Его же все равно нужно брать...

— Прежде, чем вы убежите искать адрес, — я сделал нажим на слове «искать», — позвольте полюбопытствовать: Иван Васильевич Петров, майор с очень нехорошим взглядом, вам не знаком? Вы только кивните, мне для понимания картины и экономии времени при отчетах.

Медик кивнул и скрылся.

— Сань, — ко мне подошел Зяма с самым задумчивым видом, — я так понял, что Семеныч так всполошился из-за заявления некоего местного санитара о том, что до нас такого не было?

— Именно.

— Он предполагает, что все убийства были совершены с целью дискредитации оккупационных войск и в дальнейшем подъеме народно-освободительного движения?

— Точно.

— А не мелкогато? Пять ничего не значащих попов низкого полета. Через месяц про них никто и не вспомнит.

— Это, смотря как донести до общественности. А если и продолжения будут...

— Вот! — в «разделочную» влетел запыхавшийся эксперт, сжимая в руке клочок бумажки с адресом санитара. — Это недалеко.

Я сгреб бумажку, и мы поехали по адресу.

Обычная для этого города многоэтажка, в меру загажена, в меру разрисованна, в меру заполнена мутными людьми. Управляющего найти не смогли, поэтому Марся сгреб первого попавшегося аборигена, стукнул его об стену, а Макс выяснил, куда именно идти.

— Марся, не отпускай этого гражданина.

— Гражданин, вы задержаны! — сурово пояснил Марсель местному. — Макс, переведи. Санек, а на кой он нам?

— А он в качестве отмычки пойдет.

— Понял. Не дурак.

Второй подъезд. Четвертый этаж. Квартира 149. Стучимся в дверь.

— Кто? — из-за двери интересуется сонный мужской голос.

— Это я, Сварщик, — представился наш добровольный помощник. Мы недоуменно уставились на него.

— *Я* наркотой не интересуюсь, — ответил тот же голос из двери.

Сварщик сглотнул, испуганно поглядывая на нас. *Я* жестом потребовал продолжения разговора.

— *Я* по другому поводу, — обильно вспотев, продолжил Сварщик. — Ты же в морге работаешь?

— Допустим.

— У меня есть небольшое, но выгодное дельце.

— Какое? — заинтересовался хозяин квартиры и открыл дверь. Тут же он был схвачен Марсей и выдернут в подъезд. Марсель прижал его к стене, рот закрыл ладонью, а к голове приставил пистолет.

— Этот? — спросил я у Сварщика.

— Да, — кивнул он.

— В квартире еще кто-то есть? — спросил я у санитара. — Башкой мотни.

Он отрицательно покрутил головой.

— Зяма, на тебе Сварщик. Макс, Ильдар, проверяем хату.

За минуту проверили однокомнатную квартиру санитара и зашли всей компанией внутрь.

— Можно я пойду? — заскулил на пороге Сварщик.

— Пока, нет. Зяма, обшмонай его.

— Руки на стену, ноги на ширину плеч, — скомандовал Борька. Сварщик привычным движением уперся в стену.

— Вы кто?! — испуганно спросил Грегори Мак-Грегор, хозяин квартирки, являющийся санитаром в полицейском морге.

— Мы представители военной прокуратуры армии Российской Федерации, — представился я и предъявил ксиву.

Грегори внимательно ее изучил и тут же заявил:

— Ваши действия нарушают мои права. *Я* буду жаловаться на вас. А пока, покиньте мое жильё!

— Чего он там бубнит? — поинтересовался Марся.

Ответить я не успел.

— Опа! Опа!! Опа!!! — воскликнул Зяма. — Так ты у нас драг-дилер!

— Это не мое, — заскулил Сварщик.

— Конечно, не твое, — согласился Борька. — Это я тебе только что в трусы засунул.

Зяма бросил на диван пакет с порошком белого цвета, документы Сварщика и неслабый пресс купюр.

— Богатый клиент, — оживился Макс.

— Отвлекитесь от него, — велел я парням. — У нас дела понасущнее. Санитар вспомнил про свои права и требует у нас покинуть помещение.

— Чего? — протянул Марся.

— Мы же в цивилизованной стране, — начал объяснять я, — граждане которой могут быть уверены, что их права защищены законом.

— Мне — выше колена. Я — оккупант, — заявил Марся, и ударил санитару в солнечное сплетение. Тот сложился пополам.

Когда Грегори восстановил дыхание, я пояснил:

— Слышь, труповоз, ты луга не путай. Мы не ваша полиция. Мы — следственное подразделение армии, которая, на минуточку, оккупировала твою страну. Поэтому нам плевать на твои права и свободы. Не будешь дурковать, все ограничится беседой. Начнешь зудеть про незаконность наших действий, мы тебя тут ломтями нарежем. Так что, свобододобивый горец, ты выберешь?

— Что вы хотите?

— В беседе со своими коллегами ты ляпнул, что убитые священники появились только с приходом наших войск. Не нужно отрицать. Это бессмысленно. За это тебе ничего не грозит. Свободу слова никто не отменял. Меня интересует, кто именно вложил в твой недоразвитый мозг эту крамольную мысль?

— Чего? — испуганно переспросил санитар.

— Блин, тупое ты создание, — вздохнул я. — Повторяю: кто именно из твоих знакомых высказал предположение, что священники стали погибать только с приходом русских?

— Наш пастор, — сглотнул он.

— Вот, мать твою! Опять пастор... Как звать проповедника?

— Отец Джонатан.

— Как?! — не поверил я своим ушам.

— Отец Джонатан МакКьюзак.

— Это которого последним завалили? — на всякий случай уточнил я.

— Именно.

— Санек, ты чего такой удивленный?

Перевел Марсе полученную информацию.

— Этого труповоза нужно с собой забирать, — предложил Марся.

— Грегор и, какие отношения были у вас с МакКьюзаком?

— Я был прихожанином его церкви.

— Давно?

— Больше года.

— Марся, пеленай его.

Марсель быстро связал руки санитару.

— Саня, а наркоторговца куда?

Я посмотрел на Зяму, на Сварщика, на найденную у него дурь и вытащил рацию.

— Оскар, ответь Трофимову.

— Оскар на связи.

— Ты, наш малохолный друг, еще не угорел от ароматов местного бомжика?

— Нет еще, — вздохнул Оскар.

— Тогда, не выходя из машины, осмотрись вокруг. Очень может быть, что недалеко от машин или от входа в подъезд болтается группа лиц самого криминального вида.

— Есть, — почти сразу ответил Оскар. — Четверо недалеко от подъезда, двое на выезде из двора.

— Молодец. Запрись внутри машины. Что бы ни случилось, не выходи из нее. Теперь сделай привязку по сторонам света относительно местоположения ребяток у подъезда.

— Чего сделать?

— Твою мать, местные гопники стоят южнее или севернее от выхода?

— Э-э-э... а-а-а-а... а у меня компаса нет, — проблеял он.

— Баран! На приборку посмотри!!!

— Севернее! Севернее!! — обнаружил Оскар вмонтированный в приборную панель компас.

— Принято. Теперь до нашего возвращения даже окна не открывай.

Оглядел своих архаровцев и скомандовал:

— Оружие к бою, други мои!

Парни защелкали предохранителями. На этот раз мы пришли подготовленными: автоматы, каски, броники.

— Слушаем сюда. На выходе нас ждут подельники нашего наркоторговца. Скорее всего, они попытаются отбить его или товар с деньгами. В связи с тем, что мне очень не хочется ссориться с местным преступным сообществом, я собираюсь вернуть им и Сварщика и его барахло. Поэтому из подъезда выхожу только я со Сварщиком, общаюсь с местной братвой, а потом мы спокойно уезжаем. В случае чего — валим всех к едрене фене.

Спустились к выходу. Первым шел я, толкая перед собой Сварщика, потом Макс и Ильдар, замыкающим был Зяма, ведущий санитаря.

— Как зовут бригадира? — спросил я у Сварщика.

— Кого? — не понял тот.

— Старшего как звать?

— Санни.

— Ну, Санни, так Санни, — пробубнил я и вытолкнул Сварщика на крыльцо подъезда, удерживая его на вытянутой руке.

— Санни, — заорал я.

Как только справа послышались удивленные возгласы, приставил к башке Сварщика пистолет. Кореша Сварщика видели его, стоящего с приподнятыми руками, мою руку, удерживающую его за плечо, и мою вторую руку, упирающую пистолет в висок Сварщика.

— Санни, — снова проорал я.

— Кто меня спрашивает? — раздался справа вопрос.

— Меня зовут Алекс. Я офицер Российской армии. Твоего парня мы взяли случайно и сейчас хотим его вернуть. Его и все, что было с ним. Я выйду на крыльцо и опущу ствол. Мы дойдем до тебя и ты сможешь забрать Сварщика.

Все это я проорал стоя в подъезде.

— Выходи, — раздалась команда. — Только не делай резких движений.

Я сделал шаг на крыльцо, лишь частично прикрывшись дилером.

— Мы начинаем движение, — крикнул я и убрал пистолет в кобуру.

За тридцать секунд мы преодолели расстояние от подъезда до четырех представителей шотландской наркомафии. Все четверо были здоровыми кабанам с очень нехорошими взглядами. Самым низкорослым из них был детина с огненно-рыжими волосами. «Действительно, Сании (Солнечный)», — подумалось мне. Сам Сании стоял безоружный трое остальных стояли с Калашами.

— Сварщик, тупое ничтожество, — с усмешкой обратился к дилеру Сании. — Как ты умудрился попасть в лапы к русским?!

— Я... случайно вышло...

— Идиот! — он перевел взгляд на меня. — Алекс, если не ошибаюсь?

— Правильно, — кивнул я.

— Ты говорил, что отпустишь его.

— Верно, — я толкнул Сварщика в сторону его подельников. Рыжий мгновенно дернул его на себя, прикрывшись им как щитом.

— Теперь я левой рукой медленно достану пакет с барахлом этого недоумка.

— Медленно, — подтвердил рыжий.

Из кармана разгрузки я вытащил пакет и протянул его в сторону собеседников.

— Сварщик, заberi.

Выполняя команду рыжего, Сварщик протянул руку и взял пакет.

— Все на месте? — поинтересовался Санни, когда Сварщик закончил с ревизией.

— Все.

— Очень хорошо, — возвестил рыжий, забрал пакет и толкнул Сварщика в сторону. — Убрали стволы и погуляйте в сторонке, — велел он своим бойцам. Те с самым равнодушным видом спрятали автоматы и, схватив Сварщика, отошли метров на пять.

— Ты, русский, какой-то странный, — обратился ко мне Санни. — Странный, но умный. Кто ты и что тут делаешь?

— Я — армейский следователь. Занимаюсь расследованием убийств.

— Так у нас никого не убивали, — прищурился рыжий. — Тем более, ваших.

— Убийства произошли в других местах...

— Убийства? — ухватился он.

— Да.

— Ваших?

— Нет. Местных священников.

— А-а-а-а, — разочарованно протянул он.

— Ты что-то слышал?

— Нет, — он поморщился. — Священники, тем более дохлые, меня не интересуют. А тут ты что потерял?

— В подъезде, из которого мы вышли, проживает человек, хорошо знающий последнего из убитых. За ним мы и пришли. Так как мы тут чужие, нам понадобился проводник. Твой Сварщик первым подвернулся под руки.

— А почему начали его шмонать?

— Для честного человека он был слишком нервным и слишком нелюбопытным.

— Да, — кивнул Санни, — до честного человека Сварщику как до Луны. А как вы поняли, что мы вас ждем?

— До войны я тоже был следователем и также работал по трупам, в том числе и по трупам мафии. Соответственно, психологию организованных групп знаю хорошо. Известие, что твоего торгаша взяли военные, скорее всего, долетела до тебя быстрее, чем мы вошли в подъезд. А дальше все просто: тебе очень не хочется ссориться с военными, поэтому ты готовишь засаду, но первым не нападаешь. Хочешь предложить обоюдовыгодную сделку. Вот и все.

— А ты умный Алекс. Умный и опытный. Если бы ты попытался забрать Сварщика, вам бы пришлось несладко. Тут почти в каждом окне мои люди с оружием. Я только одного не могу понять: для чего ты идешь на сделку? Ты же отпускаешь преступника с поличным!

— Видишь ли, Санни, наркота — это не мое дело. Меня интересуют только трупы, точнее убийцы. Поэтому мне нет дела до всего остального. Можете тут хоть цех по переработке дури открыть, я равнодушно пройду мимо. Из-за этого я не собираюсь рисковать собой и своими людьми.

Сообщать шотландцу, что мне плевать на то, что своим «товаром» он уничтожает собственный народ, я не стал. Вдруг он патриот...

— Вот если бы ты попал в ранг подозреваемых в убийствах, я бы занялся тобой плотно, — улыбнулся я.

— Не переживай, не попаду, — так же улыбаясь, ответил Санни. — Ну что русский, если мы обо всем поговорили, давай разбегаться.

— Один вопрос и одну просьбу можно?

— Давай, — удивился Рыжий.

— Ты действительно не знаешь ничего про убийства? Не сочти мой вопрос за оскорбление, но мне реально нужно поймать того ублюдка, что валит ваших священников. Если им окажется гражданин Шотландии, мы отдадим его вашему суду. Если же им окажется наш... то он будет жалеть, что мы не отдали его вашему суду...

Санни несколько обескураженно посмотрел на меня и ответил:

— Нет, я действительно ничего не знаю. А просьба какая?

— Очень может быть, что скоро мы снова припремся по своим делам на твою территорию. Поэтому во избежание недоразумений не мог бы ты оповестить своих людей о том, что солдаты, прибывшие на машинах с нашей символикой, не представляют для вас опасности. Что нужно предупредить нас о том, что это ваша территория, и не мешать нам делать свою работу. А мы, в свою очередь, не заметим ваших мелких и крупных проказ.

От удивления у рыжего открылся рот.

— Ну ты, русский, даешь! — наконец смог выговорить он. — А где гарантия, что ты нас не кинешь?

— Я не кинул тебя сейчас. Какой резон делать это в другой раз? Пойми, Санни, я бы мог вызвать подкрепление. Мы — не полиция, мы — не Шотландская армия, мы — представители Российского оккупационного корпуса. Сюда приехала бы группа очень страшных штурмовиков и четыре танка. И на своем бизнесе в этом районе ты мог бы поставить крест. Но мне не нужны разборки. Мне нужна тишина.

— Ты очень странный, русский, — повторил рыжий. — Сварщик, — крикнул он. — Иди к машинам русских и сфотографируй их символику.

После того как Сварщик предъявил нам результат фотосессии, мы распрощались. Когда я почти дошел до подъезда, он окликнул меня.

— Алекс, если я что-то узнаю про убийц священников, как мне тебя найти?

— Записывай номер телефона...

— Сань, я так и не понял твоего маневра, — Марся снова сидел за рулем машины. Свою мысль он озвучил, когда мы выбрались на объездную дорогу.

— Ты про сдачу Сварщика его подельникам?

— И про это тоже.

— Друг мой, мне плевать с Бит Бена на то, что делают представители местных преступных сообществ со своими согражданами. Пусть они хоть, бесплатную раздачу наркоты устроят, мне по барабану. Это — не моя земля, не мой народ, а значит, не мои проблемы.

— Допустим, — кивнул Марся. — А с этим рыжим, ты чего любезничал? Мы же половину его банды могли на раз положить.

— А оно тебе надо? Мы избежали столкновения, и, возможно, в следующий раз, местные гопники вежливо отвернутся в другую сторону, когда мы приедем по своим грязным делишкам.

— А-а-а-а, — протянул Марся. — Стратег, твою мать...

Марся ударил по тормозам. Машина встала колом.

— Марся, какого хрена?! — зло поинтересовался Зяма, сидевший за рулем второй машины, еле успевший затормозить.

Марся взял рацию:

— Засада, твою мать. Приготовились.

Я посмотрел на дорогу. Метров через триста начинался крутой поворот, по обочинам густые кусты, слева на обочине стоял здоровенный грузовик, справа, чуть дальше по ходу движения, — микроавтобус с включённой аварийкой.

Зяма вывернул влево, чтобы из машины оценить возможную угрозу.

— Очень похоже, — согласился Ильдар в рации. — Чего будем делать?

— Зяма, пулемет на крышу. Ты и Марся остаетесь в машинах. Ильдар, Макс, десантируемся и уходим влево на обочину.

— Почему влево? — уточнил Ильдар.

— А там нас никто не ждет!

— Пулемет готов, — отчитался Борька.

— Макс пошел, — когда он достиг края обочины, я скомандовал то же самое Ильдару, а потом и сам вынырнул из машины и бросился к обочине.

— Мы так и не поняли, какого хрена ты вытворяешь? — медик и переводяга глядели на меня, скорчив в недоумении рожи.

— Проверка на вшивость.

— Поясни, — потребовал Макс.

— Пять минут курум. Если движуха не начнется, значит, мы перебздели. Если начнется...

— Санек, микроавтобус стартовал, — проинформировал нас Марся. — Тормознул, метров через десять... из кустов выбегает... одни, два... Зяма, ты видишь?

— Пять рыл нырнуло в автобус, — уточнил Борька.

— А грузовик?

— Стоит. Может в нем бомба?

— Все может быть. Мы возвращаемся.

Тем же манером вернулись в машины.

— Куда едем? — уточнил Марся.

— На базу, но через город, — скомандовал я. — Не будем дергать смерть за усы.

— Как скажешь, Каа, — раздался из радиации ржач Зямы.

— Юмористы, — обратился я к экипажу второй машины, — пулемет уберете только метров через пятьсот.

— Принято.

— Начать движение.

— Товарищ майор, — как только мы отъехали на километр от места засады, рискнул заговорить Оскар, — а кто это был?

— Хороший вопрос, мой любопытный капитан. У тебя самого какие предположения есть?

— Английские диверсанты, — тут же ответил он.

— Ты еще скажи, что пиндосовские, — усмехнулся Марся.

— Не английские? — робко уточнил Оскар.

— Не диверсанты, — разочаровал я его.

— А кто?

— Неустановленные отважные непрофессионалы.

— Почему непрофессионалы?

— Были бы профи, так бездарно не встали бы.

— А почему пиндосы?

— Что «пиндосы»? — не понял я хода мыслей Оскара.

— Почему американцев все пиндосами называют? — как-то застенчиво спросил Оскар.

— Ты не обращал внимания на снарягу америкосов? Нет? Так вот, они, когда все что им по уставу положено, на себя нацепляют, очень на пингвинов походят. Походняк один в один. На это сербы обратили внимание. Вот пингвинами их и прозвали.

Видя, что Оскар не понял, я объяснил:

— На сербском «пиндос» означает пингвин.

— А-а-а-а, — протянул он и захихикал.

— Детский сад... — пробурчал Марся.

Глава шестая. Допросы. Пропавшая улика

До базы добрались без приключений, если не считать выпендрож «Заката» на воротах. При появлении наших машин в поле зрения БТРа, выполняющего функцию ворот, башня указанного транспортера повернулась в нашу сторону и «вела» нас, повторяя все маневры Марси. Мы ржали, Оскар откровенно бздел.

— Саня, тебя Барон ждет, — крикнул Юрка с БэТэРа, который ворочал башней.

— Спасибо, стрелок...

Оставил задержанных на попечение Марси и ломанулся к Ивлеву. Еще на лестнице услышал ругань Барона:

— Микола, ты вообще страх потерял? Я кто?! Кто я?! Генерал или куча в углу?!

Я замер, желая дослушать причину генеральского гнева.

— Ну, вам виднее... — пробухтел мой хохол. Судя по сдержанному смеху, где-то рядом болтался Зимин.

— Нет, Петрович, — подтверждая мою догадку, запричитал Барон, — ты погляди на этого барыгу!!! Любимому командиру не может дверь бесплатно поставить!!!

— Товарищ генерал, ну шо вы так журитесь? Не так много я с вас и прошу... только за замки. Дверь, косяк и работа за счет фирмы. А замки покупать нужно.

— А Бармалею?! Бармалею же ты бесплатно все поставил!

— Ну, любимому командиру грех не поставить...

— Ах ты, сволочь хохляцкая, — взвыл Барон и тут же накинулся на ржущего во всю глотку Петровича, — а ты чего тут гогочешь?! Это он не меня, он нас, нас, громила тупоголовая, разводит...

— Михалыч, — Зимин кое-как успокоился, — ты не умеешь с ним разговаривать. С ним нужно на языке Бармалея говорить.

— Это как? — заинтересовался Барон.

— Микола, скажи мне, друг мой продажный, что в сейфе лежит?

— В каком сейфе? — Микола, судя по тону, «включил дурака».

— В каком сейфе? — поддержал Ивлев.

— Барон, — задумчиво произнес Петрович, — ты с годами все больше и больше начинаешь смахивать на Юнусова... Видимо, это заразно... Сходи посмотри!

Пауза.

— Ты сейф видишь?!

— Епа-мама! — простонал Барон. — Микола, хочу такой же!

— Таких больше нема, — отрезал Микола.

— А какие есть?

— Да, блин, погоди ты с сейфом... — попытался остановить Петрович Барона.

— Тильки жовтые.

— Плевать, пусть будет желтый...

— Барон, ты заглохнешь?! — увеличил громкость Зимин.

— Тогда з вас шо...

— Микола, завали пасть! Молодец, — снизив громкость, похвалил его Петрович. —

Так, ты, ребенок в звании генерала, молчишь и слушаешь. А ты, спекулянт в звании старшего прапорщика, слушаешь, но отвечаешь. Что в сейфе?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Бармалей.

— И пароль только он знает?

— Ага.

— Микола, ты идиота из себя не строй. Сейф вы приперли, когда Трофимов уехал. И что-то интересное вы затолкали туда же в его отсутствие. Так, скажи мне, друг мой, что в сейфе?!

Микола откашлялся.

— Дмитрий Михайлович, сейф говорите куда поставить?

— Э-э-э-э, — чуть опешил Барон от такого резкого поворота в разговоре, — на место старого.

— Дверку мы завтра поставим, хорошо? Сегодня уже поздно за замками ехать...

— Вот видишь, — самодовольно заявил Петрович.

— Вижу, — задумчиво подтвердил Ивлев. — Микола, так что в сейфе-то?

Дабы отвлечь внимание начальства от сейфа, я прокашлялся и поспешил наверх.

— Добрый день, отцы-командиры!

— О, следак приперся, — поздоровался Петрович.

— Чего-то раскопал? — спросил Зимин.

— И да, и нет. Отчет тут давать?

— Пошли ко мне, — махнул рукой Барон. — Микола, мы не закончили... — намекнул он хохлу про сейф.

Подробно рассказал про церковь и библиотеку с книгами по НЛП; про комнату пыток и партнера убиенного священника по БДСМ; про следы, бомжа и «летающего» монаха; про «инквизицию», про очень интересного патологоанатома и санитаря; и, наконец, про наркомафию и засаду.

Минут пять отцы-командиры переваривали полученную информацию. Первым ожил Барон:

— Петрович, про засаду контрразведчикам расскажешь сам. Этому малохольному Оскару веры нет. Сашок, после допроса задержанных отчет для начала мне, а потом остальным. И можешь с ними особо не церемониться. Но без фанатизма.

— Понял.

— Тогда иди, дальше работай. А мы пока справки кое-какие наведем...

Дверь своего кабинета я не узнал. Вместо разбитого пластика стояла цельнометаллическая дверь, напоминающая дверцу банковского сейфа. Ручек снаружи не было. Я потоптался возле нее и робко постучал. Запищал электрозамок и дверь открылась. Внутри тоже все поменялось. Во-первых, напротив входа поперек комнаты был установлен стеллаж, разделяющий комнату на две части и закрывающий обзор вошедшему. Справа появилась двуярусная кровать, на которой уже дрых Вартанчик. Обойдя шкаф, обнаружил новый стол, кресло, диван и сейф. Нет, не так: СЕЙФ! В высоту два метра, в ширину полтора, с двумя отделами, расположенными горизонтально. Замки кодовые в виде крутилок. Оторвав взгляд от железного монстра, я уперся взглядом в окно, точнее, в три маленьких бойницы, оставшиеся от окна. Остальное было замуровано кирпичной кладкой. В кресле сидел Микола и сосредоточенно сводил баланс.

— Микола, где мои документы из старого сейфа?

— В верхней части, — он ткнул карандашом в сторону сейфа, не отрываясь от грессбуха.

— А код?

— Там не закрыто.

— Почему?! — возмутился я.

— Код сам выставишь, какой тебе нужно. А тут всегда кто-то из наших дежурит.

— Это ты про дрыхнувшего Вартанчика?

— Я не сплю, — раздался сонный писк радиста.

— Я ему разрешил, — пояснил Микола.

Подошел к сейфу, ухватился за ручку и, приложив значительные усилия, смог открыть дверь. На обратной стороне двери был механизм для установки кода. Набрал нужную комбинацию, закрыл дверцу и проверил работу. Все работало как часы.

— Куда тебе код записать? — спросил я у Миколы.

— Мне не нужно. У меня мастер-код.

— Ты с Бароном утряс разногласия?

— Утряс, утряс, — заворчал он. — Старый скупердяй! Как увидел дверь, так сразу «загорелся» такой же. А где я замки возьму?! У меня только один комплект был. Я и объясняю: металл на полотно есть, на коробку тоже. Сами все сделаем, поставим и подключим. Но замки купить нужно. Я бы сам все купил, он бы только деньги отдал... А теперь еще сейф ему отдавай...

Я усмехнулся.

— Микола, что в нижней ячейке?

— Касса, — одними губами пояснил хохол.

— А звенящий груз куда заныкали?

— Никуда. В машине стоит. Я завтра пойду, погляжу, куда его можно пристроить.

— А командиры? — поинтересовался я, понимая, что десятитонный грузовик не заметить нельзя.

— Петрович уже в доле. С ним и пойдем...

— Понял. Ты не заешь, куда парни задержанных увели?

— Под казармой «Севера» камеры есть. Туда и уперли.

Казармой «Севера» оказалось аналогичное двухэтажное строение. В подвале действительно были оборудованы камеры. Целых шесть штук. В трех из них и были размещены «гости». В конвойной комнате расположился Марся. Одним глазом он смотрел на телевизор, другим — на разобранный автомат.

— Марся, ты на посту или где? — намекнул я на неработоспособность автомата.

— На посту, — подтвердил он и показал на лежащий на столе пистолет.

— Садомазохист в какой камере?

— Первая слева.

Служитель культа (непонятно какого) сидел с самым тоскливым видом. Увидев меня, он тяжело вздохнул.

Значит так, мистер Уоррен Маркс, мне поручено найти убийц священнослужителей. Ваших священнослужителей. Любыми способами. Поэтому мне наплевать и на нормы морали, и на нормы нравственности, и на действующее законодательство. Я рекомендую вам быть предельно откровенным. В противном случае, вы почувствуете на собственной шкуре, что еще три дня назад мы были диверсионным подразделением и умели задавать вопросы...

— Спрашивайте, — еле слышно прошептал он.

— Вы имеете сан священника? — спросил я.

— Нет, только послушника.

— На какие средства вы содержали храм?

— На пожертвования прихожан.

— К какой конфессии относится ваша церковь?

— Ни к какой не относится. Мы самостоятельное, новое течение.

— Опа! Тогда уточню: вы относитесь к христианству?

— В какой-то мере. Мы веруем в Христа. На этом схожие моменты заканчиваются. На ум пришло слово «секта». Поэтому я и задал следующий вопрос:

— Кем для прихожан был убитый священник?

— Наместником Бога на земле, братом Христа, Великим поводырем всех заблудших, — торжественно, с чувством и фанатичным блеском в глазах сообщил мне задержанный.

— Сколько прихожан в вашей церкви?

— Чуть меньше двух тысяч.

— Вы одни такие или где-то есть филиалы?

— Нет. Организовать приходы в других городах мы не успели.

Я закурил, переваривая услышанное. В голове крутился один и тот же вопрос: «Остальные «церковники» были, как последний, или настоящими?».

— Продолжим. У убитого были враги?

— Ну... — замялся он.

— Не нужно стесняться.

— Один.

— Кто?

— Предыдущий партнер по... частной жизни, — кое-как выдавил он, завуалировав садо-мазо термином «частная жизнь».

— Кто он?

— Энди Роллинг. Адрес назвать не смогу, но дорогу покажу.

— Хорошо. Проверим. Почему вы решили, что упомянутый вами Энди был враг убитому?

— *Я* был свидетелем их последнего разговора. Энди пригрозил, что Джонни сильно пожалеет, поменяв его на меня.

— Как давно они расстались?

— Больше семи месяцев прошло.

— После этого они встречались?

— Нет, насколько мне известно.

— Так, кроме упомянутого Энди, еще враги были?

— Нет, что вы! Джонни все обожали!

— Скажите, а в последнее время у «преподобного» не было странных гостей? Или угроз?

— Угроз не было. А гости... три недели назад приходили два монаха-католика. Лиц я не видел. Они в капюшонах были. Он проговорил с ними около двадцати минут без свидетелей. После их ухода он был сильно напуган. Так напуган, что напился в тот вечер в у смерть. С ним такого никогда не было.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О чем был разговор с монахами он не говорил.

— Ну, когда я его тащил в спальню, он был в сознании... Он все время повторял, что инквизиция его нашла... что она покарает его...

— А наутро или позже вы говорили с ним на эту тему?

— Я попытался, но он сильно испугался и велел мне не говорить про это вообще.

— Монахи еще раз приходили?

— Нет.

— А в день убийства он ждал гостей?

— Нет. Это был обычный день.

— Каковы ваши предположения на тему инквизиции? Даже из разряда «брета».

— Никаких предположений. Инквизиция в наше время — это дикость!

— Так, следующий вопрос: в своих беседах покойный как-то обмолвился, что убийства предыдущих проповедников стали возможны только с приходом русских. Не отрицайте это, — сразу предупредил я его. — У нас есть свидетель, который уже подтвердил, что такой разговор был. Я не собираюсь за это никого наказывать. Мне интересно, откуда у убитого появились такие выводы?

Собеседник долго мялся, а потом, старательно подбирая слова, пояснил:

— Видите ли... с точки зрения вашей ортодоксальной церкви, наша религия не вписывается в традиционные догмы христианства. Между тем, мы как цивилизованные жители Европы...

— Стоп. Про Европу потом расскажете. Не отклоняйтесь от сути.

— Да, извините. До... э-э-э-э-э... прихода ваших войск, — подобрал он синоним слову «оккупация», — в наши дела никто не вмешивался. Для нашего правительства свобода совести и свобода слова не пустой звук! Их интересовали только налоги... А после вашего... приход а на нашей земле появились представители Православной церкви и служители Вашего Ислама. К нашему ужасу, они выступают единым фронтом. Их представители заверили, что все истинные, — последнее слово он произнес с отвращением, — конфессии, получают от них поддержку и помощь. А те, кто не относится к таковым, или призывает к уничтожению инакомыслящих или являются сектами, прикрывающимися именем Всевышнего, будут выявляться и подвергаться гонению.

Услышав про гонение, я рассмеялся. Полтора месяца назад представители российских мусульман, а именно «Казанские», разнесли к едрене фене мечеть в каком-то прибрежном городе. Как с гордостью пояснил Ильдар, являющийся коренным казанцем, нашим мусульманам не понравились высказывания тамошнего муллы относительно цвета кожи истинного мусульманина. Недалекий негр, родившийся в Шотландии и служащий там муллой, имел неосторожность сделать замечание российскому офицеру. Оказавшийся рядом представитель российского мусульманского духовенства поспешил защитить нашего офицера, объяснив недогадливому гражданину Шотландии, что махать руками в сторону наших вредно для здоровья. Услышав это, негр заявил, что только негры, точнее афро-шотландцы, могут постичь всю мудрость Всевышнего. А тупому белому это не дано... На беду негра белым оказался именно мулла из Казани... Через минуту офицер, за которого мулла вступился, попытался оттащить разъяренного «белого» от лежащего «черного», но был вынужден отступить, получив подзатыльник от подоспевшего попа. Через полчаса «Казанские» уже штурмовали местную мечеть, били морды аборигенам и грозились всех перевешать.

— А ваш приход наши священнослужители к какому подвигу причислили?

— К сектам, — недовольно пробурчал он.

— Хорошо, — пробурчал я. — Точнее, ничего хорошего... Скажите, а остальные убитые священники к какой группе были отнесены?

— Не знаю, спросите у них.

— С ранее убиенными ваш настоятель был знаком?

— С некоторыми. И только шапочно.

— Хорошо. Спасибо за ваши ответы. К сожалению, вам придется провести тут ночь. На днях вы покажете дорогу к дому бывшего фаворита вашего патрона, и мы вас отпустим. Ужин вам принести?

В конвойной вместо Марси сидел Ильдар и тоже чистил автомат.

— Вам тут медом намазано?

— Ты о чем? — не понял Ильдар.

— Все, кого я вижу на этом месте, чистят оружие.

— Так чего еще делать? Как завещал Великий Тунгус, любая свободная минута должна быть посвящена уходу за оружием!

— Помню, — улыбнулся я. — Ты тут задержанных пасешь?

— Нет. Тебя жду, — он начал сборку автомата. — Я просмотрел книги, что мы изъяли в церквухе.

— И?

— Покойный был очень хорошим психиатром. У него даже научная степень была на соответствующую тематику. Он долго работал по прямой специальности, а лет пять назад его то ли по башке стукнули сильно, то ли заразился чем-то от пациентов, в общем, объявил он себя братом Христа, наместником Бога и так далее, и тому подобное. Обладая специальными познаниями в области психиатрии, он достаточно быстро обзавелся прихожанами и начал выкачивать из них деньги. Схема стара и надежна, как первый советский трактор. Секта, как и прочие, тоталитарная. С жестким подавлением сознания и личности. Прихожан зомби назвать нельзя, но нормальными людьми они станут только после длительного лечения. Не знаю, как с точки зрения закона, но с точки зрения врача — туда ему, козлу, и дорога.

— Как ты думаешь, его прихожане завалить не могли?

— Исключено, — уверенно заявил Ильдар. — Служение ему для них — смысл жизни.

— А срывы?

— Он же профессионалом был. Таких прихожан он вычислял сразу. Если верить его книге, то у него в помощниках должно было быть не менее двадцати психологов или психиатров. При этом, они должны быть вменяемыми, чтобы правильно проводить мониторинг и отсеивать ненадежных.

— Так! — заинтересовался я. — А эти самые помощники своего босса завалить не могли?

— Могли, — согласился Ильдар. — Но остается открытым вопрос: для чего они грохнули, а перед этим запытали четырех предыдущих?

— Хороший вопрос. Отложим его до завтра. А пока пойдем, пообщаемся с санитаром.

Санитар при виде нас забился в угол.

— Вы его били? — на всякий случай уточнил я у медика.

— Нет. Обшмонали и закрыли тут.

— А чего он тут жертву палачей из себя изображает? Ты, болезный, чего в угол жмешься?

— Вы не имеет права... — включил ту же пластинку санитар, но я его заткнул:

— Я спрашиваю от имени заместника Бога на земле, брата Христа, Великого поводыря всех заблудших!

— ... Великого поводыря всех заблудших, — вторил мне санитар и вскочил по стойке смирно.

— Присядь, сын мой, — вдруг ляпнул я.

Санитар уселся, преданно глядя на меня, а Ильдар удивленно крикнул.

— Сам, — не переходя на английский, забубнил Ильдар, — ты из себя мессию собрался строить?

— Ильдар, не шуми.

Я повернулся к санитару и продолжил:

— Сын мой, мне нужно знать, кто убил нашего преподобного отца. Поэтому я прошу тебя помочь мне в этом нелегком деле, — я говорил, не меняя тональности, стараясь вложить в свои слова максимум искренности.

— Но я не знаю, уважаемый, кто убил его, — глядя на меня с видом голодной собаки, отвечал он.

— Может быть, ты видел или слышал что-то подозрительное?

— Я... — задумался санитар, — ничего такого, что могло бы указать на убийц.

«— Саша, — ожил Полоз, — поймай его взгляд».

— Посмотри на меня! — резко повысив голос, потребовал я. Грегори испуганно поднял глаза... рывок. У меня создалось ощущение, что я резко приблизился к глазам санитару и проник в его голову.

«— Говори с ним, — потребовал Полоз»

— Грегори, вспоминай, вспоминай!

А Грегори молчал, в том смысле, что ничего не говорил. Он негромко выли на одной ноте и медленно тянул руку к голове.

— Вспоминай, Грегори!

Вой санитару усилился, он обхватил голову обеими руками.

— Все! — сообщил Полоз, а Грегори упал на пол.

— Ильдар, пойдём, поднимем.

Едва я склонился над санитаром, он схватил меня за руку и затараторил:

— Я вспомнил! Вспомнил!!! Последний месяц возле храма постоянно ходили монахи. Очень похожие на католиков. Их было пять или шесть человек, но они так хорошо смешивались с толпой, что на них либо не обращали внимания вообще, либо замечали одного-двух.

— Молодец, сын мой, — похвалил я санитару. — А при каких обстоятельствах преподобный сказал, что с приходом русских над вами нависла угроза?

— После убийства третьего священника он вызвал меня к себе и подробно расспросил об их обстоятельствах смерти. Я все подробно рассказал. Именно тогда он и высказал свою великую идею о том, что русские не обращают должного внимания на эти убийства. Что с приходом русских начались гонения на религиозные течения, не исповедуемые русскими.

— Он озвучивал эту мысль во время проповедей?

— Нет. Но хотел это сделать. А я бы выступил свидетелем происходящего!

— Спасибо, сын мой, — я погладил санитаря по голове. — Отдыхай.

— Ильдар, на выход.

В конвойном помещении снова обосновался Марся. Теперь он чистил пистолеты.

— Саня, через тебя работал Полоз?

— Ты про сеанс гипноза?

— Про него.

— Да, Полоз.

— Неприятное зрелище. Ну да, пес с ним. Из ответов этого малахольного у меня сложилось впечатление, что кто-то пытается натравить секты и прочие околицерковные сборища против оккупационных войск.

— И у меня появилась такая мысль.

— Судя по твоему тону, ты не веришь в эту гипотезу?

— Слабо. Ильдар, мы находимся в исторически христианской стране, которая давно не придерживается религиозных догм. Восстания на ниве религиозной неприязни тут не поднять. Это не страны мусульманского толка. Священной войны не будет. Максимум — в интернете повоняют и с плакатами постоят. Тут что-то другое.

— Что именно? — из конвойки спросил Марся.

— Скорее всего, идет зачистка конкурентов.

— Почему ты так решил? — продолжил приставать Ильдар.

— Мы слишком быстро пришли к выводу о том, что убийства могут спровоцировать массовые недовольства среди аборигенов. Не говоря об абсурдности этой гипотезы. Не тех людей убирают. Если в ближайшее время будет установлено, что остальные убиенные были сектантами или мошенниками, то версия о «войне между сектами» будет более правдоподобной.

— А пытали их для чего?

— Может быть, для устрашения. А может, выбивали информацию о горшке с золотом.

— Каким горшке?! — заинтересовался Марся.

— Он образно говорит, бестолочь, — пояснил Ильдар.

— Нужно проверить: не исчезли ли со счетов или сейфов сект большие суммы денег.

— Неужели все из-за денег?! — засомневался Ильдар.

— Вспомни, что говорил Фрейд...

— Ты про жажду денег?

— Именно. Люди гибнут за металл.

— Все равно есть неувязки, — не сдавался Ильдар. — Не нужно быть гением сыска, чтобы их не заметить!

— И тут ты прав, медикус, — согласился я. — Буду думать. Как только появятся выводы — сообщу. Пойду бомжика проверю.

— Сегодня можешь не ходить, — остановил меня Марся. И пояснил: — Он полбутылки вискаря выжрал и выпал в астрал.

— Немного для счастья человеку нужно, — пробубнил я. — Завтра пока я с ним не пообщаюсь — выпивку не давать!

— Понял, — кивнул Марсель.

— Ты тут за охранника останешься?

— Точно.

— Ну давай, надзиратель. Не скучай.

— С вами заскучаешь...

Ильдар ушел к себе, а я отправился изучать материалы уголовных дел. В башке настойчиво зудела фраза о наличии крови одного из убитых, озвученная экспертом. Миколы в кабинете не было. Дверь открыл Вартанчик.

Пролистал дело, внимательно рассматривая фототаблицы. Кровь жертвы брызнула фонтаном, испачкав рядом стоящую мебель. На одной из фотографий я, что называется, споткнулся. На ней были изображена часть журнального столика со следами крови. Только следы были странными: струя крови равномерно забрызгала часть столика, но в одном месте на краю пятна брызг не было. Этот чистый от крови кусочек поверхности стола образовывал прямой угол. Складывалось впечатление, что на этом месте лежал некий предмет, имеющий прямой угол, и предмет этот исчез. Исчез? Пролистал протокол выемки. Ничего похожего на вещь, лежащую на столе и испачканную кровью, экспертами не изымалось. Еще раз изучил фототаблицы. Глухо. Пролистал трасологию. Кровь «пошла» широкой струей по дуге. На месте, где кровь залила некий исчезнувший предмет, капель нет. То есть некто, скорее всего палачи, сразу же убрали этот предмет со стола, поэтому кровь и не скатилась каплями. Она могла и впитаться в него, но факт отсутствия предмета наталкивал на мысль, что палачам он для чего-то был нужен.

«— *Согласен с твоей последней мыслью,* — задумчиво пробубнил Полоз.

Я подпрыгнул от неожиданности.

— Змею ка, мать твою! Ты хоть предупреждай!

— Как? Покашлять?

— Хотя бы!

— Привыкай. Нам с тобой долго сосуществовать!

— Постараюсь. Стоп! Скажи мне, мой чешуйчатый друг, а когда я с женой буду плотским утехам предаваться, ты все это будешь видеть?

— *Не только видеть, но и ощущать! Поэтому, чем ты чаще... тем мне лучше!..*

— Зашибись расклады!!! — опешил я. — С советами еще приставать начнешь?!

— *В процессе не буду, а после — обязательно! Я в твоей памяти покопался, есть пара моментов, который нужно исправить!*

— Это какие?! — офонарел я.

— *Придет время — сообщу. Пока рано об этом говорить. Тебе до жены — как до Китая и все раком!*

— А если «налево» заверну?

— Ты — идиот?

— В смысле?!

— *Во-первых, не завернешь. Ты свой километраж еще до свадьбы намотал, поэтому «железа полегаемости» у тебя отмерла. Во-вторых, кто ж тебе позволит налево ходить?*

— Поясни!

— *Саша, лекцию о разрушительном воздействии на организм человека и его энергетику походов «налево» я тебе читать не буду. Долго слишком. Про то, что верность партнеру — это залог отсутствия «веселых» заболеваний, ты и сам знаешь. Сложи эти обстоятельства и уясни, что я тебе этого делать не позволю. Вред твоему организму — это вред для меня.*

— Вот, блин, моралист хвостатый... И как ты этого не допустишь? Стоять не будет?

— *Желания не возникнет залезть на чужую бабу,* — неопределенно ответил Полоз.

— А если у нее, у чужой бабы, возникнет?

— Ты с женой венчан?

— Ну.

— Баранки гну! Значит, знаешь, как себя вести.

Я переваривал полученную информацию, представляя любовные утехи с женой при наличии Полоза. Перспектива не радовала вообще, ибо эксгибиционистом я не являлся...

— Да, расслабься ты, — вздохнул Полоз. — Все будет, как и прежде. Даже лучше...

Вернись к криминалистике, Пинкертон Ижевского уезда!

— На чем я остановился? — все еще находясь в ступоре, спросил я у Полоза.

— Что те козлики, что сектанта порешили, что-то интересное с собой уволокли.

— Почему «интересное»?

— Та вещьца, которую они забрали, представляла для них ценность. Не спрашивай какую. Не знаю.

— Кстати, о птичках, ты же «волшебное создание», примени свое колдовство и узнай!

— Олух ты царя небесного! Выкинь из головы все сказки, что читал. Враки все.

— Но санитаря же ты загипнотизировал!

— Для дебилов поясню: для получения информации о чем-либо, мне нужна точка, от которой можно оттолкнуться! Говоря русским языком — улика. Дай мне следы крови, и я найду человека, дай мне вещь, к которой он прикасался, и я опишу его, дай мне место, где лежал некий предмет, и я опишу этот предмет. Дай мне человека, и я заставлю его заговорить.

— Ты предлагаешь выехать на место для повторного осмотра?

— Именно.

— Сейчас?

— Завтра утром. А сейчас — на горшок и в люльку».

Утром, забрав Марсю, Макса и Оскара, прибыли на место преступления. Служба в этой церквухе уже возобновилась, поэтому мы долго ругались с настоятелем, пытаюсь попасть в нужную нам комнату. В конце концов, я пригрозил, что вызову группу захвата, и мы все рвано попадем куда нужно. Но при этом, все присутствующие лягут мордой в пол. Угроза возымела действие и мы, пройдя через молельный зал, попали в кабинет бывшего настоятеля. Этот кабинет отличался аскетизмом и отсутствием литературы по НЛП. Комнату для извращений извращенных мы не нашли, хотя и не искали. Осмотр, лично мне, ничего не дал. Пока я, выполняя приказ Полоза, ощупывал кабинет, Макс общался с хозяевами. К моменту окончания осмотра, точнее, ощупывания, переводяга доложил:

— Командир, местные на негров грешат.

— Поясни.

— Местные попы, все как один, заявляют, что их настоятеля завалили негритосы из соседнего района. У них, у негров, тоже церковь есть. Она занимает какой-то старинный особняк. Права на этот особняк принадлежали покойному. Больше года он пытался негров оттуда выселить, погрязнув в судебных разборках, но довести дело до логического конца не успел.

— Очень интересно. Церковь настоящая или тоже секта?

— А черт их знает, — пожал плечами Макс. — Для аборигенов все церкви настоящие.

— Координаты негритянской церквухи записал.

— Конечно.

— Оскар!

— Да, товарищ майор?

— Покажешь дорогу. Макс сообщи ему адрес.

Возвращаясь на базу, сделали крюк для предварительного осмотра. Здание действительно было старинным, с колоннами и шикарным крыльцом. На крыльце располагались прихожане самого бандитского вида. Все в коже и в цепях. Под куртками некоторых угадывалось оружие. Задерживаться не стали, придя к единому мнению, что эти прихожане действительно могли порешить кого угодно.

Вернувшись на базу, попасть в свой кабинет не смог, ибо Микола и компания были заняты установкой двери в Бароновский кабинет. Пришлось топтать в казарму.

«— Ну, что скажешь, эксперт хвостатый?

— *На столе лежала книга,* — ответил Полоз.

— Какая книга?

— *Старая. Я бы сказа старинная. Обложка обернута кожей.*

— И это все?!

— *Почти. У книги была нехорошая энергетика.*

— В смысле?

— *Книга причастна к человеческой боли.*

— Ею били людей?!

— *Нет. В ней есть информация о человеческой боли.*

— Еще чего скажешь?

— *Эта же книга была на месте последнего убийства. Там такая же энергетика.*

— Ты хочешь сказать, что убийцы таскали с собой какой-то старинный фолиант?

— *Именно.*

— Это часть ритуала?

— *Нет. Но людишек ломали в строгой последовательности. Каждое действие убийц в отношении жертвы был строго рассчитано. Действие было выполнено либо в строгом соответствии с книгой, либо результат был в ней описан.*

— Инструкция для юного садиста?

— *Можно сказать и так.*

— «Молот ведьм», — вдруг сорвалось у меня я языка.

— *Что?* — не понял Полоз. Я не ответил на его вопрос. В моей голове начала выстраиваться мозаика. Убийцы в католических рясах, отсутствие крови у жертв (единственный случай можно назвать случайностью), выжженные кресты на телах и травмы, выполненные в определенной последовательности с применением «классических» орудий пыток. Приплюсуем к этому высказывания различных людей о возрождении инквизиции и получим промежуточный результат.

— *Ты хочешь сказать, что на территории Шотландии действует инквизиция!!* — прочитал мои мысли Полоз.

— Я хочу сказать, что на это указывает ряд улик. Кто и что действует под их маской, мы не знаем. Кстати, о масках...

Я взял рацию:

— Оскар, ответь Трофимову.

— Слушаю, — отозвался он.

— Ты сделал запрос о движении денежных средств на счетах сект, чьих лидеров убили?

— Так точно.

— Ответ пришел?

— Да. Никаких списаний или переводов неизвестным лицам не произошло. Обычные платежи и поступления.

— А с личных счетов убитых?

— Все как обычно.

— Понял. Спасибо. Отбой.

— *И что дальше?*

— Будем общаться с нашим бомжиком и думу думать...

В конвойном сидел Пашка Мороз.

— А ты чего оружие не чистишь? — вместо приветствия спросил я.

— Уже почистил, — удивленно ответил он.

— Молодец. Как наш вонючий друг?

— Воняет.

— Спиртное не давали?

— Нет. Марся запретил.

— Молодцы! — похвалил я и пошел общаться с бомжом. Едва я открыл дверь, как мне в нос шибанул весь букет ароматов, источаемых нашим гостем.

— Выходи, — поморщился я. — Тут поговорим.

Энтони сладко потянулся и вышел из камеры.

— Где обещанный виски? — поинтересовался он.

— Для начала разговор, потом выпивка.

— Не вопрос, — радостно согласился Энтони.

— Ты давно обитаешь под стенами церквухи, где мы тебя обнаружили?

— Года два, — почесываясь ответил он.

— Что-то необычное не замечал?

— Нет. Таких заведений по городу больше двадцати штук.

— Ты имеешь ввиду церквей?

— Я имею ввиду сборища фанатиков. Это же не настоящие церкви, а секты! И не просто секты, а тоталитарные!

— Энтони, до того, как ты стал бомжом, кем ты был? — напрягся я от знаний и лексикона задержанного.

— Риэлтором, — вздохнул он.

— А как дошел до жизни такой?

Он засопел.

— Дай выпить, начальник...

— Мы же договорились...

— У меня, — Энтони горько вздохнул, — была семья. Жена и две дочери. Четыре года назад их не стало...

Он замолчал. Через минуту продолжил:

— В общем... у меня исчез смысл жизни... я уволился... все продал... что мог пропил... остальное отобрали...

— Извини, Энтони, — мне стало жаль его.

— Выпить дай.

Я протянул бутылку. Он приложился к ней, но не сильно.

— Проехали, — вздохнул он. — Что еще тебя интересует?

— В тот день, когда ты видел монахов...

— Не только в тот день, — перебил он меня. — Они больше месяца крутились вокруг этого здания.

— Это мы уже выяснили. Меня интересует тот день. Так, когда ты видел тех монахов, их точно было два?

— Точно. Я был трезвым. И был не с похмелья. Двое было. Голову на отсечение даю.

— Хорошо, — протянул я. — Два монаха. В их походке было что-то необычное?

— Необычное... — задумался он. — А ты же прав, военный! Один нормально шел, а второй, который отстал, двигался как по льду!

— Поясни.

— Я не знаю, что у него было под рясой, но шел он ровно.

Видя мое сомнение на лице, он затараторил:

— Люди как ходят? Чуть подпрыгивая при ходьбе и раскачиваясь. А этот двигался так, будто встал на коньки и его кто-то толкнул. Сильно толкнул. Потому как своего приятеля он догнал за мгновение!

— Они тебя заметили?

— Скорее всего, нет. У меня берлога в кустах. Если не двигаться, то заметить сложно. Хотя твои солдаты вычислили меня моментально.

— Еще что-то можешь сказать?

Он задумался и отрицательно мотнул головой.

— Больше вопросов у меня к тебе нет. Поэтому можешь быть свободен.

— Уже?! — разочарованно протянул он.

— Ты не хочешь на свободу? — усмехнулся я.

— Чего я там не видел? Тут тепло, сухо, кормежка и выпивка бесплатные. Можно я тут еще немного посижу.

— Проживание отрабатывать придется.

— Как? — заинтересовался он.

— Я к тебе прапорщика своего отправлю, он придумает.

— Кого? — не понял Энтони.

— Офицера, отвечающего за хозяйственные работы. Здоровый, как медведь. Звать Микола.

— Ми-кьё-ла, — по слогам повторил он.

— Пашка, — я окликнул конвоира, — камеру этого скунса прямоходящего можешь не запирать.

— Добро, — отозвался он.

Я вышел на воздух. Закурил.

— Что думаешь делать?

— Поеду в местное отделение криминальной полиции.

— Для чего?

— В их ведомстве может быть отдел по надзору за сектами. Это в большей степени епархия спецслужб, но чем черт не шутит?

В городском управлении криминальной полиции на меня смотрели, мягко говоря, удивленно. Все той же тройцей: я, Макс и Оскар заперлись в приемную к начальнику. Представились и через минуту уже пили чай с худющим мужиком лет сорока. Дядька

оказался компанейский, чопорности в нем не было. Узнав, что представители оккупационных войск пришли не по его душу, а за помощью, облегченно выдохнул и гарантировал максимальное содействие. Я рассказал о свалившемся на меня деле, упомянул о возможном причастии к событиям некой агрессивной секты и поинтересовался без всякой надежды: нет ли у них в ведомстве соответствующего специалиста или отдела по сектам? Оказалось — есть! Пару лет назад «служба госбезопасности» спихнула на МВД всю головную боль, связанную с сектами. МВД, в свою очередь, сильно не огорчилось, выделило из своих сотрудников лиц предпенсионного и пенсионного возраста и всучило им все наследство «безопасников». В Глазго этим непутевым хозяйством рулит Пуаро, так что нам необходимо пообщаться с ним.

— Пуаро?! — удивились мы. — Он бельгиец?

— Нет, — рассмеялся собеседник, — он вылитый Дэвид Суше из сериала!

Я наморщил мозг, вспомнил сериал по произведениям Агаты Кристи и воображение тут же нарисовало невысокого человечка с пижонскими усиками.

— Усы есть?

— Есть! — усмехнулся начальник.

— А как в служебном удостоверении «прописан» Пуаро?

— Абрахам Грэй. Моя секретарша вас проводит.

Поднялись, поблагодарили за чай и откланялись. Секретарша с фигурой бегемота проводила нас в подвал, указала на последнюю дверь и испуганно, как мне показалось, убежала.

Я попытался открыть дверь. Не получилось — дверь была закрыта. Два раза ударил кулаком.

— Кого там черт принес?! — раздалось медвежье рычание изнутри.

— Мистер Абрахам Грей, военная прокуратура Российской Федерации! Откройте!

Щелкнула задвижка, открылась дверь, и мы смогли лицезреть Пуаро: перед нами стоял Дэвид Суше, но только хорошо подросший и сильно постаревший. Ростом он был чуть ниже меня, но значительно шире. Пижонские усики были седыми, также как и остатки волос на голове. Он внимательно осмотрел нас, попросил предъявить удостоверения, после чего пригласил внутрь. Обстановка внутри кабинета меня разочаровала. Я ожидал чего-то большего. Два длинных стола, диван, пара кресел и стул, и великое множество папок на огромных стеллажах. Усадив нас на диван, он спросил:

— Чем могу быть полезен коллегам из далекой России? — спросил без какой-либо иронии, очень серьезно.

— Видите ли, мистер Грей...

— Можно просто Абрахам.

— Спасибо. Видите ли, Абрахам... — я максимально быстро изложил события недавних дней, свои выводы (кроме выводов об инквизиции) и попросил его помочь в меру его сил.

— Одна секта валит руководителей других... — задумчиво пробубнил он. — С такой точки зрения на имеющуюся проблему я не смотрел.

Он встал, прошел к своему рабочему столу, взял некий отчет, страниц на десять, сосредоточенно листал его минуты две, после чего сообщил:

— Ваша гипотеза, Алекс, имеет право на жизнь. И как я сам до этого не додумался? Стыдно, — он вздохнул и продолжил: — Последнее время от стукачей, что работают в этих,

с позволения сказать, церквях, поступило несколько докладов об угрозах в адрес иерархов. Ни сути угроз, ни информации о лицах их направивших, они не сообщили. Уровень не тот. Поэтому я и не связал угрозы и убийства в один клубок.

Он снова печально вздохнул. Видимо, расстроился от собственной недалёковидности.

— Старею, — оправдываясь вздохнул он. — А молодежь сюда не идет... Но вернемся к нашим сектантам. Что вы хотите узнать?

— Среди ваших подопечных есть такие, у кого имеются собственные боевые ячейки или ангелы мщения или охранные структуры?

— Официально — нет ни у кого. А неофициально, у каждой третьей есть и служба безопасности, и разведка, и боевые ячейки. Уровень их подготовки и профессионализм курам на смех, но есть среди этой шушеры и пара профессионалов. Вот только эти профи числятся в тех сектах, руководителей которых убили в первую очередь.

— Странные специалисты, — прокомментировал я.

— Они — специалисты по нападению, а не по защите, — пояснил Грей.

— Допустим. Скажите, а среди той трети, о которой вы говорили, нет ли группы э-э-э-э-э... шотландско-африканских лиц, что ходят в коже и золоте?

— Алекс, — усмехнулся собеседник, — так и говорите — негров. Тупых, жадных наркоторговцев, объявивших себя некой церковью и прикрывающихся этим статусом от отдела по борьбе с наркотой.

— Ок, негров, — улыбаясь согласился я. — Вы обвинения в расизме не боитесь?

— Мне — выше колена. Негра, как ни назови, он не перестанет быть негром.

— Уважуха, — рассмеялся я и протянул ему руку для рукопожатия. А рука у престарелого полисмена очень крепкая. И жесткая.

— Так вот, — продолжил Абрахам, — эти уроды идут первыми в списке подозреваемых. Оружия у них много, пользоваться они им любят и умеют.

— А что они могли не поделить с остальными? Убиенные тоже наркотой промышляли?

— Нет. С этой точки зрения к жмурам претензии отсутствуют. А неграм нужен только повод. И если он будет, они не задумываясь пустят в ход оружие.

— Понятно. Абрахам, а можно мне получить список указанных «вооруженных» сект? Адрес негритянской церкви можно не давать. Мы уже заочно познакомились.

— Легко. Я перечислю тех, кто, на мой взгляд, мог перейти от слов к делу, — он сделал паузу и спросил: — а с неграми как познакомились?

— Прихожане одной из сект, где убили главу, пожаловались на негров: дескать, они незаконно удерживают здание принадлежащее убитому пастору.

— А-а-а-а, филадельфийцы, — протянул он. — Фэбээровские выкормыши! Они только жаловаться и могут...

Минут за пятнадцать он подготовил и распечатал список, содержащий информацию об адресах, данных на руководителей и списком прихожан, на которых нужно обратить внимание. Получив список, я вытащил из-за пазухи бутылку вискаря.

— За знакомство? — спросил я.

— Поддерживаю, — кивнул он и полез за стаканами. В процессе «беседы» договорились, что на обыски мы будем брать его с собой. Через час, уговорив поллитровку на четверых и выслушав много матерных слов в адрес сектантов, Грей уже в дверях подытожил:

— Знаешь, Алекс, я не осуждаю человека, стоящего за убийствами. От этих тварей, я

про сектантов, нужно избавляться. Это я как гражданин страны говорю. А как сотрудник полиции, добавлю: не вычислишь ты его. Слишком чисто работают его парни.

— Поживем, увидим, — ответил я, и мы откланялись.

— Командир, странный какой-то полицейский, — высказался в машине Макс.

— Почему ты так решил?

— Он называет вещи своими именами, при этом, не скрывает своего отношения к сложившейся ситуации. Неодобрительно относится к своим «подопечным» и доволен тем, что начался их отстрел. Для толерантной Европы это нехарактерно.

— Может быть, он старой закваски?

— Может. Но все равно странно: как такому специалисту доверили столь специфичных подопечных?!

Я молчал. Макс не вытерпел и спросил:

— Ты сам-то как думаешь?

— Он странный. Тут я согласен с тобой. Но после общения с мистером Греем у меня в башке отложилось два факта. Первый — подборка по нашей тематике у него лежала на столе. Будто бы нас ждала. А второй, — я замолчал, маневрируя в потоке.

— Какой второй? — пискнул Оскар.

— Второй факт — это его руки. Ощущение, что с куском дерева, обернутого наждачной бумагой, поздоровался.

— Точно! — тут же подтвердил Макс. — У моего тренера такие руки были. А он всю жизнь в карате.

— Оскар.

— Слушаю, товарищ майор.

— Добудь мне личное дело на товарища шотландского полисмена. Только по-тихому. Чтобы наш интерес не отразился в официальных сводках.

— А как?

— Что как?

— Как по-тихому?

Мы недоуменно переглянулись с Максом.

— По-тихому, то есть за небольшой гешефт, — начал пояснять Макс, — нужный тебе человек сливает информацию, но не отражает это в отчетах.

— Это я понимаю, — покраснел Оскар. — Я не знаю, как это озвучить...

— Ты точно смершевец?! — обернулся на него Макс. Оскар пристыженно молчал.

— Оскар, возьми с собой Миколу. Твоя задача — провести его до человека, обладающего нужной нам информацией.

— Понял, — вздохнул он.

— И еще один момент, наш контрразведывательный друг, — мы стояли на светофоре, поэтому я обернулся на Оскара. — Твоему руководству необязательно знать о нашем интересе к господину Грею. Я бы сказал так: чем меньше знает твое руководство о нашем интересе, тем целее будет твой организм. Do you understand me?

Оскар испуганно кивнул.

Глава седьмая. Атака

На базе меня ждала толпа свидетелей, которых натащили «Северяне». Прием оных начал прямо у КПП. Две трети из них сообщали важную информацию о деятельности сект, оставшаяся треть — о тех негодях, что могли устроить засаду на дороге. Я по началу даже протоколы допроса вел. Через три часа плюнул и ограничился только беседой. Тем более, что проку от информации — ноль. Ближе к шести вечера, когда все желающие поделиться информацией закончились, я собрался поужинать и параллельно отmaterить «Северян» за качество свидетелей, но не успел. Меня вызвал Барон. Дверь в его кабинет уже была аналогичная моей, а в углу кабинета, ломая психику своим кислотным цветом, стоял сейф. Кроме сейфа и Барона в кабинете сидели Зимин и майор Петров, который был полковником.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Барон, как только я вошел в кабинет. — Где тебя черти носят?

— Свидетелей опрашивал, — уклончиво ответил я.

— А чего от тебя вискарем тянет? — приняв широкую поинтересовался Зимин.

— Искал общий язык со свидетелями!

— И какого объема этот язык? — хмыкнул Ивлев.

— Поллитра, товарищ генерал!

— Ладно, алкаш малолетний, как тебя наказать, мы потом решим, — велел Барон. — А пока давай отчет. Товарищ майор, который не майор, от нетерпения уже копытом землю роет.

— Докладываю! При осмотре последнего места преступления было установлено, что в день убийства на территорию церкви проникли два человека, которые, предположительно, и совершили убийство. Это первое. Второе — анализ всех патологоанатомических экспертиз по убитым сектантам дает основание полагать, что все они были совершены идентичными способами с применением одних и тех же орудий. Следовательно, граждан, которых срисовали на месте последней мокрухи, можно подозревать в совершении предыдущих убийств. На данный момент установить ни исполнителей, ни организаторов мы не смогли.

— Майор, — ожил Петров, — почему вы считаете убитых священников сектантами?

— Потому что они таковыми и являются. На это указывают и свидетели, и сами прихожане.

— Мотивы убийств удалось установить?

— Я считаю, что убийства совершены неустановленной группой, близкой к этому социальному и экономическому слою населения. Не исключено, что они устраняют конкурентов. Или нынешних, или будущих.

— Выстрел в грядущее... — ни к кому не обращаясь, обмолвился Барон.

— Допустим, — сжал губы Петров. — А на дискредитацию оккупационных войск в глазах местной общественности это не походит?

— Нет. Уж на что, а на дискредитацию это не тянет вообще.

— Обоснуйте!

— Во-первых, — начал отвечать я, — единичные убийства лидеров не самых крупных сект не вызовет даже маленького резонанса. Во-вторых, для подобной подставы необходимо было убивать лидеров истинных конфессий. В-третьих, поднять местных на освободительную борьбу под флагами «борьбы с неверными» очень сложно. Даже действия

наших священников, я говорю и про христиан и про мусульман, не привели к большим протестам.

— Ладно, хоть буддисты у нас не буйные, — усмехнулся Зимин.

— То есть, майор, — уточнил Петров, — вы готовы письменно оформить свои выводы и подписаться под каждым словом?!

— Так точно, товарищ полковник, — кивнул я. Зимин и Ивлев заулыбались, а майор-полковник, проигнорировав мою подколку, засыпал меня уточняющими вопросами. «Допрос» длился около двадцати минут. Выяснив все, что ему было необходимо, Петров поблагодарил меня за службу, пообещал награду и, довольный собой и жизнью, убыл. Еще минуту после ухода Петрова мы молча курили. Потом Ивлев встал, закрыл дверь и, глядя на меня с ленинским прищуром, спросил:

— Ну, врун первой гильдии, давай кайся, что ты умолчал и для чего обманул товарища майора-полковника!

— Я его не обманывал, — сразу ответил я. — Не все рассказал, не все выводы изложил, но не обманывал. Этот господин услышал от меня то, что очень хотел услышать.

— Что убийства ни как не связаны с возможной подставой наших войск? — уточнил Зимин.

— Именно!

— Ладно, сыскарь хренов, теперь удиви нас своей дедукцией, — нахмурился от чего-то Барон.

— Извольте. Последнего сектанта, скорее всего, завалили два типа в монашеских рясах, предположительно католических. За несколько дней до убийства аналогичные личности приходили к будущей жертве. Между ними состоялся разговор. Сути разговора установить не удалось, но жертва была сильно напугана. Рискну предположить, что с предыдущими покойниками также беседовали «монахи», которые потом их и завалили.

— Петрович, — Барон вопросительно смотрел на Зими́на.

— Сашка прав, — кивнул тот. — «Северяне» установили, что как минимум в четырех случаях рядом с храмами крутились «монахи», а в двух случаях «монахи» беседовали с будущими покойниками.

— Далее. Убийства были совершены в строгой последовательности в соответствии с инструкциями, описанными в «Молоте ведьм».

— Ты нашел книгу? — перебил Барон.

— Ты это про опус тех двух садистов-монахов? — уточнил Петрович.

— Нет, — ответил я Барону. — Да, — пояснил Зимину.

— На чем же основана твоя уверенность? — спросил Зимин.

— Я нашел книгу в Интернете. Судя по всему, покойных тупо кололи на признание, что они еретики. А как только те признались в этом, их и завалили.

— Мда, — протянул Зимин, — с такой манерой задавать вопросы, мало кто признается в чем-либо ином...

— В связи с тем, что я практически сразу отмежевался от идеи «компрометации нашей армии», то начал копать в иных направлениях.

— И что накопал? — светским тоном поинтересовался Барон.

— Нас развели!

— В смысле?! — не понял он.

— Давайте ударимся об теорию уголовного права.

— Ну, ударься, — усмехнулся Зимин.

— Для полноценной картины преступления нам нужно: объект, объективная сторона; субъект, субъективная сторона и мотив. Объект наличествует, объективная сторона тоже. Субъективная сторона — яснее ясного, субъекты преступления, допустим, ясны, но не пойманы. Остается главное — мотив.

— Саша, — крикнул Зимин, — ты сейчас с кем разговаривал?

— Неприятное ощущение, да, Петрович? — спросил у Зимины Ивлев.

— Вы о чем, отцы-командиры? — не понял я.

— Видишь ли, Саша, — прокашлялся Барон, — всю жизнь мы знали больше, чем наши подчиненные. А сейчас ты, поганец мелкий, продемонстрировал знания, которых нет у нас. Обидно, да!

— И чем вам помочь? — я все еще пребывал в недоумении.

— Говори понятным нам языком, — смущаясь попросил Ивлев.

— Хорошо. Вернемся к теории. У нас нет мотива. Что такое мотив, надеюсь, всем понятно?

Барон шумно выдохнул, а Петрович отвесил мне несильного подзатыльника.

— Вижу, что понятно, — потер я голову. — Соответственно, без мотива преступление не может считаться раскрытым.

— Давай предположим, что... — Петрович решил высказать свое мнение относительно мотивов.

— Давай не будем давать, — перебил его я. — Все мотивы убийств, даже из разряда бреда, я уже отмел. Давай лучше зайдем с другой стороны.

— На кой? — не понял он.

— Петрович, ёперный театр, — вздохнул я. — Ты разве не видишь, что ситуация, в которой мы барахтаемся, напоминает песню Высоцкого?

— Какую? — оживился Барон.

— «Пародию на плохой детектив».

— Поясни.

— Доблестные военные сыщики твоему хучу времени роют носом землю, но не получают сколь-нибудь вразумительных результатов. И тут, как козырный туз из рукава, появляюсь я! Супер-пупер-мега спец! Специалист, мля, по шотландским народным, сука, серийным убийцам! Появляюсь и тут же начинаю творить чудеса розыска! Во-первых, на месте последней мокрухи мои оболтусы находят цепочку следов. Это там, где работала усиленная бригада криминалистов! Во-вторых, там же мы находим потайную комнату любителей острых ощущений. Комнату, которую средний криминалист, отыщет без специальных устройств. В-третьих, на том же месте мы находим целого свидетеля, которого не нашли военные следаки. В-четвертых, от свидетеля мы узнаем про монахов, чуть позже нам подсовывают «нить» про недовольство местных сектантов нашими войсками. Устанавливаем «болтуна» и от него же получаем подтверждение про монахов.

Я сделал паузу и закурил.

— В итоге, мы имеем неустановленных подозреваемых, на ловлю которых должны потратить все время и силы. Абсолютно мутный мотив и очень подозрительного свидетеля, шарахающегося по нашей базе. Про имитацию засады на дороге можно и не вспоминать. Сколько «Северян» ищут те машины?

— Вывод!!! — потребовал Барон.

— Против нас, я имею ввиду вас, Зимина и все наши группы, работает кто-то умный. Работает давно и пока успешно.

— В каком направлении работает? — поджав губы, спросил Барон.

— Тут два варианта. Первый: нас всех собрали специально в этом месте, используя массовые убийства сектантов как наживку. При том, наживка была рассчитана, в том числе, и на Черепа.

— Принято, — кивнул Ивлев.

— Вторым вариантом, — я потушил окурок. — Нас, используя ту же замануху, увели с нужного противнику места. Подкинули нам приманку и мы, вместо того, чтобы двигаться дальше, поперлись совсем в другую сторону, где и завязли всеми копытами. Вторым вариантом кажется мне более правдоподобным.

Зимин молчал, а Барон, поднявшись на ноги, начал наматывать круги по кабинету. Так он думал.

— Почему не первый вариант? — наконец спросил он.

— Мы уже давно тут. Если бы противник заманивал нас сюда, то давно предпринял бы некие действия. Я уже не говорю про то, что нас могли перебить еще на марше.

— Ой ли?! — встрепенулся Зимин. — Три группы отборных головорезов...

— Четыре фугаса на обочине, — перебил я Петровича. — Даже два фугаса, и от нас, гений диверсий, только похоронки бы остались.

— Бармалей прав, — согласился Барон. — Пройдемся по второму варианту. Куда нас не хотят пустить? Кто не хочет, я не спрашиваю. Давайте пойдем куда?

Он разложил на столе карту, нашел тот городок, где мы базировались последнее время и начал осматривать окрестности.

— Михалыч, — усмехнулся Зимин, — если ты думаешь, что на наших картах особыми метками выделены секретные объекты англичан, куда нас не хотят пускать, то ты ошибаешься.

— Ты это к чему? — осведомился он.

— Он наверняка намекает, — вмешался я, — что искать нужно не военные объекты, а нечто из разряда нечистой силы или сооружений культа.

Барон тихо выматерился и снова начал нарезать круги по кабинету.

— Что?! — воскликнул он. — Что, мать вашу, в том месте есть такого, что вынудило противника начать такую игру?!

— Михалыч, расслабься, — посоветовал Зимин. — Это не твой косяк. Это Череп напортачил. Если бы не он, то на эти убийства мы бы и внимания не обратили.

— Череп, Череп, Череп... — пробормотал Барон. — Петрович, завтра выясни, как к нему попала информация по убийствам! Я профильтрую местных ГэБэшников! Расслабились мы, Зимин! Ох, расслабились! Не опоздать бы!

— Я думаю, что еще не опоздали, — я попробовал успокоить обоих командиров.

— Откуда такая уверенность? — прищурился Барон.

— Там, откуда нас выдернули, не идет никаких боевых действий. Вялое, позиционное оплёвывание друг друга. Следовательно, пока морпехи не начали движение, мы не опоздали.

— А если противник что-то прячет? — не согласился Петрович.

— У противника была масса времени «что-то спрятать» еще до того, как мы вышли на известные позиции.

— Согласен с Сашкой, — рыкнул Барон. Он завелся не на шутку. — Я думаю, что Барину нужно запретить атаковать позиции англичан. Я сам этим займусь!

— Атакой?! — не сообразил я.

— Запретом атаки, бестолочь! — теперь, когда у него появился некий план, Барон взял себя в руки, закурил любимую сигару, а в его глазах загорелся нехороший огонек. — Теперь ты, гений, — он ткнул в мою сторону сигарой. — Какие планы у тебя?

— Во-первых, я буду продолжать следствие. У противника не должны появиться сомнения, что мы начали копать в нужном ему направлении. Во-вторых, постараюсь выявить аборигенов, играющих против нас. Во всей этой бутафории есть два настоящих звена.

— Какие? — поинтересовался Зимин.

— Сам «Молот ведьм» и, собственно, исполнители.

Видя, что возражений нет, я продолжил:

— В-третьих, планирую навестить любителя острых ощущений, который сожительствовал с последним покойником до того, как убиенный его не разлюбил.

Оба командира расплылись в улыбках.

— Навести, навести. Только задницей к нему не поворачивайся... — подколот меня Ивлев.

— Спасибо, учту. Если что, Полоз подскажет.

Оставив любимых командиров, пошел в свой кабинет. В кабинете были трое: спящий на посту Вартанчик, светящийся от счастья Микола и несчастный Оскар, со следами асфальтовой болезни на лице. Проигнорировав Вартанчика, сразу спросил у Миколы.

— Дай, угадаю: ты был у смертей?

— Был! — выдохнул довольный собой и жизнью Микола.

— Каков результат?

— Сашко, я весь вискарь пристроил! Местные контрики спекулянты те еще, но как узнали, сколько у нас вискаря, сгребли все, что было, да по такой цене, хоть завтра обратно не срывайся и снова не закупай!!!

— Микола, — я укоризненно посмотрел на хохла, — меня не это интересует. Вы дело на мента местного достали?

— Чего? — все еще кайфуя от удачной сделки, не понял тот. Задумался и протянул: — Дело, дело, дело. А! Вот!

Он вытащил из кармана внешний жесткий диск и сунул мне.

— Тут что-то есть... — и выпал в нирвану.

Я обалдевше рассматривал «винт», сильно сомневаясь, что личное дело Абрахама Грея может занимать столько «места». Повернулся к Оскару:

— Оскар, что тут? — я покачал в руке «винт».

— База данных, — обиженно пробубнил он.

— Какая база? — не понял я.

— Полицейского управления Глазго, включая личные дела сотрудников и информаторов, — снова пробубнил Оскар.

— Чего-чего?!! — не поверил я своим ушам. — Откуда?!!

— Ему, — он кивнул в сторону счастливого Миколы, — в качестве бонуса дали...

— Ни хрена себе бонус!!! — я обалдевше уселся на ближайший стул. Еще силясь понять,

как Микола смог выпрясти у смертей базу данных, спросил у Оскара:

— А у тебя с рожей чего?

— Он упал, — прокомментировал из нирваны Микола.

— Упал? — усомнился я.

— Упал, — горестно вздохнул Оскар. — Как вы и велели, я подошел к товарищу старшему прапорщику...

— Подожди, Оскар, — остановил его я. — Про этот героический поступок должны узнать мои командиры!

Бешеным сайгаком скакнул в кабинет к Барону и пригласил их на шоу. Те не замедлили прибыть. Если Барон мимо дрыхнувшего Вартанчика прошел молча, то Петрович сдернул его с лежака на пол. Вартанчик промямлил «сука» и полез обратно. По-моему, он так и не проснулся. Не став комментировать ненадлежащее поведение подчиненного, командиры уселись напротив Оскара, чем сильно его смутили. Микола все еще прибывал в нирване...

— Ну, отрок, скудоумием бодрый, начинай свое повествование, — велел Барон.

— Что?! — не понял он.

— Рассказывай, твою мать, — приказал Зимин. Оскар испуганно вскочил.

— Да сядь ты, — велел Барон. — А ты, Петрович, не ори. Видишь, он по голове стукнутый.

— Его при рождении на голову уронили, — пробурчал Зимин.

— Юноша, — очень мягко обратился к Оскару Барон, — вещайте. Публика у ваших ног.

Оскар вздохнул и начал рассказ:

— Слышь, прапор, дело есть, — сообщил Оскар сидящему в курилке старшему прапорщику. Пара бойцов «Севера», что находились на отдыхе и в этот момент также были в курилке, перестали дышать. Такую наглость в общении с Миколой могли позволить себе только «Уральцы» и «Закатовцы», последние — далеко не все. Среди «Северян» только один Загребин мог так разговаривать с самим Миколой.

Микола вскинул вверх одну бровь, удивленно глянул на молодого офицера и вернулся к своим тяжелым мыслям о судьбе стоящего во дворе вискаря. Вторые сутки Микола не мог решить проблему оптовой продажи виски. В розницу, а также мелким оптом машину растащили бы за две недели. Но Барон дал три дня на реализацию спиртного, поэтому нужен был крупный оптовик.

— Прапор, ты оглох?! — чуть раздраженно напомнил о себе капитан.

Микола вынырнул из своих раздумий, поднялся, схватил непуганого капитана за шиворот, поднял на одной руке, развернул лицом к выходу и пинком отправил Оскара в свободный полет. Не дожидаясь приземления капитана, Микола уселся обратно, тяжело вздохнул и снова задумался о реализации спиртного.

Оскар упал относительно удачно. Ничего не сломал и не отбил, но ободрал всю морду. Он растянулся на асфальте, пролетев мимо Зямы и Марси.

— Низко пошел, — офонаревше прокомментировал Зяма пролетевшего капитана.

— К дождю, наверное, — таким же офонаревшим тоном поддержал компаньона Марся.

Они просчитали траекторию полета и уперлись взглядом в задумчивого хохла.

— Не в духе наш прапор, — констатировал Зяма.

— Девять тонн вискаря пристроить — это тебе не керосин частями продавать!!! — согласился Марся.

С земли кое-как поднялся Оскар и начал отряхиваться.

— Вася, ты чего к хохлу полез? — поинтересовался Борька.

— Я не Вася, — насупившись ответил тот.

— Вася, мне плевать, — Зяма сплюнул, — Вася ты или не Вася. Командир сказал «Вася», значит, будешь «Васей», пока не помрешь. Или командир тебя не переименует. Спрашиваю еще раз: на кой черт, ты дурак непуганый, полез к нашему Миколу в момент его тяжких раздумий?! В такие минуты только наш командир, да Зимин с Ивлевым, — Зяма задумался, — да Коваль могут тревожить нашего хохла. Остальные испуганно ждут. Вне зависимости от возраста и звания.

— У меня приказ, — протянул Оскар.

— Какой? — заинтересовался Борька.

— Секретный!

— Борька, — толкнул татарин еврея, — чего ты к нему привязался? Не видишь, мальчик в шпиона играет. Пошли. А он еще пару раз от Миколы словит и умнее станет.

— Меня Трофимов к прапорщику отправил, — выпалил Оскар, не желающий еще раз словить от хохла.

— Так, — заинтересовались молочные братья, — для чего?!

Оскар насупившись молчал. Видя, что капитан не намерен продолжать, Марся возвестил:

— Ну, мы тогда пошли. Как надумаешь, приходи. Если сможешь... — и оба майора зловеще расхохотались. Видя, что другой альтернативы у него нет, Оскар зашептал:

— Трофимов велел мне в нашем информационном центре запросить личное дело на местного следака. Но сделать это по-тихому.

— Так, так, так, — начали соображать майоры.

— Я Трофимову сразу сказал, что не знаю, как это сделать...

— Запросить? — удивился Зяма.

— По-тихому, — вздохнул Оскар.

— А Микола тут при чем? — еще не сообразил Марся.

— Так Трофимов сказал, чтобы я за помощью к прапорщику обратился. Дескать, он, — капитан кивнул в сторону Миколы, — все сделает в лучшем виде.

Марся и Зяма переглянулись, после чего Зяма резюмировал:

— Слышь, татарин, который раз я поражаюсь мудрости нашего командира! Мудрости и дальновидности! Теперь сам Всевышний велит нам с тобой помочь нерадивому капитану в его нелегком и секретном деле!

Борька повернулся в сторону курилки и проорал:

— Микола, кончай из себя роденовского «Мыслителя» корчить. Топай сюда, дело есть!

— Вы же сказали, что не все могут прапорщика отвлекать? — на всякий случай испугался Оскар.

— Не все, — согласился Марся. — Мы — можем!

— Чего нужно, малохольные? — недовольно прогудел подошедший прапор.

— Микола, друг ты наш продажный, — возвестил Зяма. — А нет ли у тебя желания прокатиться с нами в центральное управление Смерша?!

— «С нами»? — не понял Оскар.

— На кой? — не понял Микола.

— Именно «с нами», — уточнил Борька, глядя на Оскара. — Ибо без нашего присутствия операция по получению информации из неофициальной перерастет в

официальную, что к приведет к огласке, гневу нашего командира и жертвам среди капитана.

Оскар собрался что-то возразить, но его перебил Микола.

— Заглохни, салажонок, — убедившись, что капитан будет молчать, он спросил у Борьки: — Зяма, еще раз медленно для тугодумов вроде меня: куда ты хочешь, чтобы я поехал?!

— В центральное управление Смерша, — терпеливо пояснил Борян.

— А для чего? — продолжал любопытствовать хохол.

— Официально — для неофициального получения информации!

Все, кроме Зямы, задумались над Борькой озвученной мыслью. До Миколы что-то дошло, и он решил уточнить:

— А я там на кой?

— Так ты и будешь официально о неофициальном договариваться!

— Ага, — промычал Микола. — Угу, — чуть позже добавил он же и с подозрением спросил: — А мне это на кой?

— Если опустить повеление нашего с тобой любимого командира, то задумайся о наличии в центральном управлении массы жадных, продажных и платежеспособных сотрудников, у которых нет такого шикарного доступа к товарно-материальным ценностям, как у тебя!

Хохол задумчиво поглядел на грузовик, в котором до сих пор ждали своей участи девять тонн виски.

— Когда едем, друзья мои?! — спохватился он.

— Когда едем, Оскар? — переадресовал свой вопрос капитану Борька, явив знание его имени.

— Наверное, сейчас, — удивленно выдавил тот.

— Не «наверное», а сейчас! — распорядился Микола. — По машинам! — и первым ломанулся в сторону «Тигра».

До управления долетели со скоростью свиста. Немного задержались на проходной, ибо в дежурке сильно напряглись от визита трех сотрудников следственного управления с повадками диверсантов. Доложили, проверили, удивились и пропустили. Наибольшее удивление вызвал затесавшийся в эту гоп-команду Оскар.

В информационный центр двигались медленно, изучая все таблички на дверях. Возле двери «Начальник «тыла» Микола «споткнулся».

— Хлопцы, ждите тут, а я пойду погляжу, — и уверенно постучал в дверь.

Почти двадцать минут Марся, Борька и Оскар томились под дверью. Наконец дверь открылась, в проеме показался подполковник с горящими глазами. Не обратив внимания на стоящих офицеров, он ломанулся куда-то дальше по коридору, бросив Миколу:

— Я быстро!!!

Через две минуты он вернулся с товарищем в звании полковника. Еще через минуту в коридор выглянул Микола и жестом велел: «Заходите». Парни вошли, кивками поздоровались. Никто никого не представлял.

— Марся, предъяви пробник! — распорядился хохол. Марся вытащил из рюкзака бутылку виски. Полкан около минуты изучал этикетку и саму бутылку, потом сорвал пробку, принюхался, налил в чашки себе и подполу. Оба дегустатора пригубили, задумчиво исследуя «букет». «Букет» отвечал всем требованиям. Они переглянулись, старший резюмировал: «Берем!». Все сразу немного расслабились. Но тут полкан обратил внимание на Оскара.

— Стоп! Микола, это что за казачок засланный?!

— Це, Оскар, — махнул рукой хохол.

Полкан перевел вопрошающий взгляд на Зяму.

— Оскар, Оскар, — подтвердил Борька.

— Мне срать на его кликуху, — крикнул полкан. — Какого болта он тут делает?!

— Он у нас в качестве проводника, — пояснил Зяма.

— Этот проводник нас заведет... — с угрозой протянул подпол и выразительно посмотрел на капитана. А тот уже не знал куда деваться.

— Не переживайте, хлопцы, — успокоил их Микола. — Он ничего никому не скажет. А если скажет, то ему будет мучительно больно. Ты понял, Оскар?!

Тот судорожно закивал головой в знак согласия.

— Ладно, — протянул полковник. — Под твою ответственность. Когда груз забирать?

— Так мы еще о цене не договорились, — выразительно посмотрел на того Микола.

— А чего о ней договариваться?! Стандартная цена...

— Э-э-э-э нет, дорогой товарищ, — перебил его Микола. — По стандартной цене ты у своих покупай. Мы же хотим...

Дальше начался торг. Купец сотоварищи расхваливали товар, плакались о тяжелой жизни торгашей на передовой, о свирепости командиров, клялись всеми богами (благо, все трое были из разных конфессий). Покупатели не соглашались. Заявляли, что товар дрянь, что такого дерьма у них навалом, что за такие цены нужно марочный коньяк продавать, что их командиры гораздо страшнее, чем у купцов.

— Клянусь Авраамом и домом его, мир не видывал таких крохоборов, как вы! — патетично заявлял Зяма. — За те сущие копейки, что вы предлагаете, мы не окупим даже затраты на транспортировку!

— Какие копейки? — уточнил подпол.

— Сущие, — недоумевающе пояснил Борька. И добавил: — С одной буквой «С»...

Народ сообразил и заржал.

— Мужики, так дело не пойдет, — перехватил инициативу Марся. — Мы пол страны этот гребанный товар везли, боялись всего и вся, нервов угробили кучу, а вы нас железом и «по живому»!!!

— Ты, майор, не прибедняйся, — возразил полковник. — Глядя на ваши морды, я точно могу сказать: вам можно доверить не только перевоз товара, но и жизнь, и здоровье нашего главнокомандующего!

— Это почему? — задался вопросом Марся.

— Потому, что глядя на ваши рожи, ни у одного вменяемого солдата не возникнет желания отжать у вас что-либо. А за товар вы порвали бы любого! Это, во-первых. Во-вторых, ты, еврей, меня пророками Ветхого завета не жалоби. Я во Христа верую. Последнее и к тебе, татарин, относится.

— А за товар, — продолжил подпол, — я могу сказать следующее: мы его реализовывать месяца два будем. Так что — это «долгие деньги». Соответственно, и цену мы предложили вменяемую.

— Ты, мил человек, про «долгие деньги» мне не рассказывай! — включился Микола. — Я сам — тот еще сказочник. Наш товар «чистый», следовательно, в отстойник его ставить не нужно. Сразу на реализацию пойдет. Вы его дней за десять реализуете. Я сам вам покупателей приведу. Они хоть завтра четверть заберут. А если товар на материк

переправите, то навар будет сказочным. Поэтому это «быстрые деньги». Очень быстрые. И чистые.

— Если они такие «быстрые и чистые», — уцепился полкан, — чего к нам пришел? Чего сам не реализуешь?

— Мне, многозвездные командиры, — отвечал прищурившемуся полкану хохол, — дали команду до послезавтра спихнуть все. Я физически не успею.

— Так за скорость платить нужно!

— Так и платите! — вмешался Борька. — Мы вам все на блюдечке с голубой каемочкой, такой жирный кусок приперли, а вы еще пальцы гнете. Надо было к мореманам идти!

— Мореманы хорошей цены не дадут! — возразил подпол.

— Так и вы тоже не даете! — отрезал Борька.

— У них налички нет! — реплика подпола.

— На реализацию бы отдали!

— Кому?! Мореманам?! — расхохотался полкан. — Ты, мабутей, луга попутал? Они про тебя забыли бы еще раньше, чем последний ящик лег в их трюме.

— Не забыли бы! — запальчиво возразил Борька. — Среди мореманов психов нет, чтобы Барина кидать!

Смершевцы озадачено замолчали. Такого козыря как Барин крыть им было нечем.

— Барин в доле?

— Нет, — грустно вздохнул Микола, — но мы имеем полное право прикрываться его светлым образом! Поэтому мореманы отнеслись бы к нам, как к родным!

— Иди к мореманам, — предложил полкан.

— Времени нет, — повторил Микола.

— Тогда соглашайся на нашу цену.

— Но это же — грабеж!

— Ищи других, — довольный собой и жизнью, предложил подпол. Он понимал, что прапорщику деваться некуда.

— Придется идти, — вздохнул Микола. — Пошли, ребяташки.

— Кстати, горе-торгаши, а как вы протащите свой груз в порт? По каким документам?

— Тебе-то что за дело? — спросил Зяма.

— За небольшую денежку могу помочь с документами!

Парни заулыбались.

— Боря, покажи ему накладную. Только в руки не давай, — распорядился Микола.

Борька выудил из папки накладную, «нарисованную» Смершем еще в Англии и поднес к лицу подполковника. Тот пробежал по ней глазами...

— Сколько у вас тонн?! — прохрипел он.

— Микола, ты, чего не сказал им про массу нашего груза?! — притворно удивился Марся.

— Я думал, они знают, — включился в игру хохол.

— Стареешь, прапор! — осуждающе добавил Марся.

— Все мы не молодеем, — философски вздохнул Микола.

А подпол о чем-то жарко и убедительно нашептывал полкану. Глаза последнего медленно расширялись.

— Мужики, — прокашлялся подполковник, — а чего вы сразу не сказали, что с Хэксхема приехали? Мы же, думали, что вы обычные перекупы. Мы вас уже который день

ждем...

Мои напряглись.

— В каком смысле «ждете»? — с угрозой в голосе поинтересовался Марся.

— Спокойно, «Урал», спокойно!!! — подпол выставил перед собой открытые ладони, показывая, что опасности нет. — Вам такая фамилия, как Жовтень, о чем-нибудь говорит?

— Нам-то говорит, — подтвердил Марся, — а вы-то откуда его знаете?

— Юноша, — усмехнулся полкан, — Сашко Жовтень, не только там, в Хэксхеме, вам сопроводительные документы на груз нарисовал, получив за это свой гешефт, но и сообщил мне, как его шурина, о вашем убийстве и о том, что и, предположительно, сколько вы везете. Поэтому мы вас ждали. А ты, Микола, вместо того, чтобы сразу сказать кто и откуда, начал мне прокурорской ксивой махать. Конспиратор хренов. Хорошо, что по вам сразу видать, что вы спецы мабутеевские, а не крысы прокурорские. Иначе мы бы с вами и разговаривать не стали. Садитесь. Дальше будем разговоры разговаривать.

Мои покорно уселись. Началась беседа. Закупочная цена существенно поднялась, но точку еще никто не ставил. Местным нужно было знать: сколько именно виски выставляют наши на реализацию? Хитрый Жовтень сказал «А», но не сказал «Б». Поэтому местные имели лишь смутное представление о массе груза.

— Итак, господа спецназеры, сколько вы готовы нам отдать?

— Мы готовы отдать вам все, — сообщил Микола.

— А в килограммах — это сколько?

— Ровно столько же, сколько написано в накладной.

Оба местных офицера шумно выдохнули, а младшенький шепотом уточнил:

— Девять тонн?!

— Девять, — кивнул Микола.

Смершевцы переглянулись. Подпол зажмурил глаза и спросил:

— Когда можно забирать груз?

— Да хоть сейчас. Деньги при вас?

— При нас, — подтвердил собеседник.

— Тогда поехали.

— Стойте, — вдруг пискнул Оскар.

— Что?! — угрожающе зарычали оба смершевца. — Ты что, салага, рамсы попутал?!

Товарищи спекулянты, судя по всему, собрались вломить борзому капитану, но к счастью для Оскара Зяма что-то припомнил про мой наказ и остановил грядущее избиение:

— Мужики, прежде чем вы его убьете, пусть он озвучит приказ нашего командира.

Местные замерли.

— Говори, животное, — потребовал подпол.

— Командир велел на одного следователя шотландского лично дело получить, — прохныкал Оскар.

— Так напиши запрос, — порекомендовал все тот же подпол.

— Он велел неофициально!

Полкан вопросительно глянул на моих.

— Зная своего любимого командира, я ничуть не удивлен, — подтвердил слова Оскара Борька.

Смершевцы моментально забыли про Оскара и начали обсуждать полученную просьбу. Через минуту старший резюмировал:

— Короче, отдай им базу за прошлый месяц. Пусть сами ищут!

— Я так понимаю, — улыбаясь подытожил Барон, — Микола нашел свой выход на Смерш?

— Нашел, — счастливо вздохнул хохол.

— Молодец! — похвалил его Ивлев. — А товар когда они заберут?

— Сегодня вечером они привезут деньги и заберут машину.

— Ты вместе с машиной продал? — удивился Зимин.

— Нет. Перетопчутся и без машины. Разгрузят и вернут.

— Ну что, нам все понятно. Все молодцы, а Микола гениален, — усмехнулся Барон.

После того, как начальство ушло, я подсоединил винт к ноуту и запустил поиск данных по Абрахаму Грею. Данные нашлись моментально. Первое, что бросилось в глаза, я бы сказал, резануло по ним, это отсутствие информации о предыдущих местах работы.

Была лишь отметка, что три года назад он был принят в полицию, несмотря на пенсионный возраст. И все. Кем он был раньше, какое учебное заведение окончил и по специальности — тайна покрытая мраком. Это сильно настораживало. Отложил анализ полученных данных на потом.

Вспомнил про любителя кожи и железа, что томился в наших застенках. В целях поддержания легенды «о продолжении следствия» решил скататься в адрес его предшественника. Взяв с собой Марсю и Макса, выехали в район старого города. Как и ожидалось, бывшего хахалю покойного сектанта дома не оказалось. Соседи сообщили, что он с чемоданами уехал куда-то месяца три назад.

Узкой улочкой пошли к машине. Товарищ Маркс все скулил о том, как ему хочется на свободу. Марсель вместе с Максом, к счастью, остались у машины, иначе Маркс точно бы поймал в репу. Он очередной раз спросил меня о том, когда его отпустят, как вдруг:

— *Саша, опасность сзади*, — сообщил Полоз, и меня сразу накрыла одержимость. Я резко развернулся. Развернулся, как нельзя кстати: на меня бежали две фигуры в черных католических рясах. Капюшонов на головах не было, вместо них были балаклавы. По ним было видно, что они двигаются быстрее обычных людей. Я злорадно хмыкнул и приготовился встречать гостей.

— *Один нужен живым*, — подсказал Полоз.

— Без сопливых солнце светит, — пробубнил я и незатейливо вытащил пистолет.

Маркс испуганно заорал, увидев монахов. Чтобы он не мешал, я ласково стукнул ему в лоб, и уделил все вниманием атакующим. В руках «монахов» появились ножи.

— Странные они, — удивился я и выстрелил ближайшему по ногам. Он попытался уклониться, надеясь на свою скорость, но гражданин не знал о моих «скрытых» талантах, поэтому поплатился обеими ногами и упал. Я тут же убрал пистолет и приготовился встречать второго. Нападающий оказался гражданином без фантазии, так как не попытался отступить после выстрелов, а тупо решил посадить меня на перо. Он еще делал замах, когда я «телепортировался» ему за спину (по-другому это не назовешь, ибо скорость была фантастическая), оказавшись за спиной «монаха», я схватил его за запястье и ногой придал ему ускорение. Раздались два щелчка, один вскрик и бряцанье металла по камню. Щелчки просигнализировали о двух переломах у нападавшего, вскрик о боли, а бряцанье металла оповестило о том, что нож упал на мостовую. Не дав ему упасть, хватаю нападавшего за здоровую левую руку, скручивающим движением вывожу его на болевой, укладываю мордой

на мостовую, головой в ту сторону, откуда они прибыли, усаживаюсь на него, фиксируя коленом здоровую руку и достаю пистолет. Бросаю взгляд на подстреленного. Он пытается поползти до меня, оставляя за собой два кровавых следа. Упорный гражданин. Смотрю дальше по улице — там чисто.

«— Полоз, тормози «одержимость»»

"— Готово».

— Саня, ты как? — подлетел Марся, держа под прицелом улицу.

— Нормально.

— Местные совсем страх потеряли, — Макс выбил у подстреленного монаха нож и ударил пяткой по кисти.

Я достал наручники, заковал скрученного и поломанного «монаха», передал его Марселю и подошел к раненому. От кровопотери он совсем обессилел. Обыскал его, перевернул на спину и обшмонал еще раз. Пусто. Сорвал с его головы балаклаву. Бледное мужское лицо. Мужуку лет 40–45. Достаю нож, разрезаю рясу и брюки, чтобы осмотреть ранения.

— Не жилец, — комментирует Макс увиденное.

— Согласен, — поддерживаю его я. Ранения обоих бедер. Перебиты кости и артерии.

— Минуты через две скопытится, — предполагает переводчик.

— Факт, — киваю я и обращаюсь к «монаху»: — Покайся, и душа твоя обретет покой!

— Я — Воин Господа, — шепчет тот. — Своими деяниями я уже заслужил Царствие Небесное!

Мы переглянулись с Максом.

— Ты — инквизитор? — задаю следующий вопрос.

— Да, — слабо улыбается он. — Я боролся с ересью. Я... — договорить он не успел, ибо бессмертная душа его покинуло брненное тело.

— Ушел кавалер... — бурчит Макс. Я разворачиваюсь ко второму «монаху». Марся снял с него балаклаву и затолкал ему в рот. На руки ему нацепил еще и свои наручники.

— Пакуем всех и сваливаем! Полоз, включай «одержимость».

— Ты задолбал уже, — заворчал он. — То включай, то выключай...

Поймав «прилив», сгреб обоих монахов и побежал к машине. Труп вместе с бессознательным Марксом закинули в багажник, пленного на заднее сиденье. Там же разместился Макс с автоматом. Марся рулил, я общался с Петюней.

— Бармалей, — как только я по рации обрисовал картину Петьке, в разговор влез Зимин. — Запоминай названия улиц. Двигаетесь на максимальной скорости, но строго по ним.

— Что в них особенного? — уточнил я.

— Они контролируются «Северянами».

— Хитро! — восхитился я.

— А ты думал, не пальцем деланы, — похвастался Зимин и начал диктовать названия улиц. В итоге, от центра нарисовался своеобразный коридор. Я прикинул соотношение количества «Северян» и количество улиц и получил итог, согласно которому на каждую улицу шло по одному бойцу. Не густо. Но и это могло очень сильно помочь при прорыве или для снятия «хвоста».

Пролетев треть пути до базы, мы были настигнуты двумя машинами «Заката». Одна выскочила перед нами, вторая пристроилась позади нас. Пройдя вторую треть, мы

выскочили на наш блок-пост. Был он организован двумя «Тиграми» и одним БТРом. Парни перекрыли крупный перекресток, позволив нам проскочить на максимальной скорости. Вылетев на дорогу, упирающуюся в нашу базу, я сразу обратил внимание на повышенную боеготовность: все позиции были заняты, отовсюду торчали стволы. Перед воротами возглавлявший тройку «Тигр» резко вывернул на обочину, пропуская нас вперед, а после того, как мы проехали, вывернул обратно на дорогу, перекрыв ее и встав рядом с замыкающей машиной.

Влетели на территорию базы, высыпались из машины, сгребли пленного и сорвались в подвал, где были камеры. Там уже сидели Барон, Петрович, отец Сергей и Зяма.

Глава восьмая. Искусство развязывания языков

Уже десять минут я спорил с командирами о целесообразности ареста гражданина Пуаро. Я настаивал на слежке, начальство — на его немедленном аресте. Спор проходил под постоянные крики пленного. Зяма и Ильдар заковали его в кандалы и, плюнув на перелом, подвесили за руки к потолку. Факт подвешивания пленный перенес спокойно. А дальше Зяма снял перчатки и начал тыкать в него указательным пальцем. Судя по всему, прикосновение нашего боевого еврея было очень болезненным, так как пленный орал искренне и протяжно.

— Я настаиваю на слежке! Нужно выявить круг его общения! — очередной раз заявлял я командирам.

— А-а-а-а-а, — завывал в углу пленный.

— На хрена так рисковать? — не понимал Петрович. Из угла снова раздавалось:

— А-а-а-а-а...

— Блин, Зимин, ты чего тупишь?! — начал закипать я.

— А-а-а-а-а...

— Бармалей, — вступился за Петровича Барон, — если этот козел сбежит, тебе гэбэшники башку оторвут! А тебя жалко! Ладно бы мы... а то гэбэшники...

— А-а-а-а-а...

— Кроме морально-этического диссонанса у вас есть возражения по существу?!

— А-а-а-а-а...

— Мы не понимаем — на кой болт тебе эти заморочки?

— А-а-а-а-а...

Все недовольно посмотрели в угол, где Зяма при моральной поддержке Марси, мучал пленного, но замечаний не высказали.

— Прежде чем выдвигаться обратно в Хэксхем, нам нужно тут зачиститься от инквизиции, поймав ее лидера, и выпытать у него все тайны.

— А-а-а-а-а... — поддержал идею пыток пленный монах.

— Чего он так орет? — поинтересовался Петрович. — Он же, вроде, от имени церкви работает?!

— Судя по реакции на Зяму, церковь — это прикрытие. Силы ему дает язычество. Я прав, отец Сергей?

— Прав, генерал, прав, — подтвердил тот. — Будь он истинным инквизитором, действующим от имени церкви, прикосновения Борьки не вызвали бы никакой реакции.

— А-а-а-а-а...

— Боря, твою мать, — не выдержал Петрович, — да заткните ему пасть!

Убедившись, что пленный больше не будет орать, Петрович уточнил:

— А почему ты решил, что этот Дэвид, мать его, Суше, и есть главный инквизитор?

— Во-первых, у нас нет данных о сфере деятельности нашего полисмена до того, как он был переведен в Глазго. Во-вторых, он негативно относится к сектам и не скрывает этого, что нехарактерно для «просвещенной Европы».

— А в-третьих? — не выдержал Петрович.

— А в-третьих, — нехорошо улыбнулся я, — мы сейчас и узнаем у нашего гостя.

— Стоп, Саша, — скомандовал Барон. — Ты так и не пояснил — на кой черт тебе эта

возня со слезкой?! Давай его повяжем, и он нам все расскажет! Петрович при работе со Штольценбергом пару новых приемов показал, немой говорить начнет!

— А вдруг я ошибаюсь? Вдруг он не главный?

— Нам до фонаря! — отрезал Зимин. — Одним шотландцем больше, одним меньше, ни мы, ни Шотландия не заметит! Поэтому бери Ковалья и марш его арестовывать! На дыбе не секретничают, а говорят только правду...

— Согласен с Зиминим, — кивнул Барон. — Бармалей, вали арестовывай, а Сергей, Петрович, Зяма, Ильдар и я, займемся монахом...

Присутствующие поежились от тона Ивлева. Он не предвещал ничего хорошего.

— Пойду облачусь, — удивил нас Сергей и направился к выходу.

— Повезло нам с попом, — усмехнулся Петрович.

— Факт! — потянули присутствующие.

К главе отдела по «учету сект» я наведалься в состоянии одержимости и в полной боевой выкладке. Долго ломались в его железную дверь. Никто не открывал. Коваль уже собрался взрывать ее, но тут прибежал дежурный офицер и сообщил, что Грей спешно ушел час назад. Мы потребовали ему позвонить. Сотовый Грея был вне зоны.

— Саня, неудобно получилось, — протянул Леха.

— Факт, — хмуро протянул я.

— Чего будем делать?

— Поехали к нему на хату.

Дома тоже было пусто. Мы расстроились.

— Ладно, поехали на базу. Может, наши развязали язык монаху...

— Представляю, что скажет нам Барон...

Барон нам не сказал ничего. Не до этого ему было...

В подвале воняло ладаном, дерьмом, кровью и какой-то травой. Пленный монах висел там же, но голый и без сознания. А в трех метрах от него в такой же позе висел наш славный бомжик Энтони. Полуголый и со следами пыток. За столом расположились Барон, Петрович, Зяма, Ильдар и отец Сергей, с одной стороны, Огненный Волк, Медведь и Волк, с другой. Все в крови (в чужой), все курили и, судя по пустой таре, выпивали.

— А, пришел, следак! — увидел меня Барон. — Иди выпей.

От увиденного, а главное от такого предложения грозного генерала, я чуть охренел, но к столу подошел. Все присутствующие, кроме Зямы, имели на лицах телесники средней степени тяжести.

Я взял рюмку, кусок копченой колбасы, крякнул «ваше здоровье» и ухнул водку в себя. Занюхал колбасой, затащился ильдаровской сигаретой и спросил:

— Вы тут турнир по рукопашке проводили?

— Ага, — кивнул Барон, у которого был подбит глаз и разбита бровь. — Проводили.

— И кто победил?

— Бомжик твой победил, — зло усмехнулся Петрович и потрогал разбитую губу.

— Судя по его позе — я бы заявил обратное. Падре, вы тоже приняли участие в сегодняшнем кипише?

— Принял. Каюсь, — выдохнул Сергей. Поднял голову, демонстрируя сломанный нос, замахнул рюмку, закусил и перекрестился.

— Подробности будут?

— Будут, Саша. Обязательно. Ты садись, — распорядился Барон. — Как твои

результаты?

— Сбежал наш полисмен...

— Ну, и хрен с ним, — вздохнул Ивлев.

— А у вас что произошло?!

Сразу после нашего убийства оставшиеся офицеры и священник приступили к допросу с пристрастием. Бить его не стали, так как Сергей заверил присутствующих, что сие бессмысленно. Мудрый Барон предложил выяснить — что именно придает силу инквизиторам, а потом, при возможности, изгнать оную. Идею одобрили. Сергей приступил к обряду. Результат — нулевой. Только слабое подергивание монаха и его громкий мат. Задумались, ибо результат обескураживал. На прикосновения Зямы пленный реагировал «правильно», однако классический экзорцизм нужного эффекта не давал. Присутствующие нажрались «зелья приворотного» (состава активирующего «захребетников»), вытащили свое зверье наружу и стали держать совет. Правда, Сергея от такой компании чуть удар не хватил, но батюшка держался. Зверье удостоверилось, что Зяма оказывает правильное воздействие на испытуемого, и тоже задумалось. Начали высказываться. Вывод был один у всех — спросить Полоза. Ибо этот «гад ползучий» точно знает. Выяснив, что Полоз недоступен, приуныли. Наконец, Волк Ильдара предложил накормить пленного сывороткой правды, высказав робкую надежду, что пленный сам все расскажет. Начальство идею одобрило, но велело скормить монаху двойную дозу. Ильдар быстро сварганил сыворотку и накачал пленного. Результат не заставил себя ждать. Сказать, что он был не таким, что ожидали, не сказать ничего. Пленного пробрал понос. Сразу. Мощный. В подвале и так не амброзией пахло, а тут завоняло так, что начало резать глаза. Пока матерящийся Зяма проветривал помещение и убирал дерьмо (остальные руководили... не генералам же дерьмо убирать), Ильдар срочно готовил «закрепитель». Зимин, правда, предложил принести железнодорожный фонарь, но такого ни у кого не оказалось, поэтому ждали чудес от медицины. И чудо произошло! Средство от поноса помимо прямого эффекта дало и косвенный. Пленный перестал дрить, порвал веревку на которой висел (это со сломанной рукой) и попытался удрать. Бароновский захребетник моментально спеленал монаха, и вместе с подоспевшим Медведем Зимина повесили его на то же место, но уже на цепь.

Снова выпили, закурили и задумались. Барон предлагал пытаться огнем, Зимин ломать кости, остальные молчали. Монашек опять принялся диарействовать, средство от поноса дало лишь временную остановку процесса неконтролируемого калоизвержения.

Присутствующие начали материться. И тут Зимин вспомнил про бомжика, которого Микола припахал на общехозяйственных работах.

— Петрович, — морщась от запаха, пробурчал Барон, — сходи на улицу и притащи представителя местной «интеллигенции». Пусть он тут все уберет.

Петрович возмущаться не стал, ибо перспектива выйти на свежий воздух была более заманчивой, чем отправлять на это дело подчиненных. Бомжик обнаружился возле грузовиков, которые он мыл. Целесообразность данного деяния вызвала у Зимина определенные сомнения, но, узнав, что на этот бессмысленный подвиг его отправил Микола, Петрович успокоился, велел прекратить извращаться, взять ведро, тряпку и следовать за ним. Спустились в подвал. Петрович задумчиво курил, следуя за Энтони. В подвале случилось неожиданное. Как только бомжик лицезрел картину «Свиные русские пытаются несчастного соотечественника», он моментально одел на голову Зимина ведро, после чего ударил по ведру ногой. От такого «привета» Петрович сел на задницу, а Энтони выхватив из сапога

заточку, бросился на присутствующих офицеров.

— Одержимый!!! — крикнул Сергей, схватил кадило, замахнулся и ударил Энтони по руке с заточкой. Заточка выпала. Энтони, воспользовавшись заминкой Сергея, навернул прямой тому нос. Святого отца откинуло на стол. После этого присутствующие офицеры и их захребетники пришли в себя, Медведь и Волк ласково сдернули Сергея со стола, а бароновский Огненный Волк отправил стол на встречу бомжику. Тот принял летящий на него стол на плечо, схватил его за столешницу, раскрутил, собираясь швырнуть данный снаряд в противников, но поймал в голову табуреткой запущенной Зямой. Энтони на секунду поплыл, и Ильдар успел схватиться на другой край стола. Бомжик не стал заниматься перетягиванием стола, толкнул столешницу вниз и сделал рывок ногой в сторону Барона. Ивлев успел отреагировать, поэтому удар в голову был не сильный. А в Энтони прилетела еще одна табуретка. Зяма продолжал набирать очки. Бомжик отпрыгнул назад, увернулся от ведра, пущенного в него взбешённым Петровичем, оценил обстановку и решил идти на прорыв. Зря он так решил. Петрович, несмотря на свои габариты, мог двигаться очень быстро, не прибегая к силе Медведя. Энтони был вынужден отступить от выхода, уходя от града ударов со стороны Петровича. Первые два он блокировал, но оценив их силу и дальнейшую перспективу от блокировки, решил уклоняться. В процессе уклонения он пропустил по касательной удар от Ильдара в плечо, потом ногой от Барона в ребра и сместился в угол.

— Живьем брать демона!!! — скомандовал Ивлев. Офицеры начали сближение. Энтони забился в угол.

— Хоп!

— Хоп!

Крикнули Ильдар и Зяма, сопровождая крики топаньем. Как и ожидалось, Энтони сосредоточился на них, а Барон прыгнул. Но не на бомжика. Он шагнул к нему, обозначив движение, Энтони приготовился встречать, но Барон отпрыгнул в сторону Петровича.

— Хоп!

— Хоп!

Бомжик отвлекся на врачей, а Петрович, подхватив Барона, пока тот был в прыжке, повернулся вокруг своей оси, и, метнув Барона в противника, сам прыгнул Энтони в ноги. Ивлев повис на шее бомжика, а Зимин, пройдя в ноги, завалил его на пол.

— Вяжите его, олухи!!! — скомандовал Барон Зяме и Ильдару. Через минуту объединенными усилиями четырех офицеров российского спецназа «бомжик Соединенного Королевства» был скручен.

— Шустрый, зараза! — потрогал Зимин разбитую губу.

— Факт, — выдохнул Ильдар.

— Обмишурились мы, братцы мои, по полной! — вздохнул Барон. — Без Полоза уже ни на что не способны...

— Так кто ж знал-то? — возразил Зяма.

— Полоз знал, — пробурчал Петрович.

— Не Полоз, а Бармалей. И не знал, а имел подозрения, — огорченно заявил Барон.

— А нам чего не сказал? — поинтересовался Ильдар.

— Мы не велели, — огорченно заявил Барон.

— Эх вы, — усмехнулся Зяма, — конспираторы...

— Закончили треп, — скомандовал Барон. — Берем этого красавца и вешаем его под

потолок. Вешаем на цепь! Взяли.

Через пару минут бомжик болтался под потолком.

— Медики, займитесь падре, — велел Петрович.

— Уже не нужно, — ответил Волк. — Нос мы ему вправили, кровь остановили.

Сотрясения нет.

— Такого я еще не видел, — устало рассмеялся Барон.

— Чего именно? — не понял Петрович.

— Чтобы духи языческие оказывали первую помощь православному попу, да еще и экзорцисту!!!

— «БуДи ГосБодни неисБоБеДимы... — как Слоненок из «38 попугаев», прогундел Сергей. А потом добавил глядя на Энтони: — Я ж, тебя, сучара, ломтями настругаю...

Прежде чем строгать бомжика ломтями, провели ряд исследований. Как научных, так и теологических. Научные ничего не дали, а теологические выявили причину такой реакции на действия экзорцистов и «сыворотки правды». В общем, англичане или те, кто за ними стояли, изобрели новую форму «одержимых», «скрестив» на новом уровне язычество и христианство. Если мы были либо в том, либо в другом состоянии, то два аборигена, висевшие под потолком, находились и в состоянии одержимости, и в состоянии «христианства» одновременно. Исследователи в тонкости вдаваться не стали, начав сразу искать пути обхода. Подопытным выступил Энтони. Монаха решили оставить на «сладкое». Бомжа и били, и кололи ему разные препараты, и проводили отчитку. Результата — ноль. Расстроились невероятно. Решили перекурить и выпить. Именно в этот момент я и пришел.

— Вот такие пироги, Сашок, — вздохнул Барон и выпил. — Обскакали нас британцы, как стоячих.

Я оглядел присутствующих и задал давно мучающий меня вопрос:

— А почему у Зямы морда без следов борьбы?!

— А Зяма не дурак! Зяма — умный человек!!! — моментально ответил Борька. — Я, как и завещал великий Карп, работал издалека!!!

Я поглядел на Ильдара.

— Он табуретками кидался, — пояснил медик.

— Понятно, — усмехнулся я. — Полоз!

Правая рука чуть качнулась, и рядом со мной появился Змей. Он подполз к столу, ухватил хвостом стакан, махнул водки, довольно крякнул и пополз к Энтони. А у того от увиденного волосы встали дыбом. Видимо про такое он не слышал.

— Ну что, мутант, — обратился Полоз к Энтони. — Сейчас я буду делать тебе очень больно, но ты не умрешь. Мне нужен механизм создания тебе подобных.

— Полоз, ты не видел такого? — уточнил я.

— Видел. Ты такой. Почти.

— В смысле?

— Ты можешь быть и одержимым, и христианином. Переход из одного состояния в другое занимает секунды. Но в твоём случае упор сделан на язычество. Именно одержимость дает тебе сверхспособности. Вне его ты обычный человек.

— Я пока не понимаю, куда ты клонишь, но есть вопрос: для перехода в состояние одержимости мне нужна сыворотка или твой яд. А как они становятся одержимыми?

— Соображаешь! — похвалил меня Змей. — Скорее всего, какой-то парный орган представленных экземпляров пропитан двумя веществами. В одном, скажем «сосуде»,

содержится вещество, активирующее одержимость, в другом «сосуде» — вещество, защищающее его от экзорцизма.

— Такое возможно?! — ошалел я.

— Возможно и не такое. Смотри, — он повернул Энтони к нам спиной и начал водить хвостом в районе его почек. Слева все было спокойно, а как только хвост Полоза приблизился к правой почке, кожа висящего чуть потемнела, и что-то внутри начало пульсировать.

— Вот и ответ на мой вопрос, — улыбнулся Змей. Он повернулся к присутствующим и тоном лектора общества «Знание» начал объяснять:

— В основе создания любого одержимого лежит принцип помещения в объект частицы языческого духа. Для идиотов поясню: после определения вида духа, которого можно привязать к смертному, в него помещают его частицу. Происходит это путем нанесения знаков определенного размера. Именно это произошло в замке Дракулы, это же произошло в Австрии. Разница только в размерах и иерархии духов. Например, меня, Дракона и Медведя, нужно помещать полностью. Остальных — частично или не в полном размере. Вместе с символом — это и есть частица духа, в организм подопытного вводится часть сыворотки для активации одержимости. Вторая часть вводится перорально, внутривенно или внутримышечно.

Он оглядел нас. И спросил:

— На данном этапе всем все понятно?

Вопросов не последовало, и он продолжил:

— От размера языческого символа зависит сила человека в состоянии одержимости, и доза сыворотки для активации. Чем меньше символ, тем слабее человек, будучи одержимым.

— Ты хочешь сказать... — начал я.

— Сашок, захлопни пасть, вопросы после лекции, — оборвал он меня. — После приема активирующей сыворотки в теле подопытного оказываются две сущности: его и помещенного в него духа. Соответственно, в этот момент человек уязвим к экзорцизму. Для того, чтобы сделать подопытного менее уязвимым к отчитке, он должен уметь быстро «отключать» свою одержимость. Я умею отключать сам. Медведь и Дракон заранее вводят в организм антидот. Остальные употребляют его по мере необходимости. У подвешенных экземпляров нет такой возможности. И нет ее по двум причинам. Первая — переходить от одного состояния в другое им нужно очень быстро. Вторая — сам одержимый не догадывается о том, что в нем сидит языческий дух. Он свято верит, что он сам экзорцист и инквизитор, что его ведет рука Всевышнего, а переход в состояние одержимости — это боевой транс инквизитора. Как показал первичный осмотр, подопытные «правильно» реагируют на прикосновения Зямы, что говорит о наличии в их организме языческого духа. При этом, отчитка в чистом виде не дает нужного результата, что говорит о том, что человечка защищает его религия, которая и отключает одержимость. А теперь внимание — правильный вопрос: каким образом происходит отключение одержимости?!

Мы молчали, опухнув от свалившейся на нас информации.

— Чего молчите, духи? — с иронией поинтересовался Барон у Огненного Волка и Медведя.

Те переглянулись.

— Волк, скажи что-нибудь, — распорядился Медведь.

— В организме жертвы содержится антитоксин, который отключает одержимость. Содержится он, скорее всего, в левой почке, если смотреть на нашего Энтони. Но как он туда попал и как они вообще там «хранятся», я даже предположить не могу.

— Молодец, Волчара! — похвалил Волк Полоз. — Соображаешь!!! Ильдар, возьми скальпель и подойди сюда. Ставлю задачу: в районе правой почки пациента ты должен снять шкуру. Диаметр среза двадцать сантиметров.

Едва Ильдар приблизил скальпель к телу Энтони, тон начал судорожно дергаться и мычать.

— Не дергайся, тварь, — скомандовал Полоз, сопроводив свои слова ударом хвостом. От удара пленный «поплыл», а Ильдар быстро сделал надрез и оторвал кусок кожи.

— Посмотри на внутреннюю сторону, — велел Змей.

— Ух ты! А вот и языческий символ! — он ополоснул кусок шкуры водой и положил на стол. Все с интересом рассматривали незнакомую руну, изображенную там.

— Чья это руна, Полоз? — спросил Барон.

— Не важно. Важно то, что ее «набили» на внутреннюю часть его поганой шкурки.

— Спрятали? — уточнил Барон.

— Именно. В правую почку ему ввели концентрат сыворотки, активирующей одержимость. В нужный момент языческий дух вбрасывает в кровь сыворотку, и британец становится одержимым.

— А как он выключает одержимость? — задал логичный вопрос Ильдар.

—левой почкой, — ответил Полоз.

— А конкретнее?

— А конкретнее я еще не знаю, — заржал Змей. — Сейчас проведем вскрытие и все узнаем.

Он подтянул к себе кусок шкурки британца, долго нюхал, полил его водкой, снова понюхал, попробовал на зуб, задумчиво пожевал, сплюнул и скомандовал:

— Святой отец, если вы в состоянии что-то делать, пройдемте к телу!

Сергей поднялся и демонстративно вытащил нож.

— А с ножом придется повременить, — огорчил его Полоз. Падре с сожалением вздохнул и подошел к бомжику.

— Сергей, — Полоз подполз к ним, — в левой почке пациента содержится нечто, относящееся к христианской вере. Это что-то нужно идентифицировать и извлечь.

— А как?

— Будем читать молитвы. Отчитка, как я понял, не помогла. Соответственно пойдем по основным. Начнем с «Во здравие»...

«Во здравие» результата не принесла. Падре читал «основные» молитвы, мы ждали. Когда он затянул «За упокой», кожа британца в районе левой почки начала пульсировать.

— Пошло говно по трубам! — обрадовался Полоз. — Ильдар готовься, к моменту окончания молитвы нужно будет пробить дырку в почку.

— Большую?

— Не меньше 5 миллиметров в диаметре.

Ближе к финалу молитвы Ильдар стоял возле Энтони с полый трубкой из стали, заточенной с одной стороны, и молотком. Диаметр трубки был больше сантиметра.

Когда Сергей начал произносить «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», Полоз дал отмашку и подпер тело британца хвостом. Ильдар с одного удара вогнал трубку в тело

пленного, тот только застонал. Мгновение, и из трубки начала вытекать не кровь, а некая субстанция молочного цвета. Падая на пол, она темнела. Вытекло немного, не больше полулитра.

— Ильдар, отойди от пациента, его сейчас «накроет». Саша дай мне его шкурку — велел Полоз. Я быстро передал Змею требуемое, тот приложил ее к ране, и британца «накрыло». Он начал орать и дергаться.

— Полоз, — я обошел висящего по широкой дуге, — он сейчас одержимый?

— Правильно.

— То есть его можно «отоварить» обычными способами. Я про изгнание духа?

— Верно.

— А что за гадость из него вытекала?

— Скажем так: смесь святой воды с растительным экстрактом трав, «отключающим» одержимость.

— И кто ее активировал?

— Тот самый дух, который полностью завладел телом жертвы, — ухмыльнулся Полоз.

Он развернул пленного лицом к нам, пристально посмотрел в его лицо и спросил:

— Кто ты, британец?

— Пошел ты, — ответил Энтони. — Пошли вы все!

— Неправильный ответ, — парировал Полоз. — Зяма, твой выход.

Борька соскочил со своего места, снял перчатки и подошел к Энтони.

— Слушай сюда, патриот, — начал расписывать «радужные» перспективы Полоз, — сейчас этот, во всех смыслах слова, еврей, будет делать тебе очень больно. Очень! Поэтому, тупая британская скотина, думай! Или ты сам все рассказываешь, или мы из тебя это выьем. Зяма!

Борька приложил обе ладони к телу британца. Тот выгнулся и заорал.

— Хватит, — скомандовал Змей и пообещал британцу: — Следующее рукоположение будет 10 секунд. Потом 20 и так далее. Выбирай.

— Полоз, а на кой черт нам знать, кто он? — задал Борька, интересовавший всех вопрос.

— Если мы узнаем, кто он, это позволит нам вычислить, откуда его призвали, кто призвал, для чего и как бороться с их иерархами.

— Понял, — кивнул Зяма и приложил руки к Энтони.

На протяжении следующих пяти минут мы слушали вопли и мат бомжика и делали ставки на результат. Барон, как обычно, выигрывал. В общем, Борькины потуги ни к чему не привели. Мы расстроились. Борька — больше всех.

— Полоз, — подал голос Зимин, — а пытаться человека имеет смысл?

— Имеет, но это долго. Мы пока его в кашу не покрошим, результата не добьемся.

— А если химией? — спросил Волк.

— Ответ тот же.

— Я знаю, что делать! — обрадовал нас Алексей.

— Клизму со святой водой поставить? — не удержался Медведь.

— Себе поставь, — парировал Алексей. — Ведерную. С патефонными иголками. Полоз, ты можешь заблокировать духа?

— Могу, — кивнул он. — Тебе нужна душа человека?

— Именно! Я совершу обряд причащения и отпущу все грехи. И грешная душа его сама

начнет бороться с духом.

Полоз задумался.

— Должно сработать. Но мы можем потерять пациента.

— А ты на что? Заблокируешь духа в нужный момент и все!

— Принято. Ильдар, тащи свои зелья, падре, с вас святая вода.

Минут через сорок нужный состав был готов. Сергей облачился и разжег помятое кадило. Ильдар вогнал в Энтони пяти кубовый шприц с блокиратором. Через минуту Энтони протяжно застонал.

— Начинай, святой отец, — распорядился Полоз.

Глава девятая. Новая задача

Как только Сергей начал, прибежал дежурный из состава бойцов Коваля и сообщил, что к Барону прибыли важные гости. Ивлев, оставив Петровича за старшего убыл, а Сергей продолжил. Когда святой отец закончил, к Энтони обратился Полоз:

— Слушай сюда, прощенный грешник, сейчас мы выпустим духа, которым ты одержим. Он снова начнет тебя атаковать. Тоя задача — не дать ему завладеть тобой. Если начнешь проигрывать — скажи нам, и мы тебе поможем. Борись, и тебе будет дарован рай!

Мы еле сдерживались, чтобы не ржать. Слова о рае из уст языческого иерарха — это сильно!

— Готов?

— Да, — слабо кивнул висящий британец. Ильдар ввел зелье. На протяжении следующих пяти минут Энтони выл, плевался, орал, дергался и угрожал всех убить. Потом начал затихать и простонал:

— Помогите...

Ильдар тут же воткнул блокирующую сыворотку.

— Как зовут твоего духа? — резко спросил Полоз.

— Я не знаю, — промямлил Энтони. — Он так и не сказал.

— Он воин или защитник?

— Защитник.

— Откуда он?

— Из Англии.

— Место. Назови место!

— Старая церковь тамплиеров возле Хэксхема.

— Это в Нортумберленде?

— Да.

— Что он должен был делать?

— Следить за вами.

— Сколько у него иерархов?

— Я увидел только одного. Языческого. Но, судя по его воспоминаниям, есть еще христианский.

— Сколько инквизиторов в Глазго?

— Четверо.

— Кто у них старший?

— Какой-то офицер полиции. Я его не видел. Он в возрасте и со странными усами.

Полоз бросил быстрый взгляд на меня.

— Где тебя обратили?

— Там, в Хэксхеме.

— Давно?

— В прошлом году. Они обманули меня.

— Сколько всего инквизиторов?

— Чуть меньше сотни, — простонал Энтони. — Я устал, Полоз...

— Отдохни, мученик. Отдохни, — нехорошим тоном велел Змей и кивнул Ильдару. А тот, согласно договоренности, очередной раз воткнул сыворотку, активирующую

одержимость. Пять минут конвульсий пленного, и на связь вышел захребетник:

— Полоз, тварь славянская, развяжи меня, и я разорву тебя!! Я вас всех разорву!!!

— Дурашка, — улыбнулся Змей, — успокойся. Драться с тобой никто не будет. Мы незатейливо грохнем твоего носителя, и ты отправишься за Кромку. Надолго. А его мерзкая душонка отправится в ад. Но это же тебя не волнует?

В ответ он лишь рычал и плевался.

— Будем его кончать? — уточнил я.

— Непременно, — кивнул Полоз. — Ребятушки, запоминайте алгоритм: Зяма, берешь его руками за горло, держишь пять секунд, отпускаешь, а потом срубаем ему башку.

— Чем срубаем? — поинтересовался Зяма.

Полоз оглядел присутствующих. С рубящими предметами необходимого размера был дефицит.

— Что-то мы неподготовленные сегодня, — пробурчал Полоз. — Совсем. Чего замерли? Ищем что-то напоминающее меч.

Подвал обшмонали быстро. Ничего не нашли. Тут Петрович вспомнил, что в его кабинете висит какой-то меч, оставшийся от прежних хозяев. Отзвонились дневальному, велели найти Марсю и отправить его за мечом. Минут через 10 явился зевающий Марся. Приперся не один, а с Загребиным. Меч тоже не забыл. Если Димка остолбенел, увидев действующих лиц, то Марся махом зажевал «зелья приворотного» и «выпустил» Секача на свободу.

— Дима, мы сейчас башку ему отрубим, — показал на бомжика Зимин, — и заслушаем твой доклад. Зяма начинаем!

Борька ухватил пленного за горло, Ильдар начал отсчет. На цифре пять Борька убрал руку, а Ильдар снес Энтони голову. Димка ахнул, Сергей перекрестился, Зимин разлил всем водки.

— Ну, помянем безвременно ушедшего от нас раба Божьего Энтони, — взял на себя роль тостующего Петрович, — пусть черти приготовят ему самую большую сковородку, чтобы душа его вечно не нашла упокоения!

Вопреки обряду все чокнулись и выпили. Даже офонаревший Загребин, который не знал куда смотреть. Закусив Зимин распорядился:

— Дима, что привело тебя в наши застенки?

— Это... того... — затянул растерявшийся Загребин.

— Конструктивно, — одобрил он «речь» Загребина и произнес очередной тост: — За вышесказанное!

Все снова чокнулись и выпили.

— Я чего хочу спросить, — подал голос Марся, — в подвале у Дракулы Кощей говорил, что «под зельем» нам нельзя спиртное. А сейчас можно?

— Можно, — кивнул Полоз. — Привыкание организма уже прошло. Можешь до глаз залиться.

— Дима, — вспомнил про Загребина Петрович, — если ты пришел в себя, докладывай.

— Мы окружены! — с набитым ртом обрадовал нас Димка.

— Так, олух, прожуй и нормально объясни!

Димка прожевал и пояснил:

— После красивого возвращения Сашки вокруг нашей базы появилось три наблюдателя. Три новых наблюдателя.

— А сколько их всего? — уточнил я.

— Восемь. Трое местных, двое британцев и трое новеньких.

— Установить новеньких смогли?

— Еще нет. Последний вышел на позицию сорок минут назад. Пока сами к нему присматриваемся.

— Молодцы, — похвалил Зимин. — Продолжайте в том же духе!

— А можно... — Димка споткнулся, быстро глянул на Петровича и исправился: — Разрешите, я тут пока посижу?

— Разрешаю, — вальяжно ответил тот.

Тем временем, народ сосредоточил свое внимание на монахе. Его внимательно осматривали Ильдар, его Волк и Зяма. Пока эта тройка рядилась, решил пообщаться с Полозом:

— Слышь, хвостатый.

— Говори.

— Я не могу понять: вы, зверье, все древние. Мамонтов, наверное, еще видели. Так почему ты блещешь знаниями, а остальные изображают даунов?

— Я, Сашок, самый древний из присутствующих тут. Я древнее Кощея и его семьи. Все, что изобретали те, кто появился после, мне известно. Или известно, или я слышал о принципе. Поэтому я знаю гораздо больше остальных.

— Но остальные не вчера же родились!

— Они воины, Саша. Их задача хорошо убивать. Все остальное их не касается. Для остального есть я, Яга и Волк Ильдара.

Монах заорал. Ильдар пробил ему почку и сжегивал «блокиратор зелья».

— Полоз, — Зяма задумчиво крутил скальпель в руке, — руна у него там же, что и у покойного?

— Верно.

Зяма повернулся к монаху.

— Татарин отойди!

Руна была чуть другой.

— Этот — воин, — пояснил Полоз.

— Что у нас по регламенту дальше? — озадачился Борька.

— Выступление святого отца, — припомнил Ильдар.

— Падре, ваш выход!

Через положенное время Сергей «отслужил мессу», и мы начали общение с монахом. Как начали, так и закончили. Он послал нас далеко и надолго. Опечалились. Задумались. Решили ломать человека старым дедовским способом. Марся отодвинул медиков от жертвы и отсек ему ухо. Пленный, естественно, заорал. Дальше пошло стандартное месилово. С чувством, с толком, с расстановкой.

В этот момент сверху бухнула входная дверь, и появился Термит.

— С-с-с-с-с... — начал он страдать.

Я напрягся. Эта картина напомнила мне недавние события.

— Барон вызывает?!

Ленька закивал.

Нехорошие предчувствия усилились.

— Сейчас иду.

В кабинете Барона помимо одного меня поджидал майор-полковник Иванов с нехорошим взглядом и очередной капитан Смерша, чем-то на меня похожий. Я присмотрелся к нему, потом к полковнику. Глазки полкана судорожно бегали...

— Господа офицеры, — поприветствовал я смертей. Реплики юного капитана «о товарищах» не последовало, поэтому улыбающийся Барон мне велел:

— Присаживайся.

Я уселся рядом и начал всматриваться в капитана. Он не нравился мне еще больше, чем его шеф.

— А где Оскар? — обратился я к Иванову.

— Ему поручено другое дело.

— А это что за недоразумение?!

Иванов затравленно посмотрел на Барона. Тот закурил и ошарашил меня следующей новостью:

— Саня, ты только не ори, но Абрахам Грей сбежал от нас в Ирландию. И сбежал он по милости сидящего тут полковника, — Барон затянулся и взревел: — Которому, бля, я башку хочу откусить! Но перед этим выбить ему глаза и нагадить туда! Каким нужно быть скудоумным бараном, чтобы так облажаться?! Не зря, ох, не зря мы молчали про наши подозрения! Гэбье, мля, тупое! Дегенераты и дети дегенератов! Только шакалить, да сучить и умеете... Твари!!!

— Дмитрий Михайлович, из ваших слов я понял, что товарищ майор-полковник получил информацию о наших действиях от Оскара и решил затеять собственную игру?

Барон кивнул.

— Значит, он затеял и спугнул главного подозреваемого... Не везет мне с гэбэшниками... А теперь он чего хочет?

— А ты послушай!

— Александр Викторович, — неожиданно начал Иванов, — мое руководство вынуждено привлечь вас еще раз, но уже как снайпера...

— Кого?! — офонарел я. — Снайпера?! Иванов, маму твою арестовали, а в «Вымпеле» все приличные спецы кончились?

Ситуация до абсурдности напоминала мне постановку предыдущей задачи...

— Нет, спецы не кончились, — пряча глаза, пробубнил тот. — Просто привлечь кого-то со стороны — опасно, а ваши характеристики...

— Какие в жопу характеристики?! — взвился я. — Я слону с пяти шагов в задницу не попаду!

— Ну, ты сильно-то не «загибай», — вступился за честь «Валгаллы» Ивлев.

Я укоризненно поглядел на Барона.

— И не смотри на меня такими страшными глазами, — ответил он. — Мое руководство, — с нажимом на слово «руководство», — уже одобрило тебя как исполнителя.

У меня упала челюсть.

— Заткнись и слушай, — пробурчал Барон и повернулся к Иванову: — Рожай, убогий!

— Наш общий подозреваемый, — вздохнул тот, — как-то мистически ушел от нашего внимания...

— И что же в его бегстве мистического? — опять перебил я.

— Наружка довела его до квартиры. «Слухачи» фиксировали его присутствие в квартире до момента вашего прихода. Но как только вы подошли к дому, он исчез. Я закончу, —

остановил Иванов мою попытку перебить его. — Слежкой за Греем занимались спецы экстра-класса. Они не могли его прозевать. Более того, на одной из стен квартиры мы нашли странные рисунки, которых раньше не было. Была изображена дверь и какие-то языческие символы. Предположительно — ирландские.

— Грей был ирландцем? — не удержался я.

— Нет. Он валлиец.

— Отбросим на время мистику. Заинтересовать кого-либо из этих «спецов экстракласса» он ничем не мог? — рискнул я задать щекотливый вопрос.

— Мы работаем над этим, — процедил Иванов. — Так вот, полтора часа назад наш беглец был замечен на барже, идущей в Северную Ирландию. Сотрудники, заметившие его, не были извещены о его бегстве, поэтому не предприняли никаких мер к его задержанию.

Я повернул голову к здоровенной карте, висящей на стене за спиной полковника. Карта осталась от прежних хозяев. Нашел Глазго, где мы дислоцировались, прикинул путь до Северной Ирландии. Быстро, однако...

— Вы знаете, куда он направился?

— Для нас это загадка, — вздохнул Иванов. — По логике вещей, он должен был двигаться в сторону Лондона, а не в сторону Атлантического океана.

— Он пытается уйти в США?

— Мы не знаем, — вздохнул Иванов. — Это не так важно. Важно только то, вы должны найти его и ликвидировать.

Я проглотил вырывающиеся матюки и уточнил:

— Именно ликвидировать? Не взять в плен или не уговорить вернуться, а незатейливо грохнуть?

— Да. Как вы его найдете, решать вам. Но чем быстрее вы ликвидируете цель, тем лучше. Вам дается пять дней на поиск и ликвидацию.

— Стоять, Зорька! — опешил я. — Как пять дней?! Я группу буду только сутки готовить!!!

— Никаких групп, — преподнёс полковник очередной сюрприз. — Вы идете один.

— Как один?! — вытаращился я на полкана.

— Так, один.

— Я иду один?! — переспросил я у Барона.

— Один, — кивнул он.

— Началось в деревне утро... — охренев пробормотал я.

А гребаный Иванов продолжил разрушать мне мозг:

— Завтра вечером в Эрвине вас подберет подлодка и доставит к побережью Северной Ирландии в район Уотерфута. Ваша задача: незаметно добраться до берега, пешим порядком выдвинуться в том же направлении, что и цель, настигнуть цель на марше и ликвидировать.

— Стоять!!! Мне с подлодки до берега вплавь пилить?!!

— Да. Для вас уже подготовили снаряжение.

— Полковник, — ошалел я от ближайших перспектив, — а ничего, что акваланг я живую видел два раза: один раз в музее, второй раз на отдыхе?! Может, лучше с парашюта меня скинете? Два прыжка у меня есть...

— Нет. Только подлодка. Это обсуждению не подлежит.

— А если я не доплыву?

— Дмитрий Михайлович заверил нас, что доплывете. Он вообще предлагал без

акваланга вас отправить.

— Да-а-а-а?! — повернулся я к Барону.

— Шутка, Саша, — усмехнулся престарелый садист.

— Знаю я ваши шутки... — чуть слышно пробубнил я, но вспомнил про «поиск на марше» и накинулся на полкана с удвоенной силой: — Алле, гараж, а как я его найду?! По запаху?!

— Я не знаю, майор, как вы его найдете, но вы должны это сделать. В том случае, если цель покинет Северную Ирландию живой, вы можете не возвращаться. Вас расстреляют, — буднично без каких-либо интонаций сообщил мне «майор Иванов».

Я медленно повернул голову в сторону Барона.

— Именно поэтому ты идешь один, — «добил» меня Ивлев. — Всю группу подставлять глупо...

У меня отвалилась челюсть, а полковник-майор продолжил:

— Найдете цель, ликвидируете ее и с доказательствами ликвидации вернетесь на побережье. Там вас подберут морпехи.

— Я дико извиняюсь, а что является доказательством ликвидации? Башку ему отрезать и вам принести?!

Настал черед Иванова с удивлением уставиться на Барона.

— Он не шутит насчет головы, — улыбнулся Ивлев. — Может и притащить...

— Достаточно фотографий, — прокашлялся он. — Мы выдадим фотоаппарат.

— А из чего мне стрелять?

— Вам выдадут ОСВ-96.

— Кого мне выдадут?! — оторопел я. — «Взломщика»?!

— Да, — кивнул Иванов. — Тяжелую самозарядную крупнокалиберную снайперскую винтовку ОСВ-96.

— Эта... таво... А, может, сразу гирю к ногам, утопить в ближайшей реке!!! Я как с этой душой поплыву?!

— Майор, — устав от моих пререканий, повысил голос Иванов, — есть приказ командования! И вы, как офицер специального подразделения, обязаны его выполнить! Дмитрий Михайлович, — он посмотрел на Барона, — я понимаю, что у вас свой подход к вашим офицерам, — выделив слова «свой» и «подход», продолжил он свою гневную речь, — но постарайтесь...

— Полковник, — оборвал его Барон, — со своими офицерами я разберусь сам! Своими методами! На данный момент мои люди должны исправлять ваши косяки! Ваши, а не наши! И именно мои люди подписаны под «вышку». Поэтому ставьте задачу и уё...

На последнем слове Барон споткнулся. А присутствующие и даже я судорожно сглотнули. Всем стало страшно. Тон у Барона был ужасающий. Он раскурил сигарету, сделал два затяга и продолжил:

— Подведем итог: Бармалей, завтра утром получишь у майора Иванова две гаубицы, которые он нежно именуется «снайперская винтовка». До 23 часов завтрашнего дня ты под руководством Мамелюка и Олега вспоминаешь, как пользоваться этой фигней, а также как из нее попадать. Как найти лежку и свалить с нее, ты знаешь сам. В 23–30 за тобой приедет машина и увезет в порт. Находишь след, идешь по нему, валишь цель, получаешь доказуху и выдвигаешься к побережью. Там тебя будет ждать три наши группы. Встречаетесь, переправляетесь на наш берег и топаете ко мне. Я лично получу от тебя отчет и передам его

майору Иванову. Вопросы?

— Дмитрий Михайлович, — сразу ожил я, ибо остальные испуганно молчали, — а на кой черт мне два «Взломщика»?

— Вторую винтовку отдашь присутствующему тут капитану.

— Он идет со мной?!!

— Нет, — оскалился Барон. — Эта плесень тыловая в трех соснах заблудится. Куда ему с тобой идти... Он будет тебя изображать.

— Ась?!! — не понял я.

— Сань, приглядишься к капитану, — велел Барон. — Черты его лица таковы, что если его чуть подкрасить, он очень будет походить на тебя. Он такой же худой и длинный, как ты. Напаялим на него форму, броник нацепим, поставим рядом Марсю, и будешь вылитый ты!!!

— Е-е-е-е-дре-е-е-ена кочерыжка!!! — выдохнул я. — Мое убийство на охоту должно пройти незамеченным?

— Его нет, убийства твоего. Официально ты все это время находишься тут, продолжаешь, так сказать, следствие. Но так как вокруг базы наблюдателей как на собаке блох, придется устраивать этот спектакль. Завтра капитан будет ждать тебя на стрельбище уже загримированным. Ты убудешь в порт, а он вместе со стрелками сюда.

— Капитан, — окликнул я смершевца, — мой тебе искренний совет: не вздумай гнуть пальцы перед моими бойцами. Очень сильно сэкономишь здоровье!

Тот испуганно кивнул.

— Если вопросов и дополнений нет, — поднялся Барон, — то давайте расходиться. Всем нужно хоть немного отдохнуть.

У поднявшихся вслед за генералом офицеров не было ни того, ни другого, поэтому они быстро откланялись. Я, естественно, остался.

— Дмитрий Михайлович, меня Череп на эту мокруху подписал, да?

— Он, родимый, — кивнул Барон.

— А кем сейчас трудится Череп? Он же вроде в медицине.

— Он в медицине так же, как ты в юриспруденции, — усмехнулся Барон. — Вы еще в «Валгалле» грызли гранит военной науки, когда его повысили в звании и поставили во главе особого отдела при контрразведке. Именно с его подачи мы начали охоту за Штольценбергом. Негласно, и я, и Петрович, и мои группы, и часть преподав «Валгаллы» находимся в его подчинении. В любой момент он может отозвать нас всех с любой операции и засунуть, куда ему заблагорассудится.

— А кто из преподав знает о наших особенностях?! — уцепился я за слова Ивлева. Барон проскрипел зубами и перевел беседу в нужное ему русло:

— Не отвлекайся. Тебя выкинут в Северной Ирландии. Обстановка там хуже, чем в некоторых арабских странах. ИРА валит всех без разбора. Поэтому им лучше не попадайся. Это первое. Второе: информации об ирландской нечисти у нас мизер. Только теория. Поэтому с ними будь осторожен. В лучшем случае, они будут наблюдать, в худшем — начнут охотиться за тобой. Вспомни про Германию. Третье: беглый инквизитор пользовался языческими силами. Анализ художеств, которые остались на стенах, это подтвердил. Он «нарисовал» дверь в длинный портал, который перекинул его к побережью.

— А кто это установил?

— Я установил. Иванов показал мне фотографии.

— А что мешает ему забабахать такой же портал через всю Ирландию?

— Судя по всему, у него только одна «дверь». Иначе смерши не засекли бы его на барже. Но ты не о том спрашиваешь, дружище!

— А о чем нужно? — не понял я.

— Как тебе встать на его след, олух! — Ивлев отвесил мне несильного подзатыльника.

— И как?

— Вот это, — Барон вытащил из-под стола кусок опанелки с какими-то узорами, — часть портала, который рисовал наш беглец. Его особенность в том, что портал как бы метит человека, проходящего через него. След портала остается дня три-четыре, потом исчезает. Соответственно, твоя задача, твоя и Полоза, найти этот след и по нему настигнуть цель.

— И все?! — воодушевился я.

— Не радуйся, балда! — видя мое воодушевление «приземлил» меня Барон. И для верности навернул еще один подзатыльник. Сильнее первого. — Беглец знает о том, что оставляет след. Поэтому он будет бежать очень быстро, оставляя сюрпризы за собой.

— Он знает, что за ним начнут охоту?

— Стопроцентно. Именно поэтому он пешим порядком чешет через Ирландию.

— Его будут прикрывать?

— Скорее всего.

— Кто?

— Этого мы не знаем. Поэтому идешь ты и Полоз. Твой запас удачи и опыт Змея должны сделать свое дело.

— А если мы не успеем?

— Ты про «вышак» слышал?

— Так это на полном серьезе?

— Именно, — вздохнул Ивлев. — Еще вопросы?

— Нет.

— Тогда приказываю: идти спать!

А следственные действия? Мы без тебя закончим. Спать!

Глава десятая. Чингачгук Робингудович Телль

Утром сгрёб своих снайперов, получил две винтовки и в сопровождении мата моих охламонов прибыл на стрельбище.

— Саня, мать ети, — продолжил разоряться Олег, — на кой черт нам эти бандуры?! Динозавров отстреливать?!!

— Это не вам, а мне.

— Тебе?! — подключился Мамелюк. — Тебе-то они точно не нужны! Ты с «Винтореза»-то хреново попадаешь, куда тебе со «Взломщика»! И на кой ляд два ствола? Ты ими драться собрался?

— Кстати, да, — поддержал напарника Олег, — драться у тебя ими хорошо получится. Дороговато, конечно. Проще два лома взять...

— Где ты тут ломы найдешь? — засомневался Димка.

— У танкистов наших всегда ломы есть.

— Тогда не нас нужно было будить, а Марсю с Миколой. Они бы тебе и танк приперли...

— Вы заткнетесь или нет? — перебил я снайперов.

— Уже заткнулись, — отреагировал Мамелюк.

— Как партизаны в гестапо, — поддержал Олег.

Я уже собрался рявкнуть на них, но Олег, стоящий к нам лицом, и, соответственно, контролирующей наши спины, вдруг подпрыгнул и забубнил:

— Свят, свят, свят! Изыди!!! — и кого-то перекрестил. Я предположил, что он увидел смершевца, заgrimированного под меня.

— Господи, кто это?! — поддержал кореша Мамелюк и перекрестился сам. — Командир, ты глянь!!!

Я обернулся и сам чуть не перекрестился. Сходство было колоссальное. Капитана не только «накрасили», но и прицепили на лицо какие-то нашлепки, которые «выправили» его черты в нужную сторону.

— Здравия желаю, товарищ майор, — вздохнул мой двойник.

— И тебе не хворать, — пробухтел я.

— Это вам, — он протянул мне пакет с новой «распятнашкой», точно такой же, как и у него.

— Саня, это кто?! — наконец ожил Димка.

— Это я!

— Мы видим, — протянул Олег. — А почему тебя так много?!

Он подошел к капитану потыкал в него пальцем и с задумчивым видом вернулся на место.

— Так, стрелки, — я отвесил обоим снайперам по подзатыльнику, — на тему моего раздвоения не загоняемся, а идем получать снарягу и боекомплект у местного начальства. Бегом!

Парни зашагали в сторону административного здания, постоянно оглядываясь. Я же начал переодеваться.

— Капитан, как тебе в гриме?

— Терпимо, — вздохнул он.

— Долго тебя мучали?

— Полтора часа.

— Надолго его хватит?

— Сказали на сутки. На ночь нужно все снимать. Утром все заново.

— Ну, все не так плохо, — усмехнулся я. — Это лучше, чем со мной по прериям скакать.

— Где простите? — не понял он.

— Это лучше, чем со мной на задание идти...

Капитан промолчал и еще раз тяжело вздохнул. Знал бы он, как ему будет тяжело...

— Саня, кукиш тебе с маслом, а не патроны! — обрадовал меня Олег.

— Обоснуй! — не понял я.

— Местные бюрократы заявили, что им дана указивка пустить нас на стрельбище.

Распоряжений на выдачу боезапаса нет. Все претензии к контрразведке.

— Капитан, — я сразу наехал на смершевца, — какого полового члена тут происходит?

— Я не знаю, — заблеял тот. — Распоряжения отдавал Иванов.

— Тогда ноги в руки и бегом на телефон с Ивановым общаться!

Смершевец стартовал в сторону того же административного здания, из которого с матом вышел Димка. Он встал в двери, проорал внутрь что-то оскорбительное и шабаркнул дверью.

— Командир, — раскуривая сигарету начал жаловаться Мамелюк, — эти тыловики вообще опухли! Козлы!

— Дима, — флегматично ответил я. — Расслабься. Сейчас капитан все решит.

Капитан не решил. Иванова не оказалось на месте. Где он — никто не знает. Вместо него никто не собирался вписываться в проблемы со стрельбищем. Звонок Барону результата не дал. Стрельбище «числилось» за контрразведкой, поэтому он был бессилён. Я уже собирался повесить трубку, когда Олег пробубнил:

— Миколу бы сюда...

— Дмитрий Михайлович, — сразу смекнул я, — а можно я моих торгашей подтяну. Они договорятся...

Барон хмыкнул, выдержал паузу и дал добро.

— Мамелюк, — скомандовал я, — бери машину и вези сюда Миколу, Марсю и Зяму.

Обрисуй им ситуацию с боекомплектком. Пусть они подготовятся...

— Понял, — буркнул Димка и стартовал в сторону машины.

— А нам чего делать? — суксив рожу, поинтересовался Олег.

— Будем изучать мат. часть! Я это «противотанковое ружье» один раз только видел.

— Тунгус на картинке показывал? — рассмеялся Олег.

— Ага.

— Пошли, студент, — довольно потер руки снайпер. — Устроим тебе КМБ. Значит, слушай сюда...

Через полтора часа, когда я знал все об этой бандуре, даже то, что мне вообще не нужно было, Олег читал курс лекций об оптических прицелах. В комплекте их было два: дневной и ночной. В качестве наглядного пособия мой стрелок использовал капитана-смершевца. По команде Олега бедный капитан удалялся и приближался. Ползал и прыгал. Укрывался в складках местности. Падал мертвым. Некоторые движения приходилось показывать самим, так как смершевец не понимал команд типа: «А теперь, попер на нас, как олень во время гона» или «Умер. Сука, я сказал умер. Твою мать, кто так медленно умирает?! Дебил, ты

чего за сердце хватается и шатаешься?! Полудурок! Если в тебя из «Взломщика» попадут, ты пополам развалишься... Саня, я его убью!». После чего Олег бежал к капитану, несколько раз пинал ему по заднице (по голове я запретил бить, чтобы не попортить грим) и показывал то, что должен был делать смершевец. Именно во время такого мастер-класса на стрельбище вошли мои торгаши.

Я не стал оборачиваться, только прислушивался. А те, узрев картину «Снайпер пинает командира» (со ста метров я бы тоже ошибся), начали наезжать на Мамелюка за ненадлежащее поведение его напарника.

— Капитан, чего они там не поделили? — издали поинтересовался Димка у меня, спутав со смершевцем. Интересно...

— Ты оглох, боец?! — недовольно пробухтел за моей спиной Зяма и отвесил мне пинка. Я не остался в долгу и резко повернувшись вполсилы навернул Борьке в ухо. Борька упал, остальные присели от неожиданности.

— Санек?.. — неуверенно спросил Марся.

— Санек, — подтвердил снизу Борька.

— А там кто?! — обалдел Микола.

— Исполняющий обязанности, — ухмыльнулся я. Хохол вытащил бинокль и уставился на капитана, получившего очередной пендель от Олега.

— До чего техника дошла, — задумчиво прогудел Микола. — Нашего командира и тут и там передают...

— Саня, чего это за маскарад? — не приближаясь поинтересовался Зяма, поднявшись на ноги.

— Потом объясню. А пока слушайте задачу: у местных необходимо получить безуголовщины патроны вот к этим игрушкам, — я показал на «Взломщики» ногой, — в неограниченном количестве. Задача ясна?

— Разберемся, — хмыкнул Микола и уверенно направился в сторону здания. Марся и Зяма стартовали за ним.

Через двадцать минут задумчивые торгаши вручили мне магнитный пропуск.

— Держи ключ, в подвале — склад номер два. Там все и найдешь, — сообщил мне Микола, старательно что-то обдумывая.

— И что вы им втюхали? — я кивнул на здание.

— Не мы им, а они нам. Осталось только найти мудаков, которые у нас это купят... Так, бездельники, — Микола повернулся к Марсе и Зяме, — есть идея...

— И чем наши спекулянты заинтересовали местное начальство? — поинтересовался Олег, распечатывая цинк с патронами.

— Понятия не имеем, — ответил Мамелюк.

— А патронов нам сколько дали?

— Целый склад.

— Работаем! — повеселел Олег. — Значит так, командир, вот тебе наушники. Но настоятельно рекомендую чем-нибудь еще залепить уши. Эта слобойка бабахает так, что одни наушники не помогут.

Я недоверчиво покосился на Олега.

— Ну, я тебя предупредил, — усмехнулся он и передал мне магазин. — Заряжай.

Дистанция, с которой я решил валить беглого шпиона, была выбрана в тысячу метров. На этой дистанции и подняли ростовые мишени.

— Пали! — скомандовал Олег. *Я* выстрелил... Твою же маму!!! Отдача в плечо была ожидаема... но звук...

— Саня, — прокашлялся Мамелюк, — мой тебе совет — попадай с первого раза. Если промахнешься — хрен ты свою мишень догонишь...

— Димка, а он попал, — сообщил напарнику Олег.

— Новичкам везет...

К полудню я плохо слышал на правое ухо, правое же плечо болело, как от многократного попадания ломом, я с ностальгией вспоминал СВД.

— Перерыв, — скомандовал Олег. — Где этот недонюханный капитан? Кстати, а как его зовут?

Я завис, понимая, что не знаю, как звать-величать моего двойника.

— Сейчас узнаем.

Капитана нашли в соседнем блиндаже. Он пытался поспать.

— Слышь, капитан, а тебя как звать величать?

— Меня Василием звать, — грустно сообщил тот.

— Алибабаевичем?! — заржали мои снайпера.

— Нет, — так же печально ответил он. — Васильевичем.

— Иди, командуй, чтобы мишени подняли, — улыбаясь, велел Олег. — И шустрой давай, Алибабаевич...

Мишени были подняты и тренировка продолжилась. Еще через час, когда я окончательно оглох, Олег велел перейти к стрельбе по движущимся мишеням. Мамелюк предложил использовать в качестве мишени Васятку, но Олег был против. Не из гуманизма, а исключительно из практических соображений: капитан помрет после первого выстрела, даже если командир промахнется. Решили по старинке.

Через полчаса оба снайпера ругали меня трехэтажным матом. *Я* не попадал. Вообще. *Я* был обозван Чингачгуком — Кривым Глазом, Робингудом Безруким и Еврейским Вильгельмом Теллем. За что так «обрезали» славного Вильгельма, Олег объяснить не смог. Пояснил, что так Тунгус обзывался. Задумались. Вспомнили про Тунгуса и как-то синхронно оба снайпера воскликнули: Лазер!

— И чего вы вспомнили про Игоряна? — удивился я. Дементьев Игорь, с позывным «Лазер», был первым номером в паре снайперов Коваля. Он не промахивался. НИ-КОГ-ДА. Его глазомер Тунгус сравнивал с лазерным прицелом и требовал от руководства «Валгаллы» оставить его при школе инструктором. Один предложил Игоряну остаться. Игорян отказался и убыл вместе с «Закатом» на войну. Про него слагали легенды, как про советских снайперов времен Великой Отечественной, ставя в один ряд с Номоконовым, Зайцевым и Сурковым. Он попадал из ВСЕГО, что стреляло. Второй выдающейся особенностью Лазера была: уникальная способность к обучению других. И мои стрелки, и стрелки «Севера» были протестированы Лазером по прибытии в расположение Барона. Протестированы, одобрены и дополнительно обучены. В общем, на фоне моих профессионалов Лазер выглядел МЕГА-профессионалом. Единственное, в чем мои стрелки превосходили Лазера — это в дерзости. Так рисковать, как рискуют они, Игорян не решался...

— Надо его сюда тащить, — вздохнул Олег. — *Я* уже не знаю, как тебе руки вправить.

— Или глаза, — поддакнул Димка.

— Зовите, — разрешил я.

Мамелюк метнулся в наше расположение, а Олег продолжил муштру. Получалось плохо.

Выслушав очередную порцию матюков, я решил сделать перерыв. Олег не возражал. Почти час мы бездельничали. Наконец, вернулся Мамелюк. Вернулся с Лазером и... барабанная дробь, с Петровичем! Зимин пять минут грозился оторвать мне руки, выбить глаза, четвертовать, колесовать, сжечь и предать анафеме. Когда он выдохся, Лазер молча протянул Петровичу «ружо». Петрович его послал. Лазер ухмыльнулся и вручил мне пневматическую винтовку Иж-22. Отошел метров на десять и поставил пять пустых банок. Вернулся, протянул мне круглую банку с пульками и велел:

— Показывай.

Я вздохнул, переломил ствол, зарядил, прицелился и попал. И так еще четыре раза.

— Хорошо, — кивнул Игорь. Сходил к машине и принес трехлинейку. Я подвис, Петрович ругнулся, снайпера заулыбались.

— Так, — распорядился Лазер, — Димка, метнулся к банкам.

Мамелюк, не сказав ни слова, побежал ставить мишени.

— Заряжай, — велел Игорь. — Целься. Пали!

Я попал четыре раза. Промахнулся только первый раз.

— Ну, — укоризненно посмотрел на моих стрелков Лазер, — и чем вы недовольны?

— Он в движущиеся мишени не попадает, — ответил Олег. — Вообще.

— Проверим, — флегматично заявил Игорян.

Проверили. Петрович снова забубнил про мою казнь: страшнууууюуюю и лююютууюуюю... Притом из трехлинейки я попадал, а из «Взломщика» нет. Лазер осмотрел обе винтовки, сделал пять пробных выстрелов из каждой, попал. Посмотрел на меня, почесал нос и предложил:

— Петрович, пусть он с Мосинкой идет. Или вообще с ножом. Ножом он и динозавра завалит...

— Он идет с этой хренью, — показал пальцем на «Взломщика» злой Зимин. — Это не обсуждается.

— Хорошо, — кивнул Лазер. — На рубеж. Сашок, будем искать ошибки.

В течение часа я стрелял, а Игорь меня изучал.

— Ну? — спросил через час Зимин.

— Сейчас все будет в лучшем виде, — пробубнил Лазер и отобрал у меня винтовку. Минуту возился с прицелом, сделал пробный выстрел (не попал!!!) и вернул ее мне.

— Пробуй. Упреждение всегда две фигуры.

Я удивился, но выстрелил. И попал! Во все мишени! Петрович озадаченно чесал затылок, мои снайпера молились на Лазера, Лазер довольно улыбался.

Еще час я ложил все типы движущихся мишеней. Когда Игорян убедился, что «жизнь наладилась», то пояснил Зимину:

— Не знаю почему, но в момент выстрела из «Взломщика» Бармалей «не доводит». Мишень убегает от него.

— Почему?

— А черт его маму знает! — улыбнулся Лазер. — Не это главное. Главное — проблема решена.

Еще час Игорян наблюдал, Мамелюк, Олег и Петрович — курили и травили байки. Через час Игорь решил вздремнуть. И тут на свет Божий вылез мой двойник. У Лазера вытянулось лицо, мои стрелки заржали, Петрович тихо выматерился.

— А это что за приведение?! — поинтересовался Игорь.

— Это Сашкин аватар! — пояснил Мамелюк.

Игорян задумался, хмыкнул и спросил:

— Слышь, аватар, а где ты так накосячил?

— В каком смысле? — пропищал Васятка.

— В том смысле, что некоторое время ты будешь сосуществовать с бандой Бармалея. С ними подготовленные люди не всегда выживают, а тут такое недоразумение как ты...

— Игорь, кончай запугивать капитана, — велел Петрович. — Судя по его виду, он уже все давно понял.

— С чего ты взял?

— А у него вся задница в гуталине от... — Зимин присмотрелся к нашим ботинкам, — ... Олеговых башмаков.

До темноты я стрелял. С ночным прицелом началась та же беда, что и с дневным. Олег махом отобрал у меня винтовку, поколдовал над прицелом, и дело пошло как нужно. Перед их убийством Лазер долго ковырялся в патронах, вытащил один, осмотрел его, предъявил Олегу и Димке, получил от них одобрение и протянул патрон мне.

— У тебя будет только один выстрел, — утвердительно заявил он. — Этим попадешь! Потом снайпера обняли меня по очереди и ушли к машине, оставив наедине с Петровичем.

— Я снова изображаю наживку?

Зимин кивнул.

— Кого ловим?

— Не знаю, Саша. Ей Богу — не знаю. Твой выстрел запустит неизвестный нам «механизм». По ходу дела и будем разбираться.

— А он точно есть?

— Есть, — вздохнул Петрович. — Иначе Череп бы тебя не отправлял...

Глава одиннадцатая. Ирландия. Сделка

Как только я оказался на берегу, сразу проснулся Полоз.

— Ну что, охотник, включай вторую космическую скорость и бегом!

— Ты видишь след?

— Вижу. Слабенький, но вижу.

— И куда мне?

— Строго на запад. Бегом!

— А одержимость включать не будешь?

— Ты рехнулся?! Если тебя в одержимость перевести, за тобой вся местная нечисть ломанется! По старинке! Ножками!!!

И я побежал. Радовало только то, что бежал налегке: «Взломщик» с одним патроном, два ножа, пистолет бесшумный, он же ПС. Мне все пытались всучить ПСС, но не нравится он мне. Довершал мой арсенал проверенный «Вал». Упаковка энергетических батончиков, произведенных Ильдаром. Волк (Ильдаров захребетник) предложил какой-то термоядерный рецепт, и теперь все группы ходили в рейды исключительно с ними. Двух батончиков хватало на сутки, плюсом они «запирали» прямую кишку лучше желатиновых конфет. В том смысле, что гадить «по-большому» не хотелось до пяти дней.

За спиной рюкзак, в котором 30 килограмм патронов, поверх рюкзака сложенный «Взломщик». «Вал» в руки и марафон начался. То, что кругом темнота, мне только на руку. Я и без одержимости видел в темноте. Видеть и правильно слышать в темноте научили на первом месяце обучения в «Валгалле».

Как только расцвело, справа от меня приблизительно в километре раздались одиночные выстрелы. Стреляли из одного Калаша и двух натовских стволов. Предположительно, SA-80. Я замер, анализируя шумы. Закричала женщина, еще раз хлопнул Калаш, крик оборвался. Я сверился с картой. Где-то справа, как раз в районе «шума», стояла небольшая деревенька.

— Проверять не пойдём? — поинтересовался Полоз.

— У меня иная цель.

— А если это по наши души?

— Сомневаюсь. Преследователи так не шумят.

В этот момент из-за дерева появилась маленькая фигурка человека. Я вскинул «Вал», сквозь прицел увидел, что это девочка лет девяти, нажал на спусковой крючок, но не попал. В последний момент Полоз дернул мою левую руку вверх, и пуля ушла в небо.

— Какого хрена?! — я снова навел автомат на ребенка.

— Ты офонарел! — возразил мне Полоз и снова «задрал» ствол вверх.

— Змей, ты совсем нюх потерял?! Она меня засветит!

— А то, что это ребенок!

— Откуда такой гуманизм?! — спросил я, прикидывая варианты быстрой ликвидации свидетеля. Да, вот такой я урод и сволочь. Да, я готов завалить ребенка. Пока мы были на нашей территории, таких свидетелей мы отпускали. Более того, детишки, поняв, что перед ними свои, спешили нам помочь. А после перехода границы, все по инструкции: свидетелей быть не должно. Пока я просчитывал варианты, девочка подала голос:

— Помогите нам, Великий Змей!!! — произнесла она на плохом английском, и опустилась на колени. Я застыл. Голос у ребенка не соответствовал его внешности. Так

говорят старушки за шестьдесят. Глубоко за шестьдесят. — Помоги нам, — повторила она. — И мы укажем тебе кратчайший путь!

— Хвостатый, она с тобой, — на всякий случай пояснил я.

— *Я понял*, — хмыкнул Полоз и обратился к «ребенку»: — *Покажи свое истинное лицо!*

Фигура ребенка расплылась, а когда «резкость» восстановилась, перед нами стояла старушка лет семидесяти. Судя по позе и рукам, старушка отчаянно боялась.

— *Что тебе нужно, ведьма!* — рядом со мной возник Полоз.

— Помоги нам, Великий Змей, — повторила она и снова опустилась на колени.

— *Ты — дух-хранитель местной деревни!*

— Да, Великий Змей.

— *Кто на нее напал!*

— Вы знаете их как ИРА.

— В деревне живут протестанты? — поинтересовался я.

— Да, Одержимый, — кивнула старуха.

— Сколько их?

— *Я не знаю. Я не успела их сосчитать. Я почувствовала Великого Змея и решила его призвать.*

— Полоз, а ты меня демаскируешь...

— *Заткнись. Что ты готова нам дать за помощь!*

— Я укажу вам короткий путь до человека, что прошел тут недавно.

— *С чего ты взяла, что нам нужен этот человек!* — спросил Полоз.

— Вы идете по его следу, а Одержимый Тобой — убийца.

— *А если ты нас обманешь!*

— Мне нет смысла вас обманывать, — вздохнула ведьма. — К тому же, тот, за кем вы охотитесь — католик.

— *Хорошо, ведьма, мы поможем твоей деревне. Но если ты нас обманешь, я вернусь...*

— Не нужно мне угрожать, Великий Змей. Я готова умереть от страха, только общаясь с тобой. Я представляю, что Одержимый Тобою может сделать с моими потомками. Я клянусь, что отплачу вам, указав короткий путь.

— *Вот и договорились!*

— Стоять-бояться! — запротестовал я. — Полоз, а она нам надо?!

— *Нас просят о помощи.*

— Да мне плевать с высокой горки на ее просьбы. Ну, завалят отморозки из ИРА несколько протестантов, мне-то что? Меньше народу — больше кислороду. Тем более убивать бесплатно я не подписывался.

Полоз повернул ко мне голову и уставился не меня осуждающе.

— *К совести твой я взывать не буду. Тебе ее еще на первом курсе удалили. Поэтому обратимся к твоей хитрости. Вот эта бабка, — он кивнул головой в сторону ведьмы, — готова нам помочь. Мы сократим наш путь, — он задумался, — я полагаю, на сутки. Поэтому снарягу оставь тут, бабушка присмотрит. Ножи в руки и вперед убивать!*

— Чей-та ножами?! Сейчас к «Валу» прицел присобачу и перестреляю всех!

— *А гильзы ты собирать будешь, или бабушку попросим?*

— Ох, свалилась ты на нашу голову, — обратился я к бабке. — За вещами пригляди.

— Пригляжу, — кивнула та.

До деревни добрались за пятнадцать минут. Забравшись на дерево, я в бинокль изучал

диспозицию: деревня на двенадцать домов, часовня, некое административное здание, возле которого группа лиц человек на шестьдесят-семьдесят. При том, четыре человека, судя по снаряжению, и есть отморозки из ИРА. Читал я про них справку нашего информационного центра: толпа идиотов с мутными целями. Валят всех: и своих, и чужих. При этом не стесняются заниматься мародерством. Судя по всему, ребятки за этим сюда и пришли. Так, что у нас еще... Дорога к хутору одна. На въезде пара караульных.

— Полоз, снайперов нет?

— Нет. Двое на въезде. Четверо на площади, десять шарят по домам.

— А машины их где?

— Машин нет. Пешим порядком прибыли.

— Я так мыслю, местных нужно сбересть?

— Естественно.

— Тебе оно на кой, все это?!

— Сань, местами ты редкостный тормоз! Я первый раз на этой земле. Мне нужны союзники! Эта бабка не только поможет нам с перемещением, она всем своим расскажет о нашем подвиге. Так что при встрече с местной нечистью, нас не будут убивать сразу, а для начала поговорят.

— Политик, твою мать!

— Политик, политик. С чего начнешь?

— Для начала, освободим местных...

Через десять минут я зашел со стороны административного здания. Прислушался. Где-то в поселке шумели мародеры, среди местных тихо поскуливали женщины. Я припомнил, где стояли бойцы ИРА, и разбил одно из окон с задней стороны. На площади раздалась команда, но вместо немедленного ее выполнения кто-то заспорил. Минуту бойцы препирались, в конце концов, один из них пошел проверять. Он шел и ругался. А еще он вонял табаком и потом. И вот он повернул за угол. На одутловатой морде возникло непередаваемое удивление. А потом... он собрался бежать! Не крикнуть своим, не взять в руки оружие, а слинять. Я сгреб его за шиворот и приставил нож к горлу:

— Не дыши, — велел я на английском, а потом уточнил: — Ты же меня понимаешь?

— Да, — прошипел он.

— Сколько ваших осталось на площади?

— Трое.

Судя по голосу, товарищ пребывал на грани обморока.

— Командир где?

— Дома обыскивает.

— Хорошо. Наморщи мозг и скажи: кто из твоих поделльников дальше всех стоит от нас?

Ты понял, о чем я говорю?

— Да. Дальше всех стоит Ахерн.

— Кто? — не понял я.

— Ахерн, — промямлил пленник.

— Ну, зови своего Ахерна, — чуть улыбнулся я.

Одутловатый прокашлялся и крикнул:

— Ахерн!

Тишина.

— Еще раз, — велел я.

— Ахерн!!

На этот раз отозвались.

— Позови его сюда. Но учти, я понимаю по-ирландски.

— Ахерн, иди сюда, — перевел мне Полоз слова пленного.

— Чего я там не видел? — донеслось в площади.

— Иди, иди, — настаивал одутловатый.

— Ну, если ты меня просто так дернул... — проорал Ахерн. Ну, и имена у ирландцев...

— Умница, — похвалил я одутловатого, рубанул его по шее и осторожно, чтобы не шуметь, уложил и стены.

— И какого хрена тебе нужно? — перевел мне Полоз слова следующей жертвы, появившейся из-за угла. Та же беспечность, что и у первого: Калаш висит на пузе, настроение самое распрекрасное, гражданин курит и пованивает вискарем.

Он повернул за угол, получил несовместимую с жизнью травму в виде перелома гортани и был уложен рядом с первым. Через две минуты, когда душа Ахерна отделилась от тела, я привел в чувство первого. Нажал над бровями на две точки, и он начал ворочаться. Еще через минуту он затравленно смотрел на меня, периодически бросая взгляд на мертвого Ахерна.

— Продолжаем разговор. Зови двух оставшихся. Крикнешь им только то, что я велю. Понял?

Пленник энергично закивал.

— Ты крикнешь: парни, идите сюда, вы тоже должны это видеть. Понял?!

Очередное энергичное кивание.

— Прокашляйся и начинай.

Одутловатый крикнул.

— Что там у вас? — перевел Полоз заинтересованный ответ подельников пленного.

— Посмотрите сами, — шепчу я.

— Сами посмотрите, — кричит пленный.

— *Они идут тем же путем,* — сообщил Полоз, и я снова бью пленного по шее. Подхожу к углу. Слышу, как топают два будущих покойника. Топают с убийственной беспечностью. Курят и воняют. Приятно иметь дело с непрофессионалами. Приятно, но скучновато. И вот, они повернули за угол. Один за другим. Бросок к первому, прижимаюсь к нему, как к родному, и ножом наношу удар в горло замыкающему, если так можно сказать про колонну из двух человек. Замыкающий еще не начал оседать, а я обратным движением рассекаю горло первому. Оба лежат и дергаются. Даже не хрипят, что радует. Пока два джентльмена конвульсируют, разоружаю одутловатого и связываю его руки за спиной. Потом беру Калаш жертвы номер два. Хорошую машинку придумал Михаил Тимофеевич, за что низкий ему поклон. После войны, даст Бог, большой венок принесу к его памятнику. Даже раздолбайское отношение к автомату со стороны покойного владельца не смогло испортить аппарат. Вытащил все магазины к Калашу и пошел «будить» пленного номер «раз».

Тем же способом привожу в себя одутловатого.

— Сейчас мы идем и сообщаем местным, что они свободны.

— А что будет со мной?! — пролепетал тот, не отрывая взгляда от окровавленных подельников.

— Сделаешь все как надо, отпущу, — обещаю я.

— *Ай, ай, ай! Как нехорошо обманывать пленных!* — смеется Полоз.

Я натянул балаклаву на свое лицо, поднял пленного, и, прикрываясь им как щитом, направился на площадь. Как и ожидалось, конвоиры кончились. Сидящие местные, увидев нашу сладкую парочку, испуганно затихли.

— Я прошу прощения, что говорю на английском, вашего языка я не знаю, — обратился я к местным, — но хочу вам сообщить, что вы свободны. Пока компаньоны данного субъекта не вернулись, предлагаю всем вам сбежать в лес.

Меня поняли. Через двадцать секунд местных сдуло.

— А дальше что? — робко поинтересовался пленник.

— А дальше — самое интересное! — усмехнулся я и произвел пару выстрелов в воздух. После чего уложил одутловатого на землю и улегся за ним, как за бруствером.

— Только не дергайся! — предупредил я. Товарищи ирландские «патриоты» отреагировали ожидаемо: услышав выстрелы — осмотрелись, обнаружили отсутствие пленных и одного вяло дергающегося подельника, лежащего на земле. Не обнаружили остальных корешей и источник опасности и, как стадо баранов, ломанулись в сторону площади. Из десяти бегущих только трое прижимались к заборам и домам. Остальные перли, как носороги. По носорогам я и высадил первый магазин. Выставил над одутловатым ствол и выстрелил. Стрелял по ногам. Попал, но не по всем. Пользуясь тем, что народ прилег (кто с перебитыми ногами, кто для сохранности своей шкурки), бешеным ужиком уполз за здание, где меня ждали три жмура и... как оказалось, два аборигена мужского пола, уже ободравшие покойников.

— Ты кто? — мне в грудь уперся ствол, едва я поднял на ноги. Спросили на английском. Делаю пол-оборота вправо, уходя с линии огня, правой рукой отвожу ствол от себя, левой ногой выбиваю магазин из автомата, потом ногой в затвор. Как только патрон покинул патронник, делаю шаг к любопытному аборигену, одновременно выворачивая автомат из его рук, несильно бью прикладом в лоб, смещаюсь и пинаю по яйцам второму.

А на площади уже стрельба и крики. Судя по всему, стреляют в «моего» одутловатого. А он молчит. Видимо, попали.

— Вы почему не в лесу, полудурки? — интересуюсь у лежащих аборигенов. Молчат. Поймавший прикладом еще «плывет», а гражданин, словивший по «размножению», собрав в ладони все, что у него осталось после моего пинка, лежит и стонет.

— Если хотите жить — лежите тут и не дергайтесь.

Я же, вытащив из разгрузок покойных две гранаты, со всей дури метнул их через крышу в сторону бойцов ИРА. Обе гранаты метнул влево для того, чтобы выжившие метнулись вправо под мой огонь. Как только услышал предупреждающий крик, в котором прозвучало что-то похожее на слово «граната», высунулся из-за угла и снял двух человек, бегущих именно вправо, и одного сидящего среди подранков. Естественно, меня заметили и начали стрелять. Било два ствола. Вытаскиваю из разгрузок покойных еще две гранаты, на этот раз срываю чеку у обеих и кидаю в место расположение стрелков. Высунув только один ствол, стреляю в их сторону, дабы они не ломанулись со своих мест. Взрывы и вопли. Оббегаю здание с другой стороны и смотрю. Картина: «Приходи, кума, любоваться». Ходячих нет. Сидячих тоже не наблюдается. Масса лежащих и стонущих. Перевел Калаш на одиночный. Первый выстрел (контрольный) в одутловатого. С его стороны никакой реакции. Со стороны его подельников тоже. Стреляю в ближайшего бойца, лежащего на боку. Также никакой реакции, но от левого забора в меня начинают стрелять. Прячусь за угол.

— Полоз, меня никто не обходит?

— *Расслабился, воин, — ухмыляется он.*

— Ты меня на эту мокруху подписал, так что давай, работай!

— *Я же помочь хочу.*

— *Я бы и без помощи местной ведьмы добежал. Бешеной собаке — сто верст не крюк.*

Так что на счет обходных маневров противника?

— *Все, кто бежал в нашу сторону, лежат на дороге и пытаются понять — что им делать.*

— А командир их чего?

— *Погиб он смертью храбрых, — смеется Полоз. — Сначала пулю в башку поймал, потом граната рядом рванула. Вот его бандюки и призадумались.*

— А два сторожа на входе в деревню?

— *Сторожат, но очень напуганы.*

— Среди тех, кто на дороге, все ранены?

— *Кто живой — все!*

— Очень хорошо. Если начнется движуха — сообщи. А я пойду с местными храбрецами пообщаюсь.

Храбрецы уже оклемались и снова вооружились. Увидав меня, встали на ноги, но оружие в мою сторону не направляли.

— Привет, защитникам отечества!

— Привет, — пробормотал пожилой дядька, получивший по яйцам.

— А ты, невоспитанный юнец, тыкающий в незнакомых спасителей автоматами, чего не здороваешься?

Абориген, поймавший в лоб прикладом, действительно был юн. Не больше 20 лет. И очень похож на пожилого.

— Привет, — пробурчал он.

— Вы родственники? — уточнил я у пожилого.

— Это мой сын, — пояснил он. А потом уточнил: — Младший.

— Понял. Вы почему с остальными не ушли?

— Люди Трехпалого убили моего старшего, — пояснил пожилой. — Мы остались, чтобы отомстить.

— Трехпалый — это вожак данной банды?

— Да, — удивленно протянул собеседник. — А ты не знаешь, с кем воюешь?

— Мне до фонаря. Меня попросили вас освободить. Я выполняю просьбу.

— Кто попросил?! — подал голос молодой.

— *Малышка Бетти,* — подсказал Полоз.

— Малышка Бетти.

Пожилой отшатнулся от меня и начал креститься. Его сынулька тоже перекрестился, но подпрыгивать не стал.

— Ты — из Посвященных? — спросил он.

— *Саша,* — можно сказать «взвыл» Полоз, — *ответь положительно! И раскручивай его на разговор!!!*

— Да, — кивнул я. — Шел мимо, тут стрельба, и Малышка Бетти из-за дерева появилась. Пришлось сделать крюк, чтобы вам помочь.

— У тебя странный акцент, — не унимался молодой. — Из какого ты клана?

— Я — одиночка, — ответил я первое, что пришло на ум. Какие у них тут кланы — я

понятия не имел.

— Изгой?! — теперь отшатнулся и младший.

— Ага, — вздохнул я.

— А какую плату предложила тебе Бетти?! — с ужасом спросил старший и потянулся за стволом.

— Я ищу чужака. Он прошел в ваших краях сутки назад. Она сократит мой путь.

Аборигены выдохнули.

«— Интересно, какая еще могла быть плата при заключении контракта с Изгоем? Чьи-то жизни?»

— *Скорее всего*, — поддакнул Полоз.

— Ты аналогии с другими народами нашел?

— *Есть пара схожих моментов, но это позже. Я рекомендую вам уделить внимание нападающим.*

— Понял».

— Так, господа мстители, если с ценой вопроса разобрались, предлагаю заняться вашими бандитами. Тут два варианта: либо вы сидите тут и не отсвечиваете, и я сам доделываю работу, либо вы мне помогаете. Но хочу сказать, что Трехпалый уже мертв. Ваша месть состоялась.

— Мы поможем тебе! — опережая отца, выпалил молодой. — Скажи только, чем?

— На дороге метрах в сорока от этого здания лежит группа лиц с ранениями разной степени тяжести. А на окраине вашей деревни находятся два сторожа без ранений. Ваша задача обезоружить всех раненых, а я займусь сторожами. Запомните: ни при каких обстоятельствах не стреляйте в ту сторону. Запомнили?!

— Да, — кивнули они.

— Минут пять посидите тихо. Мне нужна тишина.

Через три минуты я уже рассматривал позицию сторожей. Боевики, встревоженные стрельбой, лежали на земле, направив оба ствола в сторону деревни. О наблюдении за окрестностями речи уже не шло. В деревне защелкали одиночные выстрелы. «Сторожа» встрепенулись и прильнули к прицелам.

— Нужно брать живыми, — сообщил Полоз.

— На кой? — удивился я.

— Ведьма просит.

— Слушай, Змеюка, а плясок с бубном она не хочет?

— Не зуди, Сашок. Тебе сложно взять двух недоумков?

— Мне время жалко.

— Все, не прибедняйся, — отрезал Полоз. — Пеленай их и веди в деревню.

Я выматерился и в лучших традициях Бармалея пошел в обход.

Высокая трава и складки местности позволили подобраться к сторожам на дистанцию в пять метров. Все их внимание было приковано к редкой стрельбе в поселке и крикам, периодически оттуда раздающимся. Дождался очередных выстрелов, сделал рывок и встал над бандитами.

— Оружие на землю.

Оба испуганно обернулись. И если левый начал разворачивать в мою сторону ствол, то правый громко (выражаясь медицинским языком) испустил газы. Пнул левому в голову, а правому — в живот.

— Сесть, — велел правому. — Спиной к напарнику.

Я усадил храброго, но находящегося в отключке, левого спиной к трусливому правому. После чего, вытащив шнурки из обоих ботинок храброго левого, привязал левую руку одного к правой руке другого. Потом повторил процедуру с другими руками.

Когда храбрый левый очнулся, поставил им задачу:

— Сейчас аккуратно встаем на ноги и также аккуратно топаем в поселок. Посмотрим, чего местные сотворили с вашими корешами.

— Ты кто? — прошамкал храбрый левый.

— Изгой из Посвященных, — ответил я.

Храбрый левый испуганно сглотнул, а трусливый правый опять испортил воздух.

— Заткнулись и двигаемся.

Дистанцию в сорок метров мы преодолели за шесть минут, четыре раза упав. А на площади уже шли народные гуляния. Судя по телам, лежащим отдельно, часть бойцов ИРА аборигены незатейливо грохнули. Остальных они подтащили к административному зданию, за которым я и прятался.

Помимо двух отважных помощников на площади была куча народу. Видимо, местные убежали не так далеко, раз так быстро смогли вернуться. Увидав наш ансамбль, общественность затихла. В абсолютной тишине мы проследовали до двух храбрых аборигенов.

— Принимайте пополнение, — сообщил я им и передал старшему оба автомата, изъятых у сторожей. Потом подумал и отдал Калаш, с которым ушел на охоту. — Хочу предупредить: правый гражданин очень пуглив и постоянно портит воздух.

Шутка не прошла, народ испуганно молчал.

«— Полоз, твою мать, дальше что делать?»

— *Прощайся и топай к рюкзаку. Только топай по дороге, а не огородами, как пришел.*

— Это часть ритуала?

— *Нет,* — хмыкнул он. — *За нами два хвоста! Хочу к ним присмотреться...*

— Чего?! Где?!

— *В лесу. Притом, они не связаны друг с другом. Если первого я вычислил еще на берегу, то второго срисовала местная ведьма. Он неосторожно приблизился к ней.*

— И кто нас пасет?

— *Разберемся. Прощайся и уматывай».*

Скупно распрощавшись с затихшими аборигенами, я гордо удалился. Возле моего барахла нас ждала местная ведьма.

— Я помог твоим родичам, Бетти, — сообщил я ведьме.

— Благодарю тебя, Одержимый, — поклонилась она.

— Наш уговор в силе?

— Конечно!

— У меня вопрос, Бетти. Что за человека ты видела?

— Это не человек, — огорошила она меня.

— Демон?

— И не демон. Я не знаю, как его описать. Я никогда с таким не встречалась.

— То есть он не ирландец?

— И не англичанин, — тараторила ведьма. — Он с большой земли.

— Какие ощущения у тебя были, ведьма? — Полоз «высунулся из меня».

Ведьма вздрогнула, но справилась с испугом, подумала и резюмировала.

— От него очень сильно пахнет войной и смертью. Сильнее чем от Одержимого Тобой. Еще пахнет силой. Могучей силой. И сила эта очень схожа с той, что висит на твой шею, Одержимый. Будто у того океан, а у тебя маленькая капля.

Я ущупал свою шею и, естественно, ничего не обнаружил. И жетоны, и крест я оставил на базе.

— Полоз, ты что-нибудь понял?

— Пока ничего. Бетти, — обратился он к ведьме, — где вход в твой тоннель?

— Еде скажешь, Великий Змей. Можешь зайти прямо тут.

— Хорошо. Бетти, мы сейчас немного поохотимся, как только закончим, так тоннель и откроешь.

— Да, Великий Змей, — кивнула та и растворилась.

— Поохотимся?! — спросил я у Полоза.

— Ага, — зло процедил он.

Глава двенадцатая. Охота

— И кого будем отстреливать: гражданина с берега или неизвестного, которого ведьма вычислила?

— *Гражданина*, — пробурчал Полоз.

— Ты чего такой недовольный?

— *Меня очень сложно обмануть. В России — это в принципе невозможно! Но на чужой земле это получилось. И получилось очень качественно...*

— Тебе в морду плюнули? — улыбнулся я.

— *Нам, Саша! Нам в морду плюнули!!! Я прозевал эту неведомую личность, а ты обычного человечка, что прет за нами от самого побережья!*

— Мда, — протянул я, — согласен. Но я могу оправдаться!

— *Это чем?!*

— Указанный преследователь идет не по моему следу. Моих следов нет. И ты это знаешь! Следовательно, в моей снаряге, скорее всего во «Взломщике» или в его чехле, стоит маяк. И маяк достаточно мощный, позволяющий не приближаться ко мне на два-три километра. Если бы этот гражданин подобрался ближе, я бы его и сам заметил.

— *Отмазался, юрист*, — процедил Полоз.

— Я тебе больше скажу, — продолжил я. — Маяк ставили наши, скорее всего гэбэшники.

— *Откуда такие выводы?*

— Всю снарягу, за исключением «Взломщика» и чехла, мне выдал Микола. А к ней без его ведома никто никогда не притронется. Даже ее владельцы. Поэтому только винтовка и все приبلуды к ней. А, следовательно, только гэбэшники.

— *Принято*, — пробурчал Змей.

— Вопрос в другом: на кой болт он за мной увязался?

— *Есть варианты?*

— Только один: завалить меня после того, как я найду и завалю цель.

— *Да ты пессимист...*

— Я бы добавил, что воинствующий пессимист. Закончили с лирикой. Переходим к физике. Дай я угадаю, где наш гэбэшник сидит!

— *Ну и где?* — усмехнулся Полоз.

— Метрах в пятистах от нас в сторону Англии с большим интересом наблюдает за разворачивающимися событиями.

— *Молодец*, — похвалил Полоз. — *Так и есть. Может, скажешь: почему он там сидит?*

— Легко, — хмыкнул я. — Двигался он на безопасной дистанции, и ничего не предвещало беды. Вдруг выстрелы, цель замерла. А через несколько минут разгорелся бой в деревеньке, при этом цель стоит на месте. Скорее всего, ему поручено оберегать меня до выполнения мною задания, а только потом валить. Гражданин заволновался и пошел поглядеть: чегой-та я (то есть маяк) стою на одном месте? Но добраться до моих шмоток он не успел, скорее всего, увидел мои перемещения и занял лучшее место в зрительном зале. То есть теперь он сидит на том же месте и ждет, когда я продолжу движение.

— *В точку.*

— Тут ничего сложного, ты лучше про второго расскажи.

— *Не расскажу. Сам пока ничего не знаю.*

— Он точно по наши души?

— *С гарантией. Судя по всему, он встал на твой след и решил посмотреть на бой. Он же не знал, что рядом с твоими шмотками ведьма сидит.*

— А что она про «каплю силы» на моей шее говорила?

— *А черт ее маму знает! Тебя никто не метил, ничего подозрительного ты не надевал.*

— Он несет нам угрозу?

— *Саня, твою мать, — вздохнул Полоз, — не знаю я! Давай топай человечка валить!*

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не трогая рюкзак и «Взломщик», взяв только «Вал», пошел на охоту. Просочившись к краю полянки, примыкающей к деревне, начал осматривать лес напротив. В траве пусто. На ближайших к поляне деревьях тоже. А чуть глубже... на уровне третьего этажа... есть!!! Сидит красавец! Именно красавец, а не лицо женского пола. Крупный, с меня ростом, но шире. Снаряга натовская, а оружие наше — снайперка! На морде — балаклава.

— *Ты его отсюда достанешь!*

— Достать-то достану, но нужно узнать, кто там.

— *А по трупу не поймешь?*

— А вдруг там Петрович сидит!

— *Это не наши. Сто процентов!*

— Полоз, завалить я его всегда успею. Для начала поговорим.

До «кукушки» я полз тридцать минут. В деле подкрадывания — спешка смертельна. И, вот оно — заветное дерево. Подполз, задумался: шмальнуть ему в ногу или залезть на дерево и пообщаться с ним там? После выстрела он может грохнуться вниз и сломать себе шею. Ловить такую тушу — это сломать себе шею. Решено. Лезу.

«— *Ты — маньяк, Бармалей!* — усмехнулся Полоз».

Ловлю порыв ветра и делаю первый рывок на ствол. Пауза. Минуту жду, порыв, еще рывок. Еще пауза. Снова ветер и шум листвы, снова рывок на полметра, снова пауза. И таким манером десять минут вверх по стволу. До жертвы осталось чуть больше метра, как вдруг эта падла обернулась и уставилась на меня! Еде-то я фраернулся... Перехватываюсь и тянусь за ножом, а он прыгнул! Не на меня, а просто вниз! Оставив на дереве и снарягу, и винтовку. Отталкиваюсь от дерева и лечу вниз.

«— *Узнал?* — светским тоном поинтересовался Змей».

— Да, — рычу я и приземлившись срываюсь за беглецом параллельным курсом. Этот дятел, не глядя выстрелил из «ВУЛа» себе за спину, полагая, что я следую строго за ним, и только потом решил осмотреться. А сзади никого. Он зыркнул влево, потом вправо, заметил меня и снова выстрелил. Мимо. Я притормаживаю, смещаюсь влево, опять встаю параллельным курсом и ускоряюсь. Жертва (теперь уже жертва) не глядя шмалает вправо, оглядывается, снова стреляет, обнаруживает, что меня там нет, и начинает поворачивать голову влево. Дебил! Стрельнул бы для острастки, тем более еще один патрон должен быть. В общем, ни повернуть голову, ни убежать он не смог. Поймал он, горемычный, в голову кулаком и рухнул.

— *Красавец!!!* — похвалил Полоз.

— Знаю, — выдохнул я. — Мне жена говорила.

Ухватил лежащего беглеца за ноги и потащил к дереву, с которого мы так замечательно

прыгали.

Без сознания он пролежал десять минут. Еще минуты три он тихо лежал, анализируя ситуацию. А я к этому времени раздел его полностью и связал, примотав руки к ногам по диагонали. Снял с дерева его имущество и решил перекусить.

— Не дур куй, полковник, — посоветовал я «майору Иванову». — Я вижу, что ты очнулся.

Он открыл глаза.

— Скажи мне, мудень, что ж тебе в штабе спокойно не сиделось?! Чего сам пошел?! Решил, что так для дела лучше?! Так зря ты так... Ты не с английской разведкой решил потягаться, ты супротив Барона и компании попер! А после такого никто не выживает. Поверь мне как главному свидетелю!

— Майор, — ожил Иванов, — сдастся мне, ты где-то что-то перепутал...

— Заткнись, остолоп! Ты не о том думай, как меня переубедить, а о том, как сдохнуть без мучений.

Он собрался что-то сказать, но я перебил его:

— Полкан, прежде чем что-то ляпнуть, подумай как следует. Твое слово может стать последним...

И он промолчал. Я дожеввал батончик, хлебнул воды и заговорил с ним сам.

— Короче, Иванов, меня интересует только одно: сколько маяков и где они стоят? Про остальное можешь не говорить.

Он выдержал паузу и грустно сообщил:

— Если я тебе отвечу, ты меня убьешь.

— Дурашка, — я приблизился к нему и похлопал его по щеке, — ты мне и так все расскажешь! Ты же читал мое дело и знаешь, где я обучался профессии. Поэтому сообщу тебе, что существует два эффективных метода развязывания языка: «скандинавский» и «варяжский». Варяжский более простой, но очень эффективный. А скандинавский более изысканный, в самом плохом смысле этого слова. Викинги любили пытаться и получали от этого удовольствие. Варяжский мне ближе по духу, видимо, сказывается общность корней. Так что, через двадцать минут ты мне расскажешь все, даже то, чего не знаешь! Поэтому выбирай — или ты мне все рассказываешь по-хорошему, и я тебя просто застрелю. Иначе, я вытяну из тебя все жилы, а потом сделаю из тебя «красный тюльпан». Ты знаешь, что это? Вижу, что знаешь! Так, что ты выберешь?

— Майор, дай мне сказать! — практически взвизгнул Иванов, увидав в моей руке нож. — Я для подстраховки!

— Я вижу, что ты решил умереть героем?!

— Твою мать! Один ты не справишься!

— Опа! Ты тоже одержимый?!

— В смысле?! — не понял Иванов.

— Замяли для ясности, — не стал углубляться я в тему. — Почему я не справлюсь?

— На маршруте тебя ждут...

— Чего ты бредишь? Нет его этого маршрута! Негде меня ждать!

— На обратном пути.

— А кто тебе сказал, что я вернусь тем же маршрутом?!

— На побережье.

— Меня будут встречать группы Барона, а не твои подопечные. Тылучше скажи, кто

идет с тобой параллельным курсом?

— В смысле?! — удивился Иванов.

«— Он на самом деле не знает, — сообщил Полоз».

— Хреновый ты спец, Иванов, — грустно вздохнул я. — Следить не умеешь. Прятаться не умеешь. Даже себя обезопасить не смог. А уж про твоё бегство можно и не говорить. Короче, полудурок, где маяки?!

— Пошел ты...

Я вздохнул и полез за иголками...

— Ну что, граждане садисты, моральные уроды и маньяки, приступим к изучению наиважнейшего предмета под названием: «Способы получения информации при нежелании источника информации делиться ею».

Будущая группа «Урал» сидела полукругом, а перед нами «перекатывался» Колобок. Указанный Колобок был в звании подполковника, был не выше метра шестидесяти и был таким же в объёме. При этом у него не было одышки или грузности, присущей людям его комплекции. Его «аудитория», располагающаяся в подвале, в народе именовалась «Пыточной». Колобка называли Главным Инквизитором и боялись, до первого с ним общения. Милейшей души человек! Улыбчивый, знающий массу анекдотов. При общении с ним хотелось раскрыть душу, а иногда и разрыдаться на его пухлом плече. Мне не хотелось. Меня он отпугивал. Отпугивал так же, как Черепанов в момент нашего знакомства.

— *Я* вижу, — он расплылся в добродушной улыбке, — откровенных садистов среди вас нет. Скрытые есть, а явных не наблюдается. Поэтому мы пойдем по «варяжскому» пути. Кто такие варяги все знают? Для тех, кто не знает, поясню: это северное славянское племя, подарившее Руси таких замечательных князей, как Рюрик, Олег Вещий, Святослав и Владимир. Не нужно путать их с викингами. Они жили рядом с ними, неоднократно их били, но варяги были славянами. Как всякие славные воины, варяги умели многое, в том числе получать информацию. В те славные времена не было всякий конвенций и прочей бабской хрени, декларирующей гуманное отношение к пленным. Поэтому с пленными обращались так, как они этого заслуживали.

Он еще раз оглядел нас, добродушно усмехнулся, и продолжил:

— Начнем с минутки юмора. Мне нужна «жертва»!

Сказать, что добровольцев не было, не сказать ничего! Народ так вжался в стулья, что спинки затрещали.

— Ну, раз добровольцев нет, придется командиру подразделения помочь мне. Кто у нас командир?!

Я не только вжался в стул, но и втянул голову в плечи. Становиться «жертвой» мне ни разу не улыбалось! А мои засранцы, как один, повернули головы в мою сторону. Короче, сдали меня с потрохами...

— Ага, — довольно потер руки Колобок, — командир найден! Как вас зовут, молодой человек?

— Александр, — вздохнул я.

— О! — воскликнул Колобок, — Это который Трофимов? Посрамитель инструкторов и великий боец, победивший самого Святогора?!

— Ну, типа того...

— Так что же вы так перебздели?! Ничего страшного с вами не произойдет...

— «Чик» и ты уже на небесах, — «поддержал» меня Марся.

— Жертва номер два уже найдена, — улыбнулся Сунгатову Колобок. Марся резко загрустил.

— Александр, прошу вас встаньте. Подойдите ко мне.

Колобок осмотрел меня.

— Александр, разденьтесь по пояс сверху и снимите ботинки с носками.

Комментариев со стороны моих бойцов не было. «Залет» Марси сделал парней осторожными. Я разделся. Колобок пригляделся ко мне и резюмировал:

— Оглядев жертвенное тело, мы обнаружили незначительную шерстнатость на груди и пальцах ног. С этого и начнем. Александр, представьте, что вы попали в плен, и враги спрашивают у вас, как пройти к колодцу председателя колхоза «Имени первого смычка Мстислава Ростроповича» для того, чтобы сыпануть туда дрожжей пополам с пургеном. А вы...

Закончить он не успел. Я бухнулся на колени и запричитал:

— Люди добрыя-я-я-я-я, не губи-и-и-ите!!! Сам я не ме-е-е-естный, техничка-а-а-а-й работаю, знать ничего не зна-а-а-аю, ведать не ведаа-а-а-аю, а колодец там справа от грядки с хреее-еее-еее-ном...

И схватив Колобка под колени, завыл дурниной. Мои рухнули от смеха.

— Рано, Александр. Рано!!! — Колобок смеясь, отрывал меня от своих ног. Оторвал.

— Только что Александр продемонстрировал вам, господа курсанты, последнюю стадию допрашиваемого, которая называется «Я убил президента Кеннеди». Правда, он перескочил через массу иных стадий, не менее интересных. К ним и вернемся.

Он поставил меня на ноги и спросил у парней:

— С чего начнем?

— Яйца ему открутить, — тут же предложил Мамелюк.

— Яйца — это хорошо, но их обычно оставляют на десерт. Какие еще варианты?

— В глаз сигаретой ткнуть, — вариант от Олега.

— Себе в глаз сигаретой, молодой человек! Вы на задании!!!

Олег пристыженно опустил взгляд.

— Еще!

— Я бы ушами занялся, — предложил опытный Микола. — Там масса болевых точек.

— Очень хорошо! — похвалил его Колобок. — Еще!!

— Зубы, — предложи Ильдар.

— Браво! Еще!!!

В течение трех минут мои садисты предложили столько всего интересного, что сделай они это со мной, меня бы опознали только по ДНК. К четвертой минуте мои иссякли. Убедившись, что вариантов больше нет, Колобок воскликнул:

— А волосы, друзья мои! Про волосы, почему все забыли?!

И в подтверждение своих слов, схватил меня за волос в районе соска и резко дернул. Я заорал уже по настоящему. Парни все сморщились, как будто это их дернули.

— Видите: неожиданно и больно! Есть еще подмышки, — рывок, я снова ору. — Но самое больное место — это большие пальцы ног!

Я ждал, что Колобок ударит пяткой мне по пальцам, но он наклонился, ухватился за мою растительность на большем пальце правой ноги и потянул. Я заорал протяжно и искренне. Очень искренне!

— Где говорите колодец председателя?! — вопрошал препод.

— Я покажу!!! — поклялся я.

— Вот! — препод отпустил меня. — С этого и нужно начинать. Спасибо, Александр, вы свободны. Следующая жертва — прошу вас!

Колобок уставился на Марсю. Тот нехотя поднялся.

— Нас зовут?

— Марсель.

— О! Это вам Черныш и Гаага хитрый удар ставят?

— Так точно.

— Очень хорошо! Раз вы специализируетесь на травмах суставов, на вас эти суставы и изучим.

Мы выдохнули, Марся испуганно сглотнул.

В течение следующих пяти минут Марся орал не переставая. Орал, как и я: искренне и протяжно. Ему «промассировали» все суставы на обеих кистях, «пощупали» локоть справа и плечо слева. После чего он был отпущен с миром.

— Кто-то из вас говорил про уши...

Группа повернула голову в сторону Миколы. Микола выматерился, препод улыбнулся.

— На Ильдаре будем изучать зубы, а Мамелюка будем кастрировать, — резюмировал я.

Ильдар задумчиво потер лицо, а Димка непроизвольно сжал ноги.

— Я живым не дамся! — пообещал Мамелюк.

Тем временем Микола занял место Марси. Препод что-то прошептал ему, тот кивнул.

— Итак, господа курсанты, — Колобок жизнерадостно потер руки, — уши!

Учитывая разницу в росте, он взял стул, встал на него, ухватил Миколу за ухо и резким движением вогнал ему в мочку тонкую иглу. Микола даже бровью не повел.

— Как вы видите по реакции жертвы, — пояснял препод, — иголка введена в наименее болезненную точку мочки. Жертва никак не отреагировала. Однако если мы возьмем зажигалку и начнем нагревать иголку...

Микола вскрикнул и упал на задницу.

— ... жертве будет так больно, что она упадет. Спасибо, Микола. Все было очень убедительно!

Как потом выяснилось, Колобок не касался пламенем иглы. Он только имитировал. Все остальное гениально сыграл Микола.

Ильдара и Димку сегодня трогать не стали, оставили на следующие занятия. В течение месяца мы все и не по разу выступали в роли жертв. Нам объясняли: до какой температуры необходимо раскалить железо, на какую глубину его втыкать в тело человека. Какие мышцы и как рвать... про уши и носы... про зубы и губы... про глаза и мочеполовую систему обоих полов... В общем, массу интересного для нас — начинающих садистов.

Были у Колобка и эксцессы. В один ненастный день, когда занятия по снайперскому делу проводились исключительно для снайперов, наша группа прибыла на занятия вместе с группой ловцов.

В отличие от нас (от мокрушников) руководитель факультета ловцов не предупредил своих, чтобы с Колобком они вели себя скромно. Киса нам сразу сказал: «Гели не хотите, чтобы Колобок использовал вас как настоящих жертв, ведите себя тихо. Это не я, не Черныш, не Гаага и даже не Карп. Это гораздо страшнее...». И мы вели. А ловцы...

Перед Колобком стояла жертва из ловцов. Колобок показывал, как работать с веревками. Жертве это не нравилось, и жертва решила взбунтоваться. Это недоразумение,

которое выглядело круче Колобка раз в десять, начало изображать выход из захвата с выведением Колобка на болевой и последующим броском. Колобок ухмыльнулся и предпринял контр действия. Выход не удался, а веревки зафиксировали обе руки жертвы. Жертва оказалась неугомонной и решила продолжить. Шаг вперед с одновременным поворотом корпуса и ударом ноги. Колобок не стал уклоняться. Он сел на шпагат, нога жертвы пролетела высоко над ним, после чего Колобок подпрыгнул и в прыжке ударил жертву ногой в голову. Жертва отлетела на пару метров, а Колобок, спокойно приземлившись на ноги, направился к лежащему телу. Со стороны моих головорезов раздались бурные аплодисменты. А Колобок, подойдя к лежащему ловцу, сообщил:

— Вот теперь занятие будет крайне реалистичным. Крайне! Особенно для лежащего перед нами дебила...

Когда указанный дебил пришел в себя, Колобок оторвался на нем от души. Дебил провел четыре дня в лазарете. А мы еще раз убедились в истине, что внешность обманчива!

По окончании школы мы искренне надеялись, что наши знания нам никогда не пригодятся. Зря надеялись... Во время второго выхода нам понадобилась тропа в минном заграждении. Как и учил Колобок — выкрали двух солдат. Одного мучали, второй смотрел. Через полчаса, когда подопытный обгадился во всех смыслах этого слова и просто мечтал сообщить нам хоть что-нибудь, я повернулся ко второму. «Я покажу!!!» прошептал второй. Прошептал также убедительно, как я прокричал Колобку о «колодце председателя»...

А сегодня мне предстояло пытать своего. Хотя, какой он мне «свой»...

— Короче, Иванов, через двадцать минут ты будешь валяться в собственном дерьме и молить меня о том, чтобы я тебя выслушал. А я еще десять минут буду тянуть из тебя жилы.

Он промолчал. Я взял две иглы.

«— Саня, стоп! Предлагаю свести человека с ума.

— Это как?

— Ты из карате хоть одно ката знаешь?

— Макс показал одну связку...

— Короче, раздевайся по пояс, подыши поглубже, пошти, а потом начинай выполнять ката, увеличивая скорость. На третьем повторе я полностью выскочу из тебя и сам пообщаюсь с пациентом. Ты помнишь, как медкомиссия обгадилась?

— Ага, — хихикнул я.

— Начинаем».

— Хотя, Иванов, чего мне тебя пытать? — спросил я у полковника. — Вытаскивать маяки я все равно не буду. Давай я тебе крышу на бок сверну и передам местным. Мужик ты здоровый, будут тебя вместо тягловой силы использовать.

По выражению морды Иванова было видно, что он не верит. Зря он так. Полоз умеет появляться эффектно.

Я разделся по пояс и по взгляду будущего сумасшедшего понял, что «наколка» произвела нужный эффект. Во время крайнего медосмотра, проводимого силами тылового госпиталя, врачи откровенно боялись меня трогать.

— Ну, начнем, помолясь!

Я раздышался, сделал несколько разогревающих упражнений и начал. С виду обычные «каратешные движения». После первого повтора Полоз начал двигаться на моих руках. Иванов это заметил и потряс головой.

— Спиной к нему повернись.

Вторая проходка. Судя по щекотанию на спине, Змей активно «танцевал» изображая из себя удава Каа на выступлении перед бандерлогами. Иванов захрипел.

— *Лицом к нему.*

Третья проходка. С завываниями и в ускоренном темпе. Финальный выдох и из меня вынырнул здоровенный змей!

— Для чего ты призвал меня, смертный?! — пророкотал он, повернув зубастую морду в мою сторону.

Иванов заорал.

— Мне нужна твоя помощь, о Великий! — торжественным тоном сообщил я.

— Какова будет плата, смертный?!

— Я отдам тебе человеческую душу, о Хвостатейший!

— Чью душу?! — вопрошал Полоз.

— Его душу, — показал я взглядом. Полоз медленно повернулся, осмотрел жертвенное тело, которое уже не орало, а выло на одной ноте и пускало слюну, и рванул к Иванову. В броске он раскрыл пасть, а зубки у него... я до сих пор боюсь на них смотреть...

— Нет!!! — заорал Иванов.

Полоз замер в сантиметре от лица Иванова.

— Эта жертва мне по вкусу, — сообщил Полоз и прошелся языком по лбу «майора». В этот момент у майора «вышибло дно». Процесс дефекации происходил в сопровождении соответствующего звукового ряда и прилегающий ароматов.

— Так что ж вы все сегодня такие засранцы?! — вырвалось у меня.

— Слышь, Сашок, — повернулся ко мне Полоз. Его морда выражала крайнюю степень безразличия, — что за гадость ты мне приготовил? Почему «оно» так воняет?!

Я принялся. Убийственный аромат.

— Сам виноват! — наехал я на Змея. — На кой черт ты его так напугал?! *Я* сам при виде твоих зубов мандражировать начинаю, а тут человек тонкой душевной организации! А вдруг у него вместе с задницей и крыша протекла?!

— Ну ты мандражист... или мандрюк, — Полоз уставился на меня с укоризной, — заканчивай бухтеть мне про человеколюбие! Ты лучше скажи, чего мне с этим засратым делать?!

Я подошел к «майору Иванову» и внимательно к нему пригляделся. Да, у гэбэшника определенно «сорвало планку». Сознание он не потерял, но шок у человека был качественный. Мы оба склонились над «благоухающим» офицером, прикидывая, что делать дальше. В этот момент Иванов поднял на нас глаза, взгляд его сфокусировался, он весь напрягся, вскрикнул и вырубился. Движение каловых масс продолжилось. Вонь усилилась. Мы отпрыгнули от «майора».

— Одевайся, стриптизер — велел Полоз.

— Чего будем делать с жертвой?

— Как ты и обещал — отдадим местным.

— Не сбежит?

— Куда он со сползшей крышей сбежит?!

— А она сползла?

— Зуб даю, — побожился Полоз и изобразил «голливудскую» улыбку.

— Пасть закрой, — испуганно перекрестился я.

Я сбежал в деревню и привел пару местных. Местные, откровенно мандражирующие в

моем присутствии, впали в ступор, лицезрев голого мужика со съехавшей крышей, лежащего в собственном дерьме. Выполняя мои требования, они ухватили его за более-менее чистые части тела и утащили. На исправительные работы.

— Душевно получилось, — ехидно заметил Полоз.

— Поживем — увидим, — проворчал я. — Мы с аборигенами столько времени потеряли...

— Не скули, — перебил меня Змей. — Чуть больше двух часов. С коридором, который нам даст ведьма, мы выиграем больше двадцати часов. Двигай к своему рюкзаку.

— Полоз, а как там наш второй преследователь? — поинтересовался я, пока топал за своим имуществом.

— Тут он. В радиусе километра.

— Ты смог его вычислить?!

— Смог. Я перебрал все варианты с «Каплей Силы», про которые бухтела местная ведьма, и пришел только к одному выводу: Православие.

— Поясни!

— У тебя из оберегов только я и Крест. Я, как говорится, всегда с тобой. А Крест, который обычно висит на шее, в данный момент хранится вместе с твоими документами и наградами в сейфе Барона. Следовательно, только он может оставить след. Тем более, благодаря Князю он набрал мощности. Проведя сканирование местности, я обнаружил сгусток православной энергии. И не простой сгусток, а сгусток, который может принадлежать только...

— Экзорцисту, — закончил я вывод Полоза.

— Хрен тебе поперек рыла, невоспитанный балбес!

— Не экзорцисту?!

— Нет.

— А кому?!

— Боевому православному иерарху!

— Мать моя, а это что за зверь?!

— Ты прав, Пятачок: именно зверь! Заткнись и выслушай, — пресек мои вопросы Полоз. — Ты былинку про Куликовское сражение помнишь?

— В целом — да.

— Про битву Пересвета и Челубея?

— Да. Монах, ученик Сергия Радонежского, завалил татарского батыра, но при этом погиб сам.

— Типа того.

— Почему «типа»?

— Он такой же монах, как ты — балерина! Таких воинов как он еще поискать нужно было!!! К Сергию он пришел за год или за два до той битвы. Но учение Сергия принял искренне и истово. Поэтому на его великое воинское искусство легла сила Православия. И на битву вышел он не просто богатырь, а Православный воин, коих в земле нашей единицы, да еще не в каждом столетии.

— А чего он так плохо с татаринном закончил?

— Так татарин тот, тоже не рядовым поединщиком был. И не татарин он вовсе. Буддисты в те темные времена готовили великих воинов, которых с удовольствием поставляли на экспорт. Вот именно таким воином и был Челубей.

— Очень интересно! А сейчас они чего притихли?

— Кто?

— Буддисты.

— Ха, — усмехнулся Змей, — им так по мордасам настучали, что они еще долго не будут рыпаться. Последний раз во время Великой Отечественной.

— И кто им стучал?!

— Начал Пересвет, а закончил майор госбезопасности Советской Армии в далеком 44-м году. Царствие ему Небесное!

— Полоз, — заинтересовался я его печальным тоном. — А офицер этот не тобой ли был одержим?

— Догадлив, гаденьш... — похвалил меня Змей.

— Он погиб в бою, мой... э-э-э предшественник?

— Да, — горько вздохнул он. — Он погиб, но задачу выполнил. А я ушел в Срединный мир.

— Расскажешь о нем?

— Потом. Может быть...

— А про нынешнего иерарха что скажешь?

— Ничего не скажу. Он есть — это факт. Он идет за тобой — это тоже факт.

— А для чего он идет?

— А хрен его знает.

— Засаду на него делать будем?

В ответ Полоз расхохотался:

— Кто? Мы?! Сашок, дурья твоя башка, ты помнишь, как меня гнуло и ломало, когда Александр Невский явился?

— Конечно!

— Так вот, если я попытаюсь этого иерарха атаковать, меня так скрутит, что я и двинуться не смогу.

— А я?

— А ты сможешь, только пользы от этого не будет.

— Почему?

— Потому, мой самоуверенный друг, что прежде чем стать иерархом от Православия, он стал великим воином. Поэтому уделает он тебя одной левой.

— А если с засады стрельнуть?

— Саня, ты вообще дурак?! — Полоз высунул из меня голову и встревоженно посмотрел мне в глаза. — Если ты против него попрешь, прилетит тебе в башку с неба молния, и отправимся мы оба в гости к Люциферу!!! Даже не думай!!!

— Все, — испугался я. — Заткнулся и не думаю!

— Ну, Слава Богу, — выдохнул Полоз, перепутав все, что можно.

К этому моменту мы дошли до моего имущества.

— Бетти, ты тут? — поинтересовался Полоз.

— Да, Великий Змей, — деревенская ведьма появилась из-за ближайшего дерева.

— Мы готовы к переходу.

— Хорошо, Великий. Можно мне задать вопрос?

— Можно, — удивился Полоз.

— Что нам делать с вашим пленником?

— Это который в дерьме? — уточнил Змей.

— Да, — поморщилась ведьма.

— Что сочтете нужным. Теперь он ваша собственность.

Радости от даром полученного раба ведьма не испытала.

— Ты еще что-то хочешь спросить?

— Да, Великий, — поклонилась Бетти. — Если Тот Кто Идет за вами, придет ко мне, что мне делать?

— Выполнить все его требования и говорить только правду.

— Хорошо, Великий.

— Мы готовы, ведьма.

— Вам — сюда, — махнула она рукой. В паре метров от нее воздух пошел волнами.

— Вперед, Саня, — скомандовал Полоз.

Я шагнул в «портал».

— Благодарю тебя, Бетти, — напоследок бросил Полоз.

— Не за что... — донесся нам в след ее смех.

— Полоз, не нравится мне ее прощание, — я стоял в закатном лесу.

— Вот, старая сука! — выругался Змей. — Саня, на обратном пути, зачищаем ее деревню под «ноль».

— Откуда такая кровожадность?! — удивился я.

— Эта старая кошелка вывела нас к лепреконам...

Глава тринадцатая. Лепреконы

«Был лунный вечер. Остап несся по серебряной улице легко, как ангел, отталкиваясь от грешной земли. Ввиду несостоявшегося превращения Васюков в центр мироздания бежать пришлось не среди дворцов, а среди бревенчатых домиков с наружными ставнями. Сзади неслись шахматные любители».

Илья Ильф, Евгений Петров, «Двенадцать стульев».

Вот, Ей Богу, я большим удовольствием поменялся бы местами с Великим Комбинатором. И дело даже не в том, что толпу шахматных любителей я бы порвал, как незабвенный Тузик ту самую легендарную грелку. А дело в том, что несостоявшиеся граждане «центра мироздания» меня бы попросту не догнали... А если бы догнали, то не разорвали бы «на сотню маленьких медвежат»

Балу, «Маугли».

— Быстрее, обглодыш...

— Перебирай копытами, животное...

— Слева! Прыжок! Поднялся и пошел! Пошел, пошел, пошел!!!

Это команды Полоза.

Как у вышеупомянутых классиков был лунный вечер. И я несся (правда, не по улице, а по лесу) легко! На ангела, к сожалению, не тянул ни разу, но от грешной земли отталкивался как Бендер.

Через минуту после того, как Полоз «приговорил к высшей мере» всех жителей деревни, где обитала ирландская ведьма Бетти, он же (Полоз), смачно выругавшись, поинтересовался:

— Ты в «Валгалле» много бегал?

— Каждый день и не по разу...

— Очень хорошо! Тогда ноги в руки и на максимальной скорости стартуешь на запад.

— А далеко бежать? — наивно поинтересовался я.

— Ты неправильно ставишь вопрос. Нужно спрашивать не про дистанцию, а про время.

— Не понял!

— Саша, бежать придется до рассвета!

— А когда тут рассвет?!

— Пол пятого. Стартуй, мартышка!!!

И я ломанулся.

Уже полтора часа я с благодарностью вспоминал свою спецшколу и ее инструкторов, наказывающих нас пробежками. Я несся, не сбавляя темпа, и моя снаряга никак не сказывалась на моей скорости.

Лепреконы оценивали мой маневр минут десять. Судя по всему, эти карлики настроились на бой, и мое героическое бегство стало для них полным сюрпризом. На одиннадцатой минуте моего марафона где-то очень далеко за моей спиной раздался разочарованный рев множества глоток, сменившийся мерным топотом.

На расстояние прыжка лепреконы вышли через час. До этого они старательно меня догоняли. Погоня сильно растянулась, ибо легкоатлетическая подготовка у аборигенов была разная. Первыми на меня вышли двое. И сразу прыгнули. Данный прием был у них не отработан, поэтому мое ускорение привело к тому, что прыгуны просто столкнулись в воздухе в том месте, где должен был быть я. Столкнулись, упали, и об них споткнулся еще один бегун.

— Полоз, твою мать, а чего ты меня одержимым не делаешь? — пришла ко мне запоздалая мысль.

— А для чего? — удивился он.

— Так ить, сожрут же!

— Подавятся! — отрез Змей. — Им для начала тебя еще догнать нужно.

— Так уже!

— Не прибедряйся. Бегун из тебя отличный! Вот когда совсем обложат, и наступит пора рукопашной, вот тогда поговорим об одержимости. А пока, прыжок влево!

Прыжок влево, и справа, потеряв цилиндр, кубарем пролетает очередной преследователь.

— Ножи достань.

Достал.

— На счет три — смещение вправо на полметра и колющий влево. Один, два, три!

Смещаюсь, выкидываю руки и попадаю. Не вижу, но чувствую.

— Молодец.

— Слышь, тренер ползучий, давай уже схватку начнем. Чего мы бегаем, как скрипачи от гопников?!

— Так, скрипач, не отвлекайся. Твоя задача: до рассвета выйти к определенной точке. К ней мы и бежим. А драка будет долгой, и мы потеряем время. Поэтому в лучших традициях разведки, мы и пытаемся избежать боестолкновения. Если глупых вопросов больше нет, махни правой ручкой назад.

Махнул. В кого-то попал. Ускорился. Еще час марафона, с прыжками, уклонами и ножевыми атаками.

— Полоз, я не хочу тебя расстраивать, но такой темп я могу держать еще минут тридцать. Потом меня догонит основная масса аборигенов. Долго нам еще до точки?

— Долго, не расслабляйся!

— Нужен финт ушами. Какие будут предложения?

— Будем искать горшок!

— Какой в пень, горшок?

— Не какой, а чей? — поправил меня Полоз.

— И чей же?!

— Какого-нибудь лепрекона.

— И на хрена он нам?

— Желание загадаем! Ускорение на сорок пять градусов влево. Дистанция триста метров. Пошел!

Через озвученные триста метров Полоз меня остановил.

— Наклонись и подними горшок над головой.

Хватаю тяжеленный горшок и вскидываю его как кубок победителя. В пяти метрах от меня останавливается лидер преследователей. Через тридцать секунд к нему

присоединяются еще четверо, потом еще трое, а потом основная масса злобных карликов.

Увидав горшок, эта вонючая, в прямом смысле, банда не стала атаковать, а рассредоточилась вокруг меня. Радиус окружения составил пять метров. Плотность кольца — две злобные рожи на один метр.

— Кто, мать вашу, потерял горшок? — громко спросил я.

Лепреконы молча переглядывались.

— Вы оглохли оптом?

В этот момент сквозь подельников просочился самый скверный легкоатлет и проскрипел.

— Чего ты хочешь, смертный?

— Твое имущество?

— Мое. Чего ты хочешь?

«— Полоз, я чего хочу?

— *Спроси: про нашу цель*».

— Не так давно...

— *«Чуть больше трех часов назад»*

— ... чуть больше трех часов назад тут прошел валлиец. Меня интересует — с какой радости вы ему помогаете?

— Для чего тебе это? — спросил хозяин горшка.

«— *Можешь сказать правду*».

— Мне нужно его убить.

— Убить?! — удивленно переспросил лепрекон, а по рядам его соплеменников пошел ропот. — А почему ты хочешь его убить?!

«— *Он враг моего Хозяина.*

— Чего?!

— *Саня, повтори: он враг моего Хозяина*".

— Он враг моего Хозяина, — цитирую я.

Мой ответ ввел моего собеседника в ступор. Остальная банда начала поглядывать влево от меня. Видимо, там скрывался кто-то, кто командовал ими.

«— *Старейшина, выходи. Я знаю, что ты тут. Повтори*».

— Старейшина, выходи. Я знаю, что ты тут, — ору я.

Кольцо лепреконов слева от меня разошлось, и в разрыв вошел еще один карлик. Чуть крупнее остальных и, судя по седой бороде, старше основной массы.

— Откуда ты знаешь, что я тут? — пробасил он.

— Сказки читал, — соврал я.

— Сказки, — хмыкнул он. — Допустим. Чего ты хочешь?

— Я уже спросил у хозяина горшка: почему вы помогаете валлийцу?

— А ты действительно хочешь его убить?

— Да. Могу поклясться.

Судя по моим ощущениям, Полоз тихо покидал мое тело. Покидал через правую ногу в землю.

— Чем ты можешь поклясться? — задумчиво спросил Старейшина.

— Могу именем Бога моего. Могу именем Хозяина.

— Именем Бога можешь не клясться, — усмехнулся он. — Эта клятва нечего не стоит даже среди христиан. Клянись именем Хозяина. Кстати, — встрепнулся он, — как его

зовут?

В этот момент Полоз вынырнул из земли, и обвился вокруг Старейшины. Его голова замерла напротив лица лепрекона.

— Сам догадаешься или тебе подсказать?! — ласково прошипел он.

— Змей!!! — в ужасе выдохнули карлики и ломанулись от нас в лес.

В отличие от своих братьев Старейшина решил не сдаваться без боя и укусил Полоза. Попытался укусить. Именно о попытке укуса мне сообщил скрежещущий звук зубов о металлическую поверхность.

— Не берегут островитяне драгоценную зубную эмаль, — грустно сообщил мне Змей, наблюдая за потугами лепрекона прокусить его шкуру. — Не устал еще, болезный?!

Лепрекон тихо выл, шкрябая зубами по шкуре Полоза. Я огляделся, убедился, что в пределах видимости лепреконов нет, бросил под ноги горшок и спросил у Полоза:

— Слышь, Хозяин ползучий...

— Звучит как оскорбление! — рассмеялся Змей.

— Вот именно, — поддакнул я. — Я чего хочу спросить, а эта старая сука Бетти, слив нас лепреконам, неужели не предупредила о том, кто идет?

— Хороший вопрос, — согласился Полоз и сразу же переадресовал его Старейшине: — Так, грызун-переросток, заканчивай меня щекотать и скажи нам: почему ты не знал — кто именно к тебе придет?

— Нас никто не предупредил, — испуганно прошептал лепрекон.

— Не понял, — изумился Змей, — вас кто-то предупредил, что за валлийцем кто-то придет. При этом этот кто-то, не сказал ни кто именно, ни для чего?!

— Да, — Старейшину начало потряхивать.

— Ты чего-нибудь понял? — спросил у меня Полоз.

— Видимо, их использовали «втемную». Вероятнее всего, был приказ прикрывать валлийца и завалить его преследователя. Так, Старейшина?

— Да, — выдохнул он.

— Полоз, — я внимательно посмотрел на лепрекона, — а чего его так колбасит?

— Это я из него всю энергию высасываю! — похвастался Змей.

— Не пересоси, вурдалак. Он нам нужен в сознании!

— Не бойсь, — успокоил меня Полоз, — Засядько свою меру знает!

— Опа! — удивился я. — Откуда эту байку знаешь?

— Не важно, — отрезал Полоз и расслабил хватку. Старейшина кулем упал к моим ногам. — Продолжаем разговор.

Он хвостом перевернул лепрекона на спину, а потом усадил на задницу.

— Значит так, недомерок. Мы сейчас задаем тебе кучу вопросов, а ты на них отвечаешь быстро и правдиво. Начнешь врать, и в твоём стаде освободиться вакансия старейшины. Я понятно говорю?

Тот вяло кивнул головой.

— Вопрос номер один: кто вам велел прикрывать валлийца?

Лепрекон, вздохнул, но ответил:

— За полгода до начала этой войны, — начал он рассказ, — ко мне пришли двое. Имен я не знаю. Мне без надобности. Эти двое показали символы христианской веры и сообщили, что скоро будет война. В этой войне нам предлагалось выступить единым фронтом с ними.

Я собрался задать вопрос, но Полоз чуть качнул головой, и я промолчал.

— Я отказался воевать, — продолжал Старейшина, — хотя молодежь жаждала боя.

После долгого торга мы согласились на роль прикрывающих. Прикрывать, как вы поняли, нужно было наших солдат от воздействия вашей нечисти.

— Скажи мне, мой осторожный друг, а с чего ты решил поддержать христиан и выступить против нечисти? — поинтересовался Змей.

— Они убедили меня, что ваши религии и ваша нечисть представляет для нас большую опасность.

— Наши религии не несут для вас опасности, — возразил я.

— Это ты так думаешь, смертный. Вслед за вами приходят ваши духи. А потом и религии. Религии начинают бороться с нежитью, но от этого страдаем только мы. У вашей нежити уже иммунитет.

— Так договоритесь с нашими, — предложил я.

— Что?! — вскинулся он. — Договориться!!! Как можно договариваться с этими убийцами?! Они идут, как лесной пожар! После них не остается никого!!!

— Слышь, карлик вонючий, чего ты несешь? Наши всегда предлагают договориться, прежде чем нападать. Немцы могли договориться, но сглупили. Что мешает вам?

— Германцы!!! — взвыл он. — Смертный, ты знаешь, что осталось от Германской нежити? Ничего. Только сказки и легенды! Ваш долбаный Кощей вырезал всех. Всех! Даже гномов!!! И это не только в Германии. Во всей Европе такая картина. Выжили только те, кто принес Кощею вассальную присягу! Остальных нет!!!

— И в Сербии? — удивился я.

— Ха, Сербия! — зло усмехнулся он. — Сербы — это те же русские! Как только ваши подошли к границе, сербская нежить тут же примкнула к ним. Без присяги.

— О безвинно убиенной европейской нечисти поговорим потом, — решил я вернуть разговор в нужное мне русло, сделав для себя отметку — расспросить Полоза о геноциде. — Как те, кто пришел к тебе, отдавали распоряжения?

— От них приходил посланник. Он указывал на цели и сообщал время.

— Почему ты отказался начать боевые действия?

— Во время последней Большой Войны вместе с нашими солдатами я бывал на позициях ваших войск. Я видел силу и ненависть ваших солдат, я ощущал мощь вашей нечисти, я столкнулся с одним из них. Вмятины на моем черепе от его дубинок остались навечно.

Мы переглянулись с Полозом.

— Походу, Лихо его оприходовал.

— Скорее всего, — улыбнулся Змей.

— А чего не убил?

— Так, союзниками же были...

— Политик одноглазый, — хмыкнул я. — Продолжай, Старейшина.

— Еще тогда я понял, что с вами не стоит связываться. Не стоит идти на прямой конфликт. Именно поэтому я отказался отправлять своих соплеменников на войну.

— Тебя не удивило само предложение людей?

— Это мягко сказано! — воскликнул Старейшина. — Подобных предложений от христиан вообще никогда не поступало!

— Скажи-ка, — задумчиво произнес Полоз, — при общении с теми людьми ощущения сатанизма у тебя не возникло?

— Нет! — сразу твердо заявил Лепрекон. — С этими уродами мы никогда не заключим союз.

— Верю, — кивнул Полоз. — А язычества?

— А... — лепрекон замер на полуслове. — А ты прав, Змей! Я внимания не обращал, но они же язычники! Они прикрываются христианством, но в действительности являются язычниками. Вот, твари!

— Полоз... — я собрался спросить, в чем разница между язычниками и лепреконами, но он отрицательно мотнул головой.

— И язычество новое. С таким ты еще не сталкивался? — уточнил Полоз.

— Правильно, Змей. Правильно!

— Когда у вас планируется встреча?

— У нас нет планов. Они приходят, когда нужно им.

— А алгоритм есть?

— Нет. Их появления совпадали с операциями людской армии.

— Расскажи о валлийце, — велел Полоз.

— От христиан или от язычников, — зло процедил Старейшина, — пришел посланник. Сказал, что необходимо научить валлийца коротким переходам. Мы выдали ему одну заготовку и показали, как их активировать. А сегодня утром валлиец сам пришел к нам. Сказал, что за ним следят. Попросил задержать тех, кто следит.

— Задержать? — не поверил я.

— Да. Задержать. На тебя у хозяев валлийца есть какие-то планы.

— Очень интересно...

— А почему вы так удивились, когда Сашка сообщил, что хочет грохнуть валлийца?

— Мы ждали не убийцу, а того, кто следит. Это, во-первых. Во-вторых, ты вышел из коридора местной ведьмы, и не мог быть чужаком.

— А чего тогда ломанулись за мной?

— Ты побежал. Мы решили взять тебя и узнать — что происходит.

— То есть Малышка Бетти не рассказала вам о нас?

— Так именно эта старая сука помогла тебе?!

— Да.

— И что ты для нее сделал?!

— Спас жителей ее деревни от бойцов ИРА.

— ИРА... — очень грустно вздохнул Старейшина. — Как же они надоели...

— Вы тоже им помогаете?

— Иногда.

— Старейшина, — перехватил инициативу Полоз, — ты знаешь, кто стоит за язычниками, что пришли к вам?

— Нет. Они не говорили, а я не спрашивал.

— Так, Старейшина, — наконец «ожил» Полоз, — я благодарю тебя за информацию и готов сохранить тебе жизнь. Но с условием!

— С каким? — хмуро поинтересовался тот.

— Через ваши земли мы пройдем беспрепятственно. И туда и обратно. А чтобы тебя или твоих родичей не грызла мысль о нарушении данного тобой слова, я торжественно пообещаю тебе, что если что-то пойдет не так, мы устроим вам такую резню, что вы будете завидовать немецким гномам!

Полоз поднял голову и крикнул:

— Орел!

Сверху раздался орлиный крик, и через пару мгновений рядом со Старейшиной приземлился Орел. Олега Орел. Я не видел его раньше так близко. Размером он был с молодого птеродактиля.

— Слушай сюда, гном-переросток, — без излишних «прелюдий» начал Орел. — Если поведете себя неправильно, ты сдохнешь первым! Ты мне веришь?!

— Верю! — просипел Старейшина.

— Далеко наша цель? — спросил у Орла Полоз.

— К утру обгоните. Тут другие проблемы.

— Излагай!

— В том районе, где Бармалей будет валить цель, крутятся две группы. Одна принадлежит ирландцам, и крутятся они там из-за близости их лагеря. А вторая — это британские спецы.

— САС? — загрузил я.

— Очень похожи, — кивнул Орел. — Так вот они не просто так тут зависли. Среди них есть экзорцист. А теперь давайте угадаем: по чьи души они тут?!

— Ты сам-то не засветился? — поинтересовался Полоз.

— Нет. Я всегда работаю с безопасной дистанции. Да и экзорцист там слабенький.

— Принято, — задумчиво прогудел Змей. Пару минут он думал. Мы ждали. — Подведем итог! Орел, как только Бармалей займет лежку — ты возвращаешься к нашим. Что им сказать — ты знаешь. Старейшина, ты проводишь нас до горной гряды. Сашок, врубаем вторую космическую скорость и вперед!

— Кстати, други мои, — окликнул нас Орел, — ваш преследователь, тот, что Воин от Православия, сорок минут назад вышел в зону ответственности лепреконов.

— Ты узнал его?!

— Нет, Полоз. Он скрыт от нас. Если бы не твои подсказки, я бы вообще его не заметил.

— Да, кто же он?.. — пробормотал Змей.

Видя задумчивость Полоза, я спросил у Орла:

— Олег, то есть Орел, а лепреконы его будут атаковать?

— Нет, Бармалей, — усмехнулся Орел. — От этого воина вся нежить разбегается. За вами идет Монстр!!!

Глава четырнадцатая. Продолжение Пролога

В общем, завалил я валлийца. Старейшина любезно проводил нас до границы своей территории, слезно с нами распрощался, звал в гости...

И теперь я лежал под грудой камней в ожидании команды от Полоза.

— Слышь, Змеюка.

— Ну, что тебе еще?! — недовольно пробубнил он.

— А подруга или жена у тебя есть?

— Тебе делать нечего?!

— Нечего! Окрестности я и так хорошо слышу. Тем более, на стреме ты, а не я. Поэтому не отмазывайся. Так есть или нет?!

— *Есть, есть,* — пробурчал он.

— Тоже из пресмыкающихся?

— *Нет.*

— Опа! Человек?!

— *Нет.*

— Тогда поясни!

— *Она не животное, не пресмыкающееся и не человек.*

Он молчал, я ждал.

— И?

— *Что «и»?*

— Подробности будут?

— *Нет.*

— Так не честно! — возмутился я. — Про меня ты знаешь все. Даже больше! А я прс тебя — шиш, да маленько!

— *Олух,* — усмехнулся Полоз, — *если ты не заметил, жизнь вообще несправедливая штука.*

— Тоже мне, философ... Она тоже сказочный персонаж?

— *Она-то!* — он расхохотался. — *Сказочный!!! Еще какой сказочный!!! Только ты этих сказок еще не слышал!!!*

Я задумался. Полоз продолжал смеяться.

— Ты хоть скажи, — не сдавался я, — с какого она континента?

— *Она вездесуща!*

— А как ты с ней встречаешься?

— *Никак.*

— В смысле?!

— *Она до сих пор не знает, что я вернулся в этот мир.*

— Почему?

— *Дома ее нет.*

— Дома?

— *Саша, заткнулся!* — резко оборвал он. — *Очень медленно и аккуратно выползаем и идем добывать доказательства того, что ты выполнил работу.*

— Думаешь те, кто стоит за Ивановым, будут ее ждать?

— *Ага. Высшая мера все еще болтается над твоей тупой башкой!*

— САСовский экзорцист где?

— *Пошел к твоей лежке. Значит так, ты пойдешь между теми, кто тащит остатки валлийца, и теми, кто ищет тебя. Часа через полтора они должны воссоединиться. Твоя задача не допустить этого. В первую очередь валим «следопытов», потом «несунов».*

— Хвостатый, ты пиндосовских фильмов пересмотрел?!

— *Ты о чем?* — не понял он.

— Ты хочешь, чтобы я в одну харю положил рейдовую группу САС?!

— *Хочу,* — судя по его тону, он ни на секунду не сомневался в моей способности уничтожить шестнадцать спецов.

— И как ты это видишь?!

— *Ну, «следопытов» завалишь сам. Их всего пятеро...*

— Ага! И среди них экзорцист!

— *Вот поэтому будешь их валить сам. А с «несунами» я помогу.*

— Допустим. Где мне валить «несунов»?

— *Сейчас найдем подходящее место, заляжем там, пропустим эту пятерку и, начиная с замыкающего, всех тихонько убираем.*

— Придется в рукопашку. Из «Вала» я успею снять только двоих.

— *Я в тебя верю!* — усмехнулся Полоз. — *С тремя ты запросто справишься!*

— Очень смешно...

— *Заткнись, и выдвигайся!*

— У меня рационализаторское предложение.

— *Какое?!*

— Мы с тобой, можно сказать, разведка. Так?

— *Допустим...*

— Следовательно, шуметь — не в наших интересах.

— *Ну.*

— Предлагаю провести операцию под кодовым названием «Западло»!

— *Красиво!* — оценил Полоз. — *И в чем ее смысл?*

— Помнится, где-то в окрестностях наличествует база ИРА. А те полудурки, которых кончили британцы, это их сторожевая группа. Соответственно, выдвигаемся до местных партизан, садим их себе на хвост и выводим на группу С АС. И пусть они друг друга мочат. А там под шумок отрежем от останков валлийца кусок поаппетитнее и тихо свалим. В сухом остатке мы получим: массу трупов с обеих враждебных нам сторон и экономию собственного боекомплекта. Ну, как?

— *Душевно!* — одобрил Полоз. — *В духе Барона! Приказываю: преступить к операции «Западло»!*

— Начинанию операю! То есть операцию начинаю!!

— *Шевели копытами, госпожа Белладонна!*

До партизан шли полтора часа. Лагерь они себе устроили грамотно, но охранение было отвратительным. Видимо, сказывалось удаленность этой группы от линии фронта. В общем, на пути моего движения в сорока метрах друг от друга полусидело два аборигена. При этом левый спал. Глупость, как любил говаривать Киса, это, конечно, дар Божий, но злоупотреблять ею не стоит...

Тихой сапой просочился до спящего сторожа, вытащил у него из разгрузки гранату, выдернул кольцо и, придерживая чеку, осторожно, дабы не потревожить сон сторожа,

засунул оную гранату ему под зад.

— *Главное, чтобы он не встал раньше времени,* — прокомментировал Полоз.

— Это не имеет значения. Займемся вторым.

Второй сторож не спал. Но сидел и самым наглым образом курил. Зашел к нему сзади и, не мудрствуя лукаво, его прирезал. Заминировал усопшего его же гранатами и, взяв гранаты и Калаш безвинно убиенного, выдвинулся в сторону лагеря.

Будущие борцы со спецподразделением англичан готовили обед. Что-то мясное, и судя по запаху, вкусное. Насчитал сорок рыл. Сорвал чеку у четырех гранат и закинул их в дальний край лагеря. А чтобы среди партизан было меньше потерь (до их встречи с САС они мне нужны живые и здоровые) высадил рожок поверх их голов. Народ синхронно уткнулся носом в землю. Почти тут же рванули гранаты, а я сорвался в сторону (в этот момент со стороны спящего часового донесся взрыв) спящего красавца.

А в лагере начался кипиш! Партизаны ответили хаотичной стрельбой во все стороны. Но таким манером палили они недолго. Прозвучали крики команд, и все стихло.

Я отбежал от покойника с множественными осколочными ранениями задницы и ног метров на десять и затаился.

Прошло менее трех минут, как показались крадущиеся партизаны. Не подходя к своему товарищу, они оценили его состояние и что-то проорали в сторону, где лежал зарезанный часовой. А в ответ — взрывы. Эти олухи перевернули тело. *Я тут же делаю два выстрела в сторону партизан и как лось срываюсь вдаль. Мне в след пара неточных очередей и крики.*

— *Так, любитель легкой атлетики,* — начал сообщать обстановку Полоз, — *за тобой следуют двое. Третий вернулся в лагерь и потащил за собой чуть меньше тридцати соплеменников. Поэтому следы оставляй четкие, но в зону видимости не попадай.*

— До англичан далеко?

— *Через сорок минут выйдем на их арьергард. Поэтому строго выполняй инструкции Кисы.*

— Это какие?!

— *Преследуемое лицо при преследовании оно должно оставлять такие убедительные следы, чтобы у преследователей складывалось стойкое ощущение того, что они вот-вот схватят преследуемого за задницу.*

— Чего-то ты подозрительно много знаешь про моих инструкторов...

— *Умолкни и беги.*

— Преследуемое лицо при преследовании оно должно оставлять такие убедительные следы, чтобы у преследователей складывалось стойкое ощущение того, что они вот-вот схватят преследуемого за задницу!

Киса прошел вдоль нашего чумазого строя.

— При этом преследуемый не должен светить своими окороками перед преследователями, дабы не словить в эти окорока свинец или чего похуже. Оставить смех!

Воробьянинов закурил, посмотрел на нас как на стадо дегенератов и скомандовал:

— Оружие разрядить.

Мы защелкали магазинами и затворами. Три минуты спустя Киса вел нас на полигон. По прибытии он сообщил:

— Сейчас вы убегаете от меня пять километров. Следы вашего прохождения должны быть четкими. При этом я не должен вас видеть. Если увижу — сразу стреляю. Пули не

боевые, но целиться буду в башку.

Он еще раз прошел вдоль строя.

— Киса, чего-то морды у твоих головорезов слишком довольные, — пробурчал старший по полигону майор Прокопович. Прокоп уже имел счастье «воевать» против нас, и это счастье его уже неоднократно имело. — Не иначе, пакость какую задумали.

Наш Киса очень хорошо знал, на что была способна группа «Урал», поэтому он начал присматриваться.

— Термит, вышел из строя.

Киса подошел к нему и велел:

— Руки — в гору, ноги — на разрыв.

Самым тщательным образом полкан общмонал Леньку. Ничего не нашел.

— Встать в строй.

Оба инструктора снова закурили, хмуро на нас поглядывая, и тихо просчитывали наши возможные пакости. Мы стояли с самым лучезарным видом. Офицеры докурили. Ни к чему не пришли.

— Киса, — затоптал окурок Прокоп, — я первым не пойду!

— Это почему?!

— Последний раз твои обормоты на меня бревно уронили. А до этого я на растяжке подорвался, а до растяжки...

— На чем ты подорвался?! — не поверил Киса.

— На растяжке.

— Прокоп, пень ты старый, так тебя списать нужно за такое! Один в курсе?!

— Ты не ори, — набычился Прокопович. — Я не на полосе подорвался.

— А где?! — заинтересовался Воробьянинов.

— Термит, сученок, пирамиду заминировал, пока я вводные давал. Они ушли, а я за автомат и потянул...

Киса представил, как Прокоп, довольный собой и жизнью, подходит к пирамиде автоматов, берет свой и... ба-бах... Представил и заулыбался.

— Смейся, смейся, — обиделся майор. — Ты своих мокрушников совсем распустил! Делают, что хотят. А еще Карп их постоянно подзуживает...

— Ты Шуровкина не приплетай, — заступился за Карпа Киса. — Он их дрючит, как моряк портовую шлюху!

— Дрючит, — передразнил полкана майор. — После его дрючки они такое вытворяют, что хоть на пенсию не выходи! С ними уже никто связываться не хочет. Они только тебя, да Карпа и боятся!

— А Зими́на? — уточнил Киса.

— Ха! Вспомнил! Зими́на все живое боится!!! Но думается мне, что как только они к Зими́ну попадут, то и его бояться перестанут. Ты присмотришься к их ромам — это же Барон в детстве!

— Прокоп, заканчивай мандражировать, — Воробьянинов прервал монолог майора. — Не хочешь идти первым — не иди. Я пойду.

— Вот и хрен с тобой. Иди. Может быть, они и на тебя бревно уронят.

— Сомневаюсь, что уронят, — вздохнул Киса. — Эти засранцы не повторяются...

Он еще раз присмотрелся к нам, и скомандовал:

— В лес!

О том, что Киса будет нас гонять по полюсе, мы узнали накануне. Вся информация, даже самую секретную, мы узнавали заблаговременно. Петюня и Вартанчик, не мудрствуя лукаво, нашли телефонные кабели, врезались в них и каждый вечер слушали переговоры нашего мудрого руководства. Да, внутри школы связь была телефонная. Она была закрытой, в том смысле, что не имела выход вовне. Соответственно, мои самоделкины нашли указанные провода под полом нашей казармы, прицепились к ним и присобачили к «ветке» диктофон, который писал все разговоры.

Руководство школы систематически проводило рейды по поиску и изъятию подслушивающих устройств, но прибуду моих архаровцев не нашли.

Соответственно, о том, что Киса будет на нас охотиться, мы узнали вчера вечером. Узнали и приготовились...

На наш поиск выдвинулось трое: Киса, Прокоп и Прокопенко. Прокопенком был заместитель Прокопа по полигону — старший прапорщик Семисадов. Свое прозвище он получил в связи с карикатурным сходством с Прокопом. Прокопенко был чуть меньше Прокопа и более флегматичным, чем его шеф. Курсанты не воспринимали его всерьез до первого «лесного» путешествия. На полюсе он демонстрировал чудеса по поиску и уничтожению. Прокопенка обычно ставили замыкающим. Так произошло и в этот раз. «Головня» — Киса, «центр» — Прокоп, замыкающим — Прокопенко. С последнего и начали.

Зайдя в лес, мы совершили гвардейский рывок на полкилометра. В этой точке спрятали Вартанчика, Пашку, Рафу и Макса. Их задача сводилась к захвату Прокопенка. Прятали мы их очень качественно, так как за нами шли три профессионала экстра-класса.

Следующим шагом по нейтрализации преподавателей было боестолкновение. Логика проста: не заметить исчезновения замыкающего Киса и Прокоп не могли. Соответственно, их нужно было отвлечь. Самый лучший вариант — это стрелковый бой с использованием взрывчатки, но без следов этого самого боя. Для этого в указанном месте с ночи был спрятан сд-проигрыватель с мощными колонками. На этом проигрывателе мы планировали воспроизвести запись боя. По нашим предположениям, услышав бой, преподы встанут, осмотрятся и медленно выдвинутся на разведку. Все их движения будут выполняться на автомате: присели, осмотрелись, начали движение. Головня идет со смещением в сторону, центр смещается в противоположную, замыкающий встает на место центра, для прикрытия впередиидущих.

Так как Киса пойдет первым, мы планировали с помощью аркана выдернуть Прокопа с маршрута и подвесить его на дереве. Под местом зависания майора прятались Микола, Марся и Термит. Подошедшему к Прокопу Кисе Термит должен был накинуть на голову что-то вроде сачка с длинной ручкой. А наши бугаи должны были его уронить и спеленать.

После чего мы спокойно выходили к финишу и курили в ожидании преподавателей. На последующее наказание нам было наплевать.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Оврагом в нашем случае был Киса...

Не зря наш полковник был Героем России. Ой, не зря...

Как только мы скрылись в лесу, из ближайшего оврага Киса привел группу проштрафившихся «разведчиков». Он объяснил грустным разведчикам, что они пойдут «мясом» под ножи «Урала». А нас уже боялись. Временами больше самого Кисы...

И так перед тремя довольными собой и жизнью преподами шла печальная толпа безоружных курсантов. Преподы, подбадривая их криками «Шнеле, русише швайне»,

изображали из себя солдат Вермахта, ведущих пленных советских солдат.

Лицезрев надвигающееся на нас стадо, я упал не только духом, но и всем, чем мог. Первая засада начала судорожно семафорить один и тот же вопрос: чего делать?! Что делать?! Командую своим: пропустить курсантов и ждать Прокопенка. А сам вместе с Ильдаром и Олегом ползу наперерез и ложусь прямо на дороге. Вот, толпа разведчиков перевалила через холм и увидела нас. Они уже открыли рты, чтобы заорать, но я жестами велел им молчать и продолжить движение.

— Только вякните, что мы тут — вечером уроем всех!!! — пообещал я курсантам. — Дойдите до нас и топайте дальше!

Разведка испуганно ускорила, и через мгновение мы уже шли среди них.

— Саня, — зашептал Олег, — Киса и Прокоп уже прошли мимо лежки.

Я махнул рукой, и парни врубили запись боя. Как и в реальном бою сначала заговорил один ствол, потом еще два, потом ухнул взрыв, и началась перестрелка.

— Вперед! — ору я. — В атаку!!!

И подпывая впереди идущих разведчиков, гоню их на звук «боя». Дистанция между нами и инструкторами резко увеличивается. Последние из разведчиков уже скрывались за деревьями, когда на пригорок выскочили Киса и Прокоп.

— Куда вы ломанулись, бараны?! — заорал Киса. — Назад! Всех расстреляю!!!

Он еще что-то хотел добавить, но его прервал Прокопович:

— Киса, Семисадов пропал!

Полковник замер. Он присел на одно колено и начал осматривать окрестности.

— Есть! — нашел он место, где мои спеленали Прокопенка. Киса вкинул автомат и коротенько стрельнул туда. А там пусто.

— Прокоп, они уже свинтили. Но далеко уйти не могли.

— Кто?! — не понял Прокоп.

— Уральцы, твою мать! Вон там, — Киса показал рукой на склон холма, по которому они поднимались, — уральцы взяли Прокопенка.

— А разведка куда ломанулась?!

— А хрен их баранов, знает. Скорее всего, уральцы их погнали.

— Киса, мать твою, чего делать-то будем? Семисадова вызволять?

— Забудь. Там, скорее всего, засада...

— Киса, я все в рапорте укажу! — вдруг заскулил майор. — Твои вообще страх потеряли...

— Прокоп, кончай скулить! Тебе, мудаку, вызов кинули, а ты ябедничать собрался?! Или мы их сейчас нагоним и отмудохаем... Или над нами все преподы ржать будут.

— Не будут, — авторитетно заявил Прокоп. — После подвигов «Урала» никто не ржет. Все уже огребли... Когда же они, мать их, школу закончат?!

— Я! Я, Прокоп, от них не огребал! — прорычал полковник. — Мне Зимин яйца оторвет, если я их сейчас не уделаю!

— Ну, ну, — хмыкнул Прокопович, — давай, уделывай. А я посмеюсь.

— Ты со мной?

— Я тут подожду, — расплылся в улыбке майор.

— А и, хрен с тобой, — махнул рукой Воробьянинов и осторожно пошел в ту сторону, где скрылись разведчики. Он отошел от Прокопа метров на десять, когда Марся кинул аркан. Петля затянулась в районе локтевых сгибов майора, и мои богатыри сорвались в лес. Веревку

они, конечно, не выпустили из рук. Он рыбка Прокопа сдуло с пригорка. Он даже матюгнуться не успел. Киса, услышав шум, обернулся. А там — никого.

— Прокопович? — позвал он.

Тишина.

— Прокоп, твою мать!

Киса осторожно подобрался к вершине, осмотрелся и громко резюмировал:

— Сучьи дети!

И тут случилось страшное!!! С ближайшего дерева, можно сказать: вынырнув из него, спустился Зимин.

— Ну что, Кисуля, уделали тебя студиозы?! — и громко заржав, похлопал Воробьянинова по плечу. От его смеха мне стало жутко.

— Хрен им, поперек рыла, — зло сплюнул Киса. — Где эти засранцы?!

— Трофимов лежит вон под теми корнями, — Петрович показал рукой точно на мою лежку. — Марсель и Микола вместе с Прокопом, обойдя тебя, ушли в сторону финиша. Они, кстати, тебя караулили. Прокопёнка унесли туда же. Термит лежит вон под тем деревом. Остальные в сорока метрах прямо по курсу. Что думаешь делать?

— Сейчас перекурю и всех мало-мало убивать буду!

— Господа инструкторы, прошу на выход.

Из земли вынырнули наши препода: Один, Гаага, Иванов, Тунгус, Сахар (он же Рафинад Тимирбаев. Тимирбаева правда завали Рафинадом. Честно-честно), Костюшко и Оглы.

Я перестал дышать. Это был не просто провал, это был гарантированный писец. При этом очень большой и хорошо упитанный. И позор это был. Мы несколько раз проходили по головам нашим преподам и даже не заметили их... В довершение нашего позора в полуметре от Термита из земли поднялся Карп. Он молча шагнул к Леньке, выдернул его из земли и, отвесив ему хорошего пенделя, отправил в мою сторону.

— Трофим, — заржал Зимин. — Вводные меняются. Ваша задача — живыми дойти до финиша. Через три минуты мы начнем.

Я вскочил и заорал:

— Термит! За мной бегом!!!

А мне в след смех инструкторов и голос Одина:

— Ну что, «Варяги», покажем салагам как работают профессионалы...

Шансов дойти до финиша у нас было столько же, сколько у «Запорожца» обогнать «Бугатти Вейрон». Мои это поняли сразу, как только я обрисовал нарисованную картину. Но ни один не предложил сдать.

— Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! — озвучил Олег нашу общую идею.

— Вы с ними драться надумали?! — испуганно спросил Дениска Монах, командир разведчиков.

— Монах, они пленных брать не будут, — процедил я.

— И нас?!

— Вас-то они не тронут. Но мы исправим эту несправедливость. Микола, на твой взгляд, кто пойдет в головном?

— Карп пойдет. Это без вариантов. Потом Киса и Зимин. Тунгус и Оглы с флангов, остальные по их штатным местам.

Я оглядел притихших разведчиков.

— Монах, слушай сюда: сейчас вы стартуете вместе с нами. Через сто метров мы

укладываем мордой в землю одного из твоих бойцов. Через триста метров следующего. И так до тех пор, пока вы все не останетесь на маршруте. По вам стрелять не будут. Но время на вашу идентификацию они потратят.

— А может... — затянул Монах.

— Выбирай, — вклинился в разговор Марся, — или делаете, что Санек велит, или мы вас тут отхреначим. И в казарме еще добавим.

— Вот и договорились, — улыбнулся я видя, что Денис не возражает. Попробовал бы он возражать...

Через пять минут на место нашего совещания вышли преподады. Точнее мелькнул Карп, а через тридцать секунд слева от уткнувшего в землю разведчика раздался окрик Петровича:

— Воин, медленно поднялся и встал на колени. Руки под колени.

Курсант выполнил.

— Хлебало поверни.

— Кто? — голос Одина.

— Разведчик.

— Петрович, — голос Карпа, — скорее всего, скоро наткнемся еще на одного.

— С гарантией. Держу пари, и Трофим недалеко затаился.

— Он там, — Карп вскинул автомат и дал очередь в мою сторону. К счастью, лежал я правильно и мызнул оттуда с проворством ужа. Я догонял своих, по пути мне встречались лежащие на земле разведчики. Возле четвертого лежащего тела я тормознул.

— Макс, вставай. Преподады тебя вычислят.

Переводяга без разговоров поднялся и сорвался за мной.

Миновали еще одного курсанта, и я начал оглядывать деревья. Где-то тут должны быть Вартанчик и Термит. Не обнаружил их, порадовался и побежал дальше. Через одиннадцать минут я уже сидел на дереве, стараясь слиться с ним в одно целое. А через две минуты мелькнул силуэт Карпа. Судя по отсутствию выстрелов преподады не нашли моих воинов. Либо нашли, но повязали молча. Карп подскочил к очередному разведчику, пинком перевернул его на спину, присел и начал оглядываться. Я закрыл глаза, медленно выдохнул и представил, что я часть дерева.

— Чисто, — команда Шуровкина. Я приоткрыл один глаз, мимо разведчика абсолютно бесшумно прошли наши преподаватели. Стоп! Одного не хватает! И, кажется, нет Гааги. С подстраховкой шли инструкторы. Значит, кое-какой авторитет у нас уже есть... Не будем их разочаровывать... Спускаюсь на землю, поднимаю за шиворот разведчика и пинком отправляю его вслед за преподадами. Занимаю его место, улегшись на бок и изображая сильную боль от пинка Карпа. А вот и Гаага. Бесшумен, быстр и смертельно опасен! Не самоуверен. Я чуть-чуть застонал и шепотом выматерился.

— Что, боец, — раздалось надо мной, — словил от Карпа?

Пружиной отрываюсь от земли, одновременно проводя захват. Гаага все понял, но я выше, я тяжелее и я КМС по, мать его, боевому САМБО.

— Только вякни, загрызу, — шепчу я в ухо уважаемому мною преподавателю. А рядом уже стоят Марся и Микола. Через тридцать секунд Гаага связан и с кляпом во рту подвешен за руки на дереве. Вся его снаряга у моих бойцов.

— Сан Саныч, — спрашиваю у препода. — Минут пять вытерпишь? Если «нет», два раза моргни. Мы тебя под деревом положим.

Гаага промычал что-то матерное в ответ.

— Уходим!

И мы стартуем в обратном направлении. Я был последним из группы. Все остальные остались на маршруте. Как три лося несемся обратно, распугивая бредущих к финишу разведчиков, а к нам присоединяются мои.

— Санек, я останусь на прикрытие. Преподы будут тут через пару минут.

— Тебе бежать лень? — хитро спрашивает Микола.

— Пострелять хочу.

— Добро.

Оставляем Марсю с автоматом Гааги и ускоряемся. А через полминуты слышны первые очереди и крик Зимина:

— Гаага, ты свое имущество просрал, ты его и забирай.

— Жалко Марсю, — вздыхает Олег. — Гаага сейчас как машина...

Одиночные выстрелы звучали с минуты, при этом стрелял именно Марся. А потом тишина...

— Ускорились!

Нас догнали через километр. Без каких-либо предупреждений с флангов, заработали два ствола. Фланговых сняли сразу. Остальные рассыпались. Мы с Миколой пошли на выстрелы, чтобы смять стрелка. Но, как я и думал, Один был в компании Зимина. Поэтому я поймал ботинком в грудь, а Микола две пули. И легли мы, сиротинушки, рядом. Через полторы минуты преподы переловили, перестреляли и напинали всем. Нас стащили в одно место и поставили «рожей в землю, жопой в небо».

Гаага забрал у Миколы остатки своей снаряги, попутно отвесив мне легкого пинка. Привели шатающегося Марсея. Вместо лица у него была сплошная гематома.

— Киса, — улыбался Один, — я тебе премию выпишу! Так готовить молодняк только ты и можешь!

— Клизму себе выпиши, — перебил Одина Зимин. — Одного не хватает.

Нас построили и провели опознание.

— Так, господа «Варяги», не хватает Термита, — оповестил присутствующих Воробьянинов. — Трофим, где твой бешеный заика?

Я оскалился в ответ.

— Киса, — Карп изучал окрестности, — Ленька точно без взрывчатки на полосу ушел?

— После их заготовок уже не уверен, — вздохнул тот.

— Весело живем, — хмыкнул Шуровкин. — Где Овца?

— На лекции согласно расписанию, — ответил Один.

— Леня, — из нашей толпы заорал Пашка, — взрывай их всех к ебням! Нас не жалеи!

— Мороз, завали пасть, — велел Иванов. А преподы задумались. Ибо Термит в боевом экстазе мог такого натворить...

А мы развеселились. Мысль о том, что Ленька заставит понервничать инструкторов, согревало нам души.

— Киса, что будет делать Термит? — спросил Костюшко.

— Он будет своих вызволять.

— То есть он где-то рядом?

— С гарантией.

Костюшко и Оглы попытались отойти от нас, но их остановил Киса:

— Вы, братцы, от «Урала» теперь не отходите. На удалении Термит вас гарантированно

взорвет.

В этот момент на пределе слышимости простонало дерево. То есть кто-то (в нашем случае Термит) согнул молодое деревце, нацелил его на наш архитектурный ансамбль и как из баллисты выпустил в нашу сторону снаряд. В толпу упал пакет, с горящим запалом.

— Твою мать, — выдохнули препода и присели. А мы бросились на них. Нас же не связали, а бомба была муляжом. Это и ежику было понятно. К сожалению, среди ёжиков оказались Зимин и Шуровкин, поэтому наша попытка была пресечена тремя очередями. Нас повторно поставили буквой «зю» и на этот раз связали.

— Так, — распорядился Петрович, — поднимаем на ноги «Урал» и двигаемся в сторону старта. Забрала опустить. Внимательно смотреть и слушать закладки.

— Оставить, — буркнул Карп. — К нам гости.

Препода смешавшись с нами, ощетинились стволами.

Из-за деревьев показался полуголый Прокопёнок. На его животе был привязан пакет, из которого торчали провода, которые заканчивались в руке Прокопёнка.

— Стой там, шахид, — велел Киса. Подошел, посмотрел, понюхал. — Чего хочет Термит?

— Он сказал, что если вы не отпустите «Урал», то он взорвет Прокоповича.

— Воробьянинов, паскуда ты, распоследняя, — прогудел Один.

— Молодец, Киса, — радостно похлопал полковника Зимин. — Хороших бойцов воспитал.

Он повернулся к Шуровкину и спросил:

— Берем?

— Берем, — улыбнулся Карп.

И оба тут же скрылись в лесу.

— Звиздец Термиту, — вздохнул Микола.

— Сначала звиздец Прокопу, — не согласился с Миколой Гаага.

Рядом с нами упал взрыв-пакет.

— Твоюжемать!!!

Взрыв. Потом еще один. Еще два. Когда я поднял голову, то узрел, как Термит убегает в лес с автоматом отнятым, предположительно, у Оглы.

— Акрамчик, не вернешь автомат — лицу надбавки, — с усмешкой пригрозил Один.

Амиров сорвался в лес. А в лесу стрельба и взрывы. Но недолго. Очень скоро показались ржущие Зимин и Шуровкин, а за ними со связанными руками шел Термит, которого подгонял пинками Оглы.

Нас поставили на четыре кости друг за другом, и такой живописной композицией мы прошагали оставшиеся до старта два километра.

Нас встречали с оркестром и аплодисментами. Ржала вся школа.

Зато не наказали, хотя могли...

И вот теперь мне предстояло провернуть аналогичный финт ушами. Только за мной гнались не родные инструкторы, и пули в стволах местных партизан были боевыми. Следы я оставлял качественно, погода была сухой, так что мой путь читался на пять баллов. Преследователей я не видел, но периодически слышал.

Через сорок обещанных минут Полоз скомандовал:

— *Ставь растяжку. Нужно предупредить британцев.*

— Слушаю и повинуюсь.

Поставил, замаскировал и начал смещение влево. Через три минуты кто-то нарвался на мой сюрприз.

— *Британцы услышали. Их арьергард пошел в сторону взрыва.*

Я затаился в ожидании САСовцев. Они появились бесшумно. Три будущих покойника. Партизан они слышали и остановились. Пора начинать знакомство, и граната полетела за спины английских спецов. Естественно, они заметили и меня, и мой бросок, и траекторию полета. Поэтому жертв с их стороны не последовало. Более того, в меня начали стрелять. Но тут на сцену вышли партизаны, и британцам стало резко не до меня. Они сходу просекли количество гостей и начали грамотно отходить. Вот тут и пришло время моего «Вала». Стреляю одному из англичан в ногу. Он валится, но его подхватывают сослуживцы и пытаются оторваться от бойцов ИРА. Моментально понимают, что это невыполнимо, и принимают бой.

— Полоз, они вызвали подмогу?

— *Вызвали. Прячься.*

Медленно и печально лезу на дерево. Жду. А партизаны, оценив огневую мощь противника, начали охватывать их с фланга. Правда, делали они это крайне медленно и коряво. В общем, пока ИРА выполняло охватывание, САСовцам на помощь пришла подмога. Попытка окружения тут же захлебнулась в прямом смысле. Партизаны начали пятиться. Вот тут пришло время и мне присоединиться к освободительной борьбе братского ирландского народа против английских оккупантов. Под шум боя начал отстрел арьергарда, знающего о моем существовании. Двух снял быстро, а подранка нигде не было видно. Решил подождать. Но очень скоро передумал: САСовцы не зря ели свой хлеб. За полторы минуты они в корне изменили картину боя и начали планомерно уничтожать партизан. Пришлось вписаться в разборки «по-взрослому». Для начала застрелил британца, расположившегося под моим деревом. Потом — гражданина, с противоположного фланга. После того как завалил пулеметчика, САСовцы что-то заподозрили.

— *Сашок, пора сваливать,* — порекомендовал Полоз.

— Согласен.

Я оценил картину боя и решил уходить в тыл британцам. Стек с дерева и очень аккуратно начал уходить. Уходил целых две минуты. На третьей наткнулся на подранка из арьергарда. Подранок был в полусознательном состоянии, так как потерял много крови (пуля из «Вала» это страшно).

— *Это экзорцист,* — сообщает Полоз.

— Валить?

— *Придется,* — вздыхает Змей. — *Но я бы с ним побеседовал...*

Оценил разборки между соседями и решил рискнуть. Хватаю подранка и чешу с ним вправо.

— Полоз, контроль за САСовцами!

Дуракам везет! Через двадцать минут бой смолк, видимо, партизаны кончились.

— *Операция «Западло» закончилась успешно!* — сообщил Змей. — *Половина британцев ушла «в минус». Партизаны кончились все! У тебя есть минут пятнадцать-двадцать, прежде чем кореша нашего подранка стартуют за тобой.*

Опускаю раненого на землю и начинаю растирать ему уши. Британец начал слабо мотать головой, но в сознание приходит отказывался. Шмонаю его. В аптечке нахожу что-то крайне вонючее и пихаю ему под нос. Вуаля!

— Ты кто? — стонет он.

— Не отвлекайся. Жить хочешь?

— Ты кто?! — продолжает настаивать язык.

— Полоз, у нас нет времени.

— *Согласен*, — бурчит он. — *Поймай его взгляд!*

— Смотри на меня! — командуя я. — На меня! На меня! На меня!!!

Появляется ощущение, что я проваливаюсь внутрь британца, а он начинает орать. Страшно орать. Мелькают лица, фигуры и какие-то мутные образы. На некоторых я (или Полоз) заостряет внимание. Снова мелькание. Появляются запахи. Они разные, но сильнее всех запах крови.

— *Все!* — сообщает Полоз, и я рывком возвращаюсь в действительность. Пленный перестает орать, но его глаза налились кровью, которая уже капает из них.

— *Сашок, ноги в руки и отрыв. Британцы рядом!*

И я стартую. Пару километров просто несусь во весь карьер. Потом замедляюсь.

— Как результаты?

— *САС нашел своего пленного.*

— Я не об этом. Ты узнал то, что хотел?

— *Да. Полученные данные подтверждают мою версию и слова Старейшины.*

— Не хочешь поделиться?

— *Некогда. Не забывай, тебе еще кусок валлийца добывать.*

— Сколько на нашем хвосте?

— *Двое.*

— Когда они нас нагонят?

— *Если не начнешь оставлять следы, то никогда,* — усмехается Змей.

— Сейчас оставлю.

Вытаскиваю гранату, и устанавливаю растяжку. Прячусь в пяти метрах, и подрываю ее. Возвращаюсь и ложусь именно в том месте, где и должен лежать человек, подорвавшийся на растяжке. Ползу метра три и замираю. Правая рука под животом. В руке пистолет.

Жду.

Британцы появились через четыре минуты. Увидели меня, осмотрелись, начали заходить с двух сторон. Отсутствие крови их сильно смутило.

— *Сашок, работаем левого,* — командует Полоз. — *Четыре, три, два, один, начал!*

Перекатываюсь на правый бок и стреляю в противника. Попал.

— *Кувырок назад.*

Выполняю, в место, где я находился секунду назад, ложатся пули. Радует, что САСовец работает с бесшумки.

— *Дальше сам.*

Перекатом ухожу за ближайшее дерево и достаю второй пистолет. Слышу, как противник начинает смещаться, стреляю на звук и смещаюсь в его сторону. Перезаряжаю первый пистолет, очень низко приседаю и быстро выглядываю из-за дерева справа. Британец все там же, замечает движение и стреляет, а я ухожу влево. Этот дурак тянется стволом за мной, пытаюсь достать, понимает, что делает глупость и уходит за дерево. А я ухожу в обратном направлении. Судя по звуку, он меняет магазин, а я уже обошел его справа. Вижу заманчиво торчащую правую пятку и стреляю в нее. Вскрик и он заваливается. Рывок влево, сближение, противник пытается контролировать правый фланг, откуда пришло попадание.

Стреляю ему в правую руку, снова вскрик, а я пинком выбиваю автомат из руки.

— Замри и будешь жить. Руку по задницу засунь. Я остановлю кровотечение. Только не геройствуй. Даже если ты меня завалишь, своих ты не дождешься.

Он кивает и засовывает руку под жопу. Его автомат без ремня, но на прикладе намотан жгут. Перетягиваю ногу, автоматически засекаю время, которое и сообщаю собеседнику. На остановку крови из руки пустил его бандану.

— Ты кто? — решил он на вопрос. В глазах нет паники, только злая сосредоточенность. Он судорожно пытается понять кто я: экипировка у меня нейтральная, оружие наше (но это на любителя), но произношение коренного баварца. Первый вывод — я наемник. Не будем переубеждать собеседника.

— Не важно, кто я. Важно — чего я хочу.

Он молчит и ждет.

— Мне нужна правая кисть человека, которого убил снайпер, и останки которого твои сослуживцы унесли с собой. Не спрашивай: «зачем они мне», — сразу обрываю его. — Для тебя это не важно. Скажи мне: у кого они и будешь жить.

— Я не верю тебе, — выдыхает он.

— Это твои проблемы. Не скажешь, я прострелю тебе вторую руку и уйду.

Он закрыл глаза и прижался затылком к дереву.

— У меня мало времени.

— Мне нужны гарантии, — стонет он.

— Их нет. Решай быстрее.

Он молчит. Вытаскиваю пистолет.

— Руки и голова остались у тех, кто ждет нас на месте боя с ирландцами.

Стреляю ему в голову.

— *А скажи мне, мой жестокий друг,* — светским тоном интересуется Полоз, — *попади ты в такую ситуацию, ты бы сказал правду?*

— Конечно — нет! — отвечаю я, переворачиваю труп и начинаю обыскивать его рюкзак.

— *Есть что?* — нетерпеливо бурчит Полоз. — *Ну? Ну?! Ну?!!*

— Слушай, ты заканчивай строить из себя Воробьянинова во время вскрытия Бендером очередного стула.

— *Молчу, молчу,* — усмехается он.

— Есть! — сообщаю я. Покойный нес левую кисть покойного валлийца. Конечность была заботливо упакована в специальный пакет и, судя по цвету, обработана каким-то раствором, для замедления разложения.

— Нам хватит?

— *Хватит!*

— Ну, слава Богу, — радостно вздыхаю я. Иду «контролировать» второго САСовца. Обыскиваю и его. Тут пусто. Беру все патроны к винтовке, как и саму винтовку, и с чувством выполненного долга вострую лыжи обратно!

— Мы куда? — спрашиваю у Полоза.

— *Мы в гости к Малышке Бетти,* — задумчиво бормочет Полоз.

— Ты все также жаждешь крови ее односельчан?!

— *Не совсем,* — бурчит он.

— Полоз, ты чего?! — настораживаюсь я.

— *Наш неизвестный преследователь...*

— *Который Пересвет нынешнего разлива?*

— *...Ага. Он только что кончил оставшихся САСовцев!*

— *Он нарвался на них?!*

— *Нет. Судя по всему, он ждал, когда ты получишь доказательства, и зачистил за тобой.*

— *А как он узнал?! — испугался я.*

— *Не знаю, — зло бормочет Полоз. — Но рекомендую не задерживаться и валить к указанной деревне. Если этот «Пересвет» только для подстраховки, у нас есть все шансы дойти до туда живыми...*

Глава пятнадцатая. Подвиги врачей

Через четверо суток я вышел к деревне, где обитала старая ведьма, отправившая нас к лепреконам.

Неизвестный преследователь, обозванный нами «Пересветом», ни догнать, ни убить меня не пытался, но Полоз фиксировал его присутствие в радиусе пяти километров. Было неуютно, но пока он только шел за нами. Ох, узнать бы, кто это.

Вечером четвертого дня я стоял в полукилометре от цели, и мне категорически не нравилась эта деревня. Звуки были, но не было движения. Кроме того, я заметил пару мест, где могли быть дозорные. И эти места во время нашего последнего визита явно пустовали.

— Полоз, ты чего молчишь?

— *А чего говорить?!*

— Слышь ты, гад ползучий, ты меня сюда притащил, а теперь в молчанку играешь?!

— *Саша, какой ты нудный,* — вздохнул он. — *Прислушайся!*

Я глубоко вдохнул, медленно выдохнул и весь обратился в слух. Где-то в деревне заиграла гитара, а потом человек пять затянуло песню:

Еще вчера мы были все детьми,
И о войне мы знали лишь из книг.
А вот сегодня командир ведет нас в бой
Сквозь шквал огня на тот проклятый пик.

Пели на русском, пели слажено, пели мои головорезы. Пошел припев:

И думает солдат: оно мне надо?
Ведь эта бойня может длиться бесконечно...
Но командир орет: Вы что, уснули, гады?!
Или, солдат, ты жить собрался вечно?!

Я встал и пошел не прячась. Это был гимн нашего соединения. Слова Пашки, музыка Ильдара. Исполнение патриотическое!

— Сука ты, Полоз! Мог бы и предупредить!

— *Сам такой! Зато какой сюрприз!!!*

Справа раздался вопль:

— Бармалей вернулся!!!

Музыка стихла, раздался топот и на окраину вылетели мои архаровцы.

— Санек! — первым бежал Марся. Меня сгребли, подняли на руки и внесли в деревню.

В деревне рядом с административным зданием, за которым я держал оборону, стояли столы. За ними восседали свободные от дежурств парни трех групп. Судя по их числу, как минимум треть состава была рассредоточена на подступах к поселку.

Во главе стола восседал Барон. Справа от него сидел Петрович. Коваль и Загребин расположились слева от Барона.

Местных не наблюдалось. Вообще.

— Несите, несите его сюда! — радостно заорал Ивлев.

Меня поднесли, бережно опустили, после чего я был обнят и расцелован командным составом.

— Потом доложишь, мокрушник, — велел Барон, видя мое намерение отчитаться о выполненной работе. — Ешь.

А стол был богатым. И накрывали его местные. Армейских консервов почти не было.

— А аборигены где?

— В лесу, — махнул рукой Барон. — На стол накрыли и свалили. Очень искренне интересовались твоей судьбой...

— А свалили чего?

— Боятся, что мы тут полномасштабную войну начнем. Мы же вчера на закате пришли. Они проснулись, а деревня уже оккупирована. Мы им быстро объяснили, что мы твои сослуживцы, они и успокоились.

— Понятно, — пробухтел я с набитым ртом. — А вы тут как вообще оказались?

— Так Полоз твой через Орла приказ передал, — вскинув бровь, протянул Барон. — Ты снова не в курсе?!

— Так, это пресмыкающееся редко говорит о глобальных планах. Партизан, мать его...

— *Я все слышу...*

Игнорируя Полоза, продолжаю приставать к Барону:

— Так для чего вы тут?

— Ты поешь, отдохни, в баньку сходи. Тут есть что-то на нашу баню похожее. А потом и поговорим. Времени у тебя — до утра.

Поел, сходил в баньку, но спать не пошел. Решил поговорить с начальством. Начальство отнеслось с пониманием, поэтому мы удалились в один из домов.

— Саша, — взял слово Ивлев, — для начала объясню тебе причину нашего появления тут. После того, как Орел по приказу Полоза оповестил нас о необходимости прибытия в данную точку, мы скрытно выдвинулись в данный район. Наблюдатели противника знают о нашем исчезновении, но не знают район нашей дислокации. Это первое. Второе. В данном селении мы нашли майора-полковника Иванова со съехавшей крышей.

Барон закурил и продолжил:

— Он все твердит про змею, живущую в теле. Ты не в курсе, о чем это он?!

— Даже не знаю, о чем и думать, — рассмеялся я.

— Мы так и поняли, — усмехнулся Зимин.

— А где этот Иванов?

— За ним Сергей присматривает.

— А его для чего сюда притащили?!

— А куда нам его?!

Не получив от меня ответа, Барон спросил:

— Ты валлийца-то грохнул?

— Ага. Кроме него пол группы САСовцев, что паслись в том районе, и немног тамошних партизан.

— А чего так мало жертв? — задумался Ивлев.

— *Я их друг с другом стравил. Они друг друга и ушатали. Кого смогли. Остальных добил неизвестный мне индивидуум.*

— Это православный воин, про которого Орел доложил и местная ведьма рассказывала?

— Да. А вы встретились с Бетти?

— Встретились, — заржал Зимин.

— Что думаете про этого воина?

— Ничего не думаем, — вздохнул Барон. — Неизвестный нам помощник. Не гадит, и слава Богу. Доказуху ликвидации валлийца принес?

— Да. Сейчас покажу.

Я выскочил из дома и пошел к рюкзаку. Рядом с рюкзаком расположились Зяма и Ильдар. Они о чем-то спорили.

— Привет, пилюлькины!

— Командир! — оба расплылись в улыбках.

— А с рожами у вас что?!

У обоих эскулапов были синяки на мордах. Судя по цвету, заработали они их не вчера. Я задумался: мордобой между врачами я исключил сразу. Не существовало в этом мире причин, что могли бы заставить моих докторов настучать друг другу по мордасам. Даже в теории! Оставалось одно: еврей с кем-то сцепился, а татарин тут же вписался в разборки. И кому не повезло на сей раз?

— Ну, и с кем, Зяма, ты что-то не поделил?

— А чего сразу Зяма? — набычился тот. — Будто татарин не может...

— Боря! Не трахай мне мозг. Кайся! Чистосердечное признание...

— Усугубляет вину! — перебил меня Ильдар. — Саня, не гони на Зяму. На этот раз я начал!

— Ильдар, ты разрушаешь все основы мироздания! — опешил я. — Это что же такое случилось?!

— Я Семена встретил, — грустно вздохнул он.

— Какого Семена?! — насторожился я.

— Нашего Семена. Дезертира.

Игорь Семенов, позывной «Семен». Несостоявшийся второй врач группы, что прибыл вместе с курсантами и проходил подготовку вместе с нами в «Валгалле». Хороший врач. Мастер спорта по боксу. Дезертир.

Среди основополагающих дисциплин в «Валгалле» особняком стояла «Психологическая подготовка бойца специального подразделения». Говоря проще — выработка интуиции. Если еще проще — постоянное ожидание атаки с любой стороны в любое время дня и ночи.

На практике — курсантов били, душили, кидали в нас твердые тупые предметы, не давали спать, сыпали в жратву всякую дрянь. Все эти веселые вещи творили с нами инструкторы. В первый же день Марся словил два раза в голову от проходящих мимо преподав, а меня придушили до потери сознания, накинув сзади удавку. Той же ночью нас избили. В течение двух месяцев продолжалась эта карусель. Удары прилетали со всех сторон. Прошедший мимо инструктор мог догнать и ударить в затылок. Ночью могли начать душить спящих. Стул или табуретка могли прилететь с любой стороны. Выйдя из казармы, курсант мог: подорваться на растяжке, получить удар сзади, быть придушенным, поймать в лоб камень. И так круглые сутки. Только во время занятий мы могли расслабиться. Во время перемен по пути в столовую и в свободное от занятий время нас методично избивали.

Как итог: на затылке выросли глаза, пристальный взгляд с любого направления чувствовался сразу с безошибочным определением местонахождения смотрящего, вход и выход из любой двери сканировался моментально. Любое движение в радиусе поражения

брошенным предметом угадывалось на начальной стадии. Спали мы как кашалоты: одна половина мозга спит, вторая сканирует местность. К концу второго месяца будущие командиры групп попадали только в хорошо подготовленные засады. Это были те, кого не отсеяли. Чуть меньше десяти процентов были отчислены за первые три месяца.

После прибытия курсантов, которым предстояло стать бойцами боевых групп, избиение началось с новой силой. На моих пацанах преподы отвязывались с утроенной силой. За предыдущие месяцы я и Марся так раздраковали инструкторов, что наполнение группы они ждали, как праздник! А первые дни пребывания будущих уральцев увеличило общую озлобленность!

Их пытались ушатать все, везде и всегда. Но и «адаптация» у них прошла быстрее, чем у остальных. Киса строго настрого запретил нам прикрывать одноклассников, но приказал каждый раз объяснять: в чем именно они ошиблись.

Количество отсеянных бойцов было выше. Все объяснялось тем, что выбором будущих спецов занимались новоиспеченные командиры групп, а не преподы. В процессе подготовки несколько групп были расформированы из-за выбывания половины бойцов. И, если отсеянных командиров отправляли в штрафбаты, то бойцов возвращали в обычные части.

Нашей с Марсей потерей и стал Семен. У него была замечательная физическая подготовка. Был небольшой боевой опыт и огромное желание стать именно командиром. Об этом он и заявил Воробьянинову.

Киса изучил его дело, пообщался с другими инструкторами и пообещал:

— Ты вылетишь, через месяц. Поэтому забудь о том, чтобы стать командиром. Сосредоточься на карьере бойца.

Игорь психанул. Пошел к Одину. Но вместо кабинета начальника школы попал в лазарет. В него попали табуреткой. Это разозлило его еще больше. Марся попытался его успокоить, но вместо конструктивного диалога вышла ругань.

В тот же день Семенов поймал от Шуровкина. Встал и сказал все, что он думает с Карпе. Поймал снова, уже всерьез. А Шуровкин сразу поставил диагноз: кандидат на вылет. И Игоря начали гнобить все. В ответ он начал козлить нам. Гадил на прохождении полосы, не выполнял приказы, пытался стравить одноклассников.

Через две недели я поставил перед Кисой вопрос об отчислении Семенова. Киса молча достал из ящика своего стола рапорт на имя начальник школы, подписанный им именно в тот день, когда Игорь пошел к Одину.

— Вы сразу это поняли?

— Да, Саша, — вздохнул он. — Это — ваша единственная ошибка. А в остальном, вы — умницы. Пошли к Одину.

Один пробежал глазами по рапорту и, не задав ни единого вопроса, наложил резолюцию об отчислении.

Приказ зачитали вечером, а ночью Семенов сбежал. В принципе, сбежать из «Валгаллы» не составляло большого труда. Территория почти не охранялась, забор только для красоты, проверяли только машины, въезжающие на территорию.

Факт дезертирства был выявлен на утренней поверке. Начальство пребывало в растерянности: такого не было никогда. Нашу группу в экстренном порядке опросили, после чего отправили на поиск беглеца. Мы убыли вместе с Кисой и Тунгусом, снаряженными «по войне». При этом поиск осуществляли мы, преподы только контролировали. Через два часа поиска стало понятно, что Семенов решил схитрить: он заложил круг и вернулся к школе.

Мы разделились. Одна часть пошла по следу, вторая вернулась обратно и начала прочесывать окрестности. Беглеца нашли через четыре часа. Пройдя очередную опушку, все замерли. Синхронно присели, начали осматриваться. Схрон Игоря обнаружился почти сразу.

— Игоря, выходи, — крикнул я. — Мы знаем, где ты.

Реакции не последовало.

Я вскинул автомат и сделал два одиночных, вплотную к его лежке.

— Считаю до трех. Потом бью на поражение.

И он встал. Грязный, уставший, злой.

— Стволы в землю, — приказал Киса и направился к беглецу. Спокойно подошел, надел на него наручники и повел в школу.

Один приговорил его к году штрафбата без права на амнистию. А мы убыли на войну без одного врача. Именно поэтому очень скоро в нашем подразделении появился русский еврей Борька Зеймович.

А теперь мои пилюлькины где-то сцепились с выжившим, как оказалось. Семеновым.

— Давай подробности, — потребовал я у Ильдара.

— Командир, — встрял Борька, — давай лучше я. Ибо сила моего орального искусства...

— Ораторского, — автоматически поправил я.

— И его тоже, — кивнул Зяма, — гораздо выше, чем у потомка Батыя и Мамая.

— Ну, попробуй.

— Ну, слушай! Поломал Вартанчик твоего двойника. По неосторожности...

— Стоять! — офонарел я. — С этого места поподробнее!

Первые два дня Васятка вел себя тише воды, ниже травы. А на третий освоился и даже пытался разговаривать с бойцами. Парни вели себя с ним корректно, как с душевнобольным. Видимо, эта корректность и сбила капитана с толку. Он решил, что вежливость вызвана его крутостью. Ведь он, как никак, сотрудник Смерша!!!

Свою крутость он решил продемонстрировать Миколу. Заявив, что Брюс Ли по сравнению с ним, детсадовец с отставанием в умственном развитии, он предложил хохлу устроить небольшой спарринг.

Услышав предложение полоумного капитана, Микола, прекрасно представляя, что останется от Васятки после спарринга, а потом и от самого Миколы после общения с Зиминим, перекрестился и максимально доступным языком попытался тому объяснить: дескать, негоже капитану об прапорщика руки марать...

Васятка задумался над словами прапора и переключил свое внимание на офицерский состав. В зоне доступа оказались Макс и Ильдар. Макс, услышав предложение Васятки расхохотался, махнул правой ногой над головой капитана и пошел дальше. Капитан подскочил к Ильдару. Татарин долго не мог понять, что от него хочет малохольный смершевец. А когда понял, то моментально выдал:

— Язык покажи.

Васятка послушно вытащил язык.

— Открой горло и скажи «А».

— А-а-а-а, — затянул тот.

Ильдар осмотрел горло, потом глаза, оттянув веки, пощупал пульс, заглянул в уши и со словами «Господи, ужас-то какой...» задумчиво побрел в неизвестном направлении.

Васятка минуты три стоял испуганным сурикатом, глядя вслед удаляющемуся врачу, а

потом он увидел Бойченко...

Если сравнивать Ковалю и Бойченко со шкафами, то они были трехстворчатыми. На их фоне наш Микола уже не казался великаном. Их рукопашная подготовка была такого уровня, что во время последнего курса повышения квалификации Шуровкин не вставал с ними даже один на один...

Бойченко занимался с гирями.

— Извините, военный, — застенчиво обратился к Андрюхе Васятка, — вы офицер?

Андрюха поставил гири.

— Допустим.

— А в каком звании?

— Подполковник.

— Ой, как хорошо! — обрадовался Васятка. — А можно с вами спарринг устроить?!

Бойченко с опаской посмотрел на тощего идиота.

— Нас АРБ учили, — добавил капитан.

— АРБ? — не понял Андрюха.

— Армейский рукопашный бой, — пояснил Васятка. — А у вас какой вид рукопашки профилирующий?

— У него «расчлененка», — ответил за Андрюху подошедший Марся. Марся был с Зямой.

— В каком смысле?! — не понял капитан.

— В том смысле, что оторвать ручки, ножки и голову, — пояснил Борька.

— Вы шутите?!

— Блин, Алибабаевич, — нахмурился Зяма, — ты погляди на этого подпола. Он слона его же хоботом задушит. Тебе жить надоело?

Васятка задумался.

— А с кем мне тренироваться?

Борька обвел взглядом окрестности. Недалеко от них Петюня и Вартанчик занимались вандализмом — раскурочивали какой-то ящик с проводами.

— Вон, — показал Зяма рукой, — из связистов выбери. Рекомендую Вартанчика. Он меньше!

И закрыл Марсе рукой открывающийся рот. Ибо Сунгатов решил возразить.

— Заткнись, убогий! — процедил ему Зяма и гаркнул в сторону связнюков:

— Эй, связисты, сюда идите!

— А не пошел ли бы ты... — прилетело в ответ.

— Вартанчик, — настаивал Зяма, — тут один капитан заявил, что дзю-до — это бабская борьба, и он любого дзюдоиста уделает...

Вартанчик не купился.

— Зяма, отстань!

— Эй, рядовой, — обиделся капитан, — ты вообще страх потерял?! С тобой офицеры, между прочим, общаются!

— Капитан, вали по тому же маршруту, что и еврей, — прилетело от связистов.

— Так, солдат, а ну иди сюда! Бегом! — сорвался на визг смершевец.

Народ, находящийся в окрестностях, замер в ожидании развязки.

— Вартанчик, — вынырнул из ящика Петюня, — да оторви ты этому мудаку руки и давай заканчивать.

— К бою, — крикнул Вартанчик и быстрым шагом направился к замершему в боевой стойке капитану.

— Пузырь на «одно движение»! — ставка Бойченко на победу Вартанчика.

— Андрюха, — прогудел Микола, — ты нас за идиотов не держи. С Вартанчиком Бармалей не всегда справиться может, а тут такое недоразумение...

— Бармалей — это ваш командир?! — испуганный вопрос капитана.

— Ты не отвлекайся, — совет Миколы. — Еще лучше — беги!

Убежать капитан не успел. Вартанчик длинным прыжком вошел капитану в ноги, ухватился за правую конечность, подсек капитана и, используя свою инерцию и инерцию падающего смершевца, швырнул его как борцовский мешок. При помощи все той же инерции, он поднялся на ноги и отвесил отлетающему Васятке шикарного пенделя. После чего, не глядя на противника, пошел к Петюне доламывать шкаф.

— Напрасно старушка ждет сына домой, — с усмешкой пропел Зяма, рядом с которым приземлился Васятка.

— Ей скажут, она зарыдает, — поддержал подельника Марся. — Не зашибся, болезный? Васятка молчал.

— Ну, молчи дальше, — подал плечами Борька и собрался уходить.

— Подождите, — заскулил капитан. — Зяма, ты же врач...

Зяма рывком его поднял и отвесил подзатыльника.

— Ты, долбодятел, еще Марсю «Секачом» назови, и мы тебя тут прикопаем! Ты, сученок, не имеешь ни малейшего права обращаться к нам по позывным! Все понял?!

— Да, — скулит Васятка.

— Капитан, — повысил Зяма голос, — ты совсем луга попутал?! Перед тобой два майора стоят!!!

— Так точно, товарищ майор, — прогундел он. — Мне нужна помощь, товарищ майор.

— Мордашка болит? — ехидно уточнил Борька.

— Никак нет. Рука.

Зяма осмотрел поврежденную лапку. Пробухтел что-то матерное в адрес Еиппократа, Смерша и Вартанчика, после чего велел:

— Топай на стоянку, недоразумение. В госпиталь поедем. У нас рентгена нет.

— Перелом? — поинтересовался Марсель.

— А черт его, мудака, знает. Марся, найди Ильдара, и пусть он тоже на стоянку идет. Я пойду с этим недоделанным. Стой, убожество. Дай я тебе твою ручонку зафиксирую.

Ильдар прибыл на стоянку через десять минут. Помянул добрым, незлобивым словом контрразведку, Гиппократа и идиотов-капитанов, которые не умеют даже падать. После чего все трое направились в окружной госпиталь.

В госпитале сдали капитана в приемник и стали ждать. В приемнике в версию о падении с высоты собственного тела поверили сразу, глупых вопросов не задавали, а земляк Ильдара с удовольствием угостил пилюлькиных спиртом. Минут через сорок, когда Васятка с зеленой рожей и белой рукой был погружен в машину, за спиной Ильдара раздалось:

— Вы гляньте, братва, доктора спецназовские кого-то из своих грузят! Это кто у вас такой неловкий?

Ильдар резко обернулся.

— Семен?!

— Для кого Семен, а для кого и товарищ лейтенант! — Игорь повел плечами, на

которых красовались погоны лейтенанта. Ильдар скосил взгляд на свое плечо, обнаружил только морпеховский тельник и улыбнулся.

— Чего ухмыляешься, татарин? — судя по тону Семена, он нарывался.

— Слышь, двухзвездный, — Зяма в отличие от Ильдара был при майорских погонах, — ты бы не грубил старшим по званию. Глядишь и здоровье сбережешь.

— А ты, еврейчик, решил за погоны спрятаться? — поинтересовался приятель Семена. Тоже лейтенант.

Борька воссиял в предвкушении драки. Зяма был из той категории людей, про которых говорили: драться не умеет, но очень любит. К сожалению, провоевав с нами продолжительный период времени, Зяма научился. Его гоняли все: Ильдар, я, Марся, Микола, Вартанчик, Макс, Микола, Коваль и даже Зимин. Шуровкин во время последней переподготовки дрочил Борьку по десять часов в день. В общем, Зяма соответствовал нашему уровню подготовки. А это — не баран начхал.

Ильдар оценил воссиявшего ликом Зеймовича и попытался уйти от столкновения. Наш татарин вообще был не агрессивен. Но уж если начинал схватку, то она обычно заканчивалась тяжкими телесными повреждениями противника. Он не бил, он убивал.

— Боря, дыши глубже, — рыкнул он. — Семен, если ты хочешь пообщаться, то говори. Если позубоскалить, то извини, у нас нет времени.

— Ты, Ильдарчик, меня испугался что ли? — самодовольно рассмеялся Игорь.

— Да пошел ты, — поморщился Ильдар. — Зяма, в машину.

— Да, уральцы, — громко заявил Семен, — вашей храбрости только и хватает, что безоружным руки заламывать.

— Семен, — напрягся его приятель, — это «Урал»?!

— Татарин — точно с «Урала». А эти двое — не знаю. Ты, еврейчик, откуда?

— С «Урала», с «Урала», — улыбнулся Зяма и спросил у напарника: — Ильдарище, это что за шлимазл?

— Дезертир, который планировался как второй врач группы, но сбежал из школы. Ты и занял образовавшуюся брешь.

— Да ты шо! — хлопнул ладонями Зяма. — Вот этот здоровый, наглый русский, не выдержал общения с Кисой и Карпом?! Что, Семен, или лучше, девочка-болтушка? Языком молоть оказалось легче, чем учиться?! Врач ты такой же?! Тупой и ленивый?! Кто тебе офицера дал? Кто тот извращенец, что позарился на твои прелести, девочка?

Семен ударил. Ильдар сразу понял, чего добивается Борька и был готов. Семен еще делал замах, чтобы навернуть Борьке хук, а Ильдар уже ударил его под колено опорной ноги. Замах самого Игоря и предельно жесткий удар Ильдара привели к тому, что тот просто упал перед Зямой. Борька тут же наступил ему на голову и спросил:

— Ты чего тут раскинулся, проци-и-и-ивный? Я убежденный гетеросексуал. И твои прелести меня не вставляют!

Приятель Семена сомневался: он определенно про нас знал. Действия Ильдара оценил Наглость Борьки тоже. Но тут из госпиталя вышли сослуживцы Семена.

— Какого рожна?! — рявкнул капитан и попытался ударить Борьку. Короткий удар ногой, и капитан прилег рядом с Игорем. А Ильдар все также спокойно взирает на оставшихся. И тут завертелось.

Очень жаль, что я не видел эту схватку. Двое против шести. Это если не считать уже лежащих. «Избиение неверных», так окрестил Борька драку, было недолгим. Пару минут. Нс

за эти минуты мои пилюлькины продемонстрировали гигантское превосходство системы Кадочникова над остальными видами рукопашного боя. Приятели Семена дубасили сами себя. С яростью и пионерским задором! При этом некоторые продемонстрировали скрытые возможности своего организма. Вот неосторожный воин наносит прямой удар ногой (это он так думает) Ильдару. А Борька, сместившись вперед, пинает того в опорную конечность в район голени, и нападавший с громким криком садится на продольный шпагат. Следующий пробует ударить Зяму ногой в голову, небольшое уклонение, зацеп летящей (уже мимо) конечности, придание ноге дополнительного ускорения, и гражданин красиво попадет своему приятелю в нос. В довершение: легкий удар гражданину по яйцам, и уже «минус три».

Оставшиеся бойцы проявили запоздалую осторожность. Они рассыпались и осторожно пошли на сближение. Борьке достался амбал, два на три. Ильдару длиннорукий боксер, а вот за что досталось сидящему в машине Васеньке, так никто и не понял! Но ему досталось!!! Третий воин бодро запрыгнул в кузов и начал лупцевать капитана.

— Татарин, — услышав вопли смершевца, встрепнулся Зяма, — займись капитаном, он недееспособен!

— А ты? — хмыкнул Ильдар.

— А у меня гражданин очень тяжелый, — в этот момент противник Борьки попытался провести захват, продемонстрировав знание борцовской техники. Зяма увернулся и прокомментировал: — К тому же — борец!

Ильдар не ответил. Он изобразил начало атаки, его противник шуганулся, а Ильдар запрыгнул в кузов, в котором дубасили визжащего Васятку. Оппонент Ильдара, сообразив, что его обманули, ломанулся следом. Крики в машине стали множественными, и Зяма решил идти на подмогу. К этому моменту они «танцевали» метрах в семи от машины. Поэтому Борька просто сорвался, показав противнику спину. Тот разочаровано взревел и бросился следом. Он почти догнал Зяму, но Зяма был не пальцем деланный и элегантно сложился под ногами преследователя. Об это еврейское препятствие и споткнулся бегущий борец. А до машины меньше двух метров... Автомобиль покачнулся от удара, а противник Борьки, измазав борт машины расхлестанной мордой, прилег возле колеса.

Зяма бодро поднялся и поспешил на помощь другу.

— Ну, кто тут первый на расстрел?! — поинтересовался он внутри. Внутри раздался мат Ильдара:

— Вася, сука, это я!

И в этот момент Борька поймал по касательной в морду.

— Татарин, — Зяма схватился за подбитый глаз, — ты чего на меня падаешь?!

Борька словил именно от Ильдара, частично выпавшего из кузова.

— Я тебя урою, никчемное создание! — рывкнул вовнутрь машины Ильдар и повернулся к Борьке, демонстрируя аналогичные повреждения на лице. Пилюлькины пригляделись друг к другу и заржали.

В машине произошло следующее: запрыгнув в кузов, Ильдар обнаружил там живописнейшую картину: неизвестный солдат, избивающий раненного, визжащего как поросенок, смершевца. Гражданин был так увлечен экзекуцией, что не обратил внимания на движение за спиной. А, может, просто не успел... Прямой в затылок, и татарин разворачивается для встречи «своего» боксера. А боксер как раз запрыгивал в кузов. Ильдарище ласково ухватил его за вытянутую руку и, используя инерцию противника,

дернул его дальше в кузов. Тот и продолжил движение. А куда бы он делся?! Однако, длина рук у человека конечна, и, достигнув этого самого конца, товарищ начал резко останавливаться, ибо его кисть и запястье было у Ильдара в захвате. Действуя автоматически, наш татарин рванул ручонку боксера обратно, после чего повернул ее и сломал в двух местах. Боксер собрался закричать от нестерпимой боли, но продолжая действовать автоматически, Ильдар пнул его в голову тяжелым ботинком, и тот временно покинул эту реальность.

Медик подошел к бойцу, поймавшего от него в затылок, и попытался оттащить того в сторону, ибо под ним лежал Васятка. Однако, как только капитан почувствовал движение над собой, начал махать одной рукой и двумя ногами, пытаясь хоть как-то защитить свою попорченную шкуру.

— Вася, сука, это я! — крикнул Ильдар Оскару, но в этот момент поймал от капитана ногой в глаз, упал и наввернул затылком Борьке по морде.

Объединенными усилиями они утихомирили впавшего в истерику Оскара и вытащили его наружу, где и были задержаны подоспевшим патрулем.

В кабинете особиста мои прохиндеи представились, после чего заявили, что без представителя командования больше ничего не скажут!

Особист, злорадно улыбаясь, спросил про ФИО их командира. Услышав «Ивлев и Зимин», испуганно сел и молчал минуты три. За это время мои медикусы: выдули у него всю воду из графина, вытащили из пачки особиста по сигарете и с удовольствием закурили.

— Майор, — Борька устал от молчания особиста, — дай мне телефон, я сам Петровича вызову.

— И Ивлева? — прошипел особист.

— А, Барон-то тебе на хрена?! — удивился Зяма. — У тебя геморроя и так выше крыши! Мы же не просто так дрались, а нашего смершевца защищали.

Особист закрыл лицо руками. Картина вырисовывалась — врагу не пожелаешь!

— Звони, — он толкнул телефонный аппарат Борьке. Зяма долго вспоминал, как нужно звонить на нашу базу, вспомнил и дозвонился:

— Алле, Петюня? Будь ласков, пригласи к аппарату Петровича! Где мы? Кто спрашивал? Не выеживайся, недомерок! Давай Зимина!

Пауза. Зяма вытаскивает из пачки особиста вторую сигарету, особист дрожащими руками дает Борьке прикурить.

— Алле, Петрович? Это Зяма!.. что?.. кто?! Да, пошел он вместе с полковником! Да, так и передай! Ага... ага... естественно! Где я? А!!! Так нас с татаринком патруль повязал! В госпитале. Почему сразу пьяных?! Нет, за драку. Никого мы не грабили... И не убивали... Что? Нет, мы Ваську защищали! Какого Ваську?! Который капитан из смертей. Нет, живой Тебе жаль... нам тоже... мы у особиста местного. Милейший человек, очень тебя ждет! Ага... угу... сам пошел!!!

Борька повесил трубку.

— Через тридцать минут будет!

— А чего так долго? — заинтересовался Ильдар.

— Он сказал, что за каким-то Палычем или Палачом заедет, — Зяма затыкнулся. — Ильдар, ты такого не знаешь?

— Нет, — покрутил головой тот.

— А ты, майор?

Вместо ответа особист заголосил, как былинная Ярославна:

— Господи, почему именно в моем госпитале вы решили подраться? Почему с вами был смершевец?! Почему ваш Зимин знает именно Палача?!!

Борька удивленно уставился на местного майора.

— Ты чего орешь, как ограбленный еврей?!

Особист не ответил. Он схватил телефон и начал кому-то названивать.

Через полтора часа дверь в кабинет особиста резко распахнулась, и в кабинете появились двое: неизвестный полковник из Смерша и, собственно, Зимин. По кабинету сразу пополз запах недавно употребленного вискаря.

— Сми-и-ирно! — сорвавшись на фальцет, скомандовал особист. Мои доктора удивленно уставились на вскочившего майора.

— Ты чего орешь, малохольный? — поинтересовался Зяма.

— Боря, жопу от стула оторви, — попросил Зимин. — Тут как-никак чужой полковник...

— Ой, Петрович, — махнул рукой тот самый полкан, — заканчивай маяться херней! Сидите, парни.

Он обошел стол и уселся на место особиста.

— Докладывайте!

— Товарищ полковник, — начал тот.

— Да, не ты, — перебил его полкан и поглядел на пилюлькиных.

— Мне встать? — спросил на всякий случай Борька.

— Сиди, — махнул он и закурил.

— Сего дня в десять двадцать капитан Смерш, Василий Алибабаевич, следуя по маршруту «столовая» — «сортир» вследствие собственного ротозейства и ярко выраженных родовых травм, споткнулся на ровном месте, после чего совершил падение с высоты собственного тела. На место трагедии незамедлительно прибыл старший врач разведывательно-диверсионной группы «Урал», майор медицинской службы Зеймович.

— Да?!

— И давно?!

Одновременно поинтересовались Ильдар и Зимин озвученной Борькой собственной должностью.

— Сегодня назначили, — ответ Зимину.

— Заткнись, животное, — ответ Ильдару.

— В результате первичного осмотра тела капитана Васятки, мною были выявлены: множественные ссадины кожных покровов лица капитана; ушиб ягодичной области и травма правой руки. Данные повреждения действительно возникли вследствие падения капитана с высоты собственного тела, что впоследствии нашло подтверждение в медицинском заключении специалистов окружного госпиталя.

— А с жопой-то у капитана что произошло?! — с трудом сдерживая смех, уточнил Палач.

— Ушиб-с, ваше высокоблагородие! — отрапортовал Зяма.

Палач сжал губы, зажмурился, но нашел в себе силы и уточнил:

— Я уже понял, что не перелом и не насильственные действия сексуального характера. Механизм образования травм установлен?

— Так точно! Капитан Васятка в ходе движения поскользнулся и упал, извините, на

жопу. Это и явилось причиной ушиба. От сильной боли он завалился на правый бок, в результате повредил руку и лицо о поверхность земли, покрытую асфальтом.

— Кто покрыт асфальтом?! — хрюкая уточнил смершевец.

— Поверхность планеты Земля в точке падения капитана! — отчеканил Зяма.

— Продолжай, — хрюкнул Палач.

— В связи с тем, что на территории части отсутствует рентгеновская установка, мною для точной диагностики наличествующей травмы руки было принято волевое решение о транспортировке капитана в окружной госпиталь. Для подстраховки капитана в процессе движения мною был привлечен младший врач разведывательно-диверсионной группы «Урал» — майор медицинской службы Ильдарище, а также грузопассажирский автомобиль марки «Тигр».

— Ильдар, — улыбаясь во все зубы, обратился ко второму пилюлькину Зимин, — ты тоже наблюдаешь эту наглуую еврейскую морду?!

— Ага, — кивнул улыбающийся Ильдар.

— Заткнулись оба! — велел Палач. — Майор, продолжай!

— В окружном госпитале мною с использованием аппарата типа «Рентгеновский» при ассистировании майора Ильдара у капитана Васятки был диагностирован подвывих правой верхней руки. На руку была наложена стягивающая повязка типа «Эластичный бинт». Лицо и жопа капитана были обработаны антисептическим средством тетраэтил-4,4-диаминотрифенилметана оксалатом...

— Каким средством?! — обалдел смершевец.

— Бриллиантовым зелёным, — «пояснил» Борян.

— Чем?! — еще больше удивился тот.

— Палыч, твою мать, — встрял Зимин, — да, зеленкой они его намазали!

— А вот эта мишура про «салаты» откуда?

— Оксалат? — уточнил Зяма.

— Ага, — кивнул тот.

— Научное название зеленки, товарищ полковник!

— Вашу же мать! Пол века прожил, куда мне ее только не лили, а я даже не догадывался об истинном названии! Продолжай, майор!

— После оказания необходимой помощи мною было принято решение о продолжении амбулаторного лечения в расположении части, и капитан со всеми необходимыми мерами предосторожности был препровожден в грузопассажирскую машину типа «Тигр».

— Небось, на подсрачниках летел? — уточнил у Ильдара Зимин.

— Как можно, Петрович?! Сам дошел...

— Ша, мужики! Дальше чего?!

— В ходе эвакуационных мероприятий к нам подошли неизвестные мне офицеры и рядовые, один из которых был идентифицирован Ильдаром как Семенов Игорь, по прозвищу Семен.

— Да, иди ты?! — не поверил Зимин. — Ильдар, это точно он?!

— Он, он, — вздохнул Ильдар.

— У судьбы странное чувство юмора... — протянул Петрович.

— Знакомый? — сразу уцепился Палач.

— Ага. Потом расскажу... Зяма, жги дальше!

— Указанный Семен пренебрежительно отозвался о бойцах разведывательно-

диверсионной группы «Урал», а также о зеленолицем сотрудиике Смерш. На наши замечания о недопустимости подобного поведения лейтенант ответил нецензурной бранью, после чего попытался нанести мне хук справа. Однако, вследствие слабого коленного сустава правой ноги, упал и повредил ногу. Его сослуживцы, испытав мгновенную личную неприязнь к нам и сотрудику Смерш, решили отомстить за неловкость своего сослуживца. Один из них, ударив пыром, промахнулся, а соскользнувшая опорная нога привела к травме паховых связок. Следующий боец, нанеся боковой удар ногой, промахнулся и попал своему сослуживцу ногой в голову, после чего упал промежностью на ноги гражданина, лежащего с разрывом связок. Оставшиеся три сослуживца Семена разделились и также атаковали нас. При этом один из них напал на капитана Смерш, уже помещенного в кузов автомобиля «Тигр».

В процессе нападения на меня противник ударился лицом о борт автомобиля, боец, атаковавший майора Ильдара, запрыгнул в кузов, где раненый капитан, храбро отбивался от противника. В итоге, капитан Смерш нокаутировал обоих противников, сломав второму руку в?..

Зяма вопросительно глянул на Ильдара. Тот показал два пальца.

— ... в двух местах. Мы же поспешили на помощь капитану, однако тот, впад в боевой транс, ударил Ильдара ногой в лицо, а Ильдар затылком ударил меня. Этим и объясняются наши повреждения.

Вывод: считаю наши действия полностью попадающими под понятия необходимой обороны, напавшие офицеры и рядовые после лечения должны быть отправлены в штрафбат, а капитан достоин награды!

В этот момент дверь открылась, и к нам вошел герой! С опухшей зеленой рожей! Петрович и Палыч согнулись от смеха.

— Зимин, твою мать, — ржал Палыч, — где ты набрал таких рассказчиков?!

— Это не я, — гоготал Петрович, — это Бармалей...

— Ууууух, — вытер слезы полковник. — А где сам Трофимов?

— На базе, — уклончиво ответил Зимин.

— Майор, — Палыч взял себя в руки и посмотрел на Борьку. — Если также красиво напишешь в рапорте, я тебя к награде представляю!

— А тебя, — он взглянул на капитана, — зеленомордый, после лечения я на передовую отправлю. Такие бойцы там очень нужны!!!

Васятка был готов расплакаться...

Два полкана явились в приемник, где осмотрели агрессоров. Рассказанная Борькой былина нашла свое подтверждение. Всем агрессорам был пообещан штрафбат, а Семену персонально вышка.

Полковники курили возле машины, где Палыч воспроизводил алгоритм действий пилюлькиных. Ему было очень интересно, как два настоящих врача (кандидата медицинских наук, на секунточку), играючи ушатали половину разведгруппы пехоты.

— Значит, так, — рассуждал полковник. — Летеха делает замах, получает перелом колена и падает. Капитан получает с ноги в печень — тупая травма, болевой шок. Дальше: прямой удар ноги, подсечка опорной, шпагат — разрыв промежности. Боковой с ноги, уклонение, доводка рукой, нога летит в нос соседу, а пинающий получает по яйцам сзади. Дальше они разделяются. Тот, что атаковал еврея, побежал за ним. Зяма падает ему в ноги. Как результат — перелом носа, именно носом он и вошел в борт. Один из агрессоров

находится в кузове, где методично лущует моего недонюханного капитана. Татарин прыгает в кузов, бьет в затылок. Судя по дикому сотрясению: или с ноги, или двойку. Скорее всего, именно двойку. Ногой — убил бы. Убил бы?

Петрович молча кивает.

— Потом разворот, захват руки набегающего противника. Использование его инерции. Резкий доворот, два перелома со смещением, ногой в голову.

Палыч довольно усмехается.

— Петрович, а по поводу телесников твоих убийц что скажешь?

— Скорее всего, — затянулся сигаретой Зимин, — татарин действительно поймал от твоего Васятки. Поймал, упал, шабаркнул Зяму.

В этот момент на улицу выскочил разъяренный неизвестный майор.

— Где эти ублюдки?! — завыл он.

— Военный, ты кого потерял? — ласково поинтересовался Палыч.

Тот заткнулся, бодро промаршировал до полканов и доложил по форме:

— Виноват, товарищ полковник. Бойцы моей группы навещали сослуживца. Навестили так, что все в «минус». Говорят, что их уработали два каких-то майора. Во что верится с трудом! Вот, хочу посмотреть им в глаза...

— Ты лучше мне посмотри, — перебил его Зимин. — Твои полудурки толпой наехали на моих врачей. За что и огребли. Толпой. От двух врачей.

— Зимин, а майор не верит, что твои пилюлькины на пару ушатали такую толпу, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнес Палыч.

А майор уже испугался. Во-первых, Зимина знали все. Нет, не так. Зимина ЗНАЛИ ВСЕ!!! Барона могли не знать, но нашего Петровича ЗНАЛИ ВСЕ! И БОЯЛИСЬ ВСЕ!!! В вторых, фамильярность, с которой смершевец обращался к Зимину, наводила на мысль об их тесном знакомстве, что тоже не предвещало ничего хорошего. В-третьих:

— Майор, а тебе сказали, что твои мудаки поломали капитана Смерш? — гадким тоном спросил Палыч.

Скорее всего, после этой новости в голове невезучего майора заиграл похоронный марш. За такое могли и расстрелять. Смерш ненавидели, презирали, плевали в спину, но очень боялись. У нынешнего Смерша было столько же власти, как и у Смерша Великой Отечественной. К сожалению, и козлов в теперешнем Смерше было столько же. И зеленолицый капитан был тому яркое подтверждение.

— Чего умолк, рядовой штрафбата?! — продолжал Палыч. — Распустил своих полудурков? Они решили, что круче них только яйца?!

Майор испуганно молчал, но неожиданно ему на помощь пришел Зимин.

— Палыч, выдохни, — он хлопнул смершевца по плечу.

— Ты его знаешь? — заинтересовался тот.

— Видел как-то. В штабе.

— Тыловики что ли? — скуксился он.

— Разуй глаза! Какой из него тыловики?! В общем так, майор, — Зимин снова закурил. — Первое: тебе выговор за ненадлежащую подготовку бойцов. Твои обалдуи не смогли двух пилюлькиных уработать. Второе: Семена сливай Смершу. Не сольешь, и тебя, и остальных, присутствующий тут Палач на ноль умножит. Третье: с тебя за моральный ущерб два литра вискаря. Литр мне, литр Палычу. Вопросы или возражения есть?

— Товарищ полковник, один вопрос. Можно?

— Давай, — улыбнулся Петрович.

— С кем из ваших сцепились мои недоумки?

— С «Уралом». Еще вопросы?

— Никак нет. Разрешите идти?

— С Богом, — кивнул Зимин.

— Ну и что это за аттракцион небывалого человеколюбия?! — удивленно спросил Палыч, когда майор спешно удалился.

— Я вспомнил этого офицера, — ответил Петрович. — Его предыдущую группу два месяца назад артиллерия накрыла. Этих он только набрал.

— Ну, мил друг, это война...

— Наша артиллерия, Палыч, — зло сплюнул Зимин. — Потери от дружественного, мать его, огня. Поэтому не трогай его. У него опять потери...

— От дружественного мордобоя! — цинично заржал Палыч.

— Да, — хмыкнул Зимин. — Что такое «не везет», и как с ним бороться?!

Глава шестнадцатая. Хэксхем

Выслушав занимательную историю моих раздолбаев, насладившись ораторским искусством Зямы и обматерив обоих по полной, я вытащил из рюкзака доказательство ликвидации валлийца.

Отцы-командиры внимательно осмотрели предъявленную конечность, Петрович откатал отпечатки на специально подготовленном бланке. При этом бланк этот был явно не дактилокартой, используемой Смершем. Это было что-то другое. Бланк он передал Барону, а обрубок выбросил в печь.

— Закончили и забыли, — подвел черту под моими приключениями Ивлев. — Теперь о грустном: вам срочно необходимо выдвигать в сторону Хэксхема.

— Вам? Не нам? — уточнил я.

— Именно, — кивнул Барон. — Мы с Петровичем должны вернуться в Глазго. Мне необходимо с контриками рамсы сводить по поводу твоих подвигов, а Петрович будет координировать ваши действия с действиями Барина.

— Он знает?

— Он знает, что вы скрытным порядком прибудете в его расположение и таким же манером уйдете за линию фронта.

— Вы определились с целью? Я хочу уточнить: вы вычислили тот секретный объект, от которого нас пытались увести британцы?!

— Именно, — подтвердил Барон.

— И что это?

— Для начала мы занялись аналитикой. Результат оказался таким: мы насчитали восемнадцать сооружений культа близь Хэксхема. Шесть были на территории, занятой нашими войсками, два храма были переоборудованы под отели, от одной часовни был только фундамент. Осталось девять. Три на территории самого Хэксхема отмели. Итого, шесть. Три были хорошо известными и являлись местом паломничества как верующих, так и туристов. Сосредоточились на трех. Все три на приличном удалении от города, два представляют из себя крепости, один заброшен. Потом Петрович, умница, притащил туристический справочник. Из него мы узнали, что один из храмов был построен на древнем языческом капище. Оно было похоже на Стоунхендж. Там же было указано, что строители не стали ломать его, а использовали как основу для несущих конструкций храма.

— Храм действующий?

— Условно. Он открывается только в Рождество и в некоторые праздники. Но служба в нем идет постоянно, есть даже фотография настоятеля.

Командиры вытащили справочник и предъявили фотку настоятеля.

— Как тесен мир! — воскликнул я.

— Ты тоже узнал этого гражданина?!

— Монашек, который так весело кричал у нас в подвале!

— Именно! Таким образом, вы други мои, должны дойти до указанного храма, что стоит в тылу у британцев, и уничтожить его. Лучше, вместе с фундаментом.

— Опа?! — я удивился приказу Барона. Обычно перед уничтожением объекта он велел его осмотреть. А тут — сразу ликвидация. — А чего без осмотра?!

— Не хочу вами рисковать, — очередной раз ошарашил меня генерал.

Я с недоверием уставился на командиров. Петрович начал расплываться в улыбке.

— Ты глянь, Михалыч, — толкнул он локтем Барона, — не верит Бармалей в твою гуманность.

— Да, его уже на мякине не проведешь, — тоже улыбнулся Барон.

— Ну, и?

— Когда мы выдали расклад Черепу, он сразу велел: храм умножить на ноль. Я думаю, он все понял, и этот гадюшник ему не нужен.

— А как на счет того, что это памятник истории и культуры. Наследие Юнеско... — решил я поддеть командиров.

— Сашенька, — видя мою ехидную морду, тем же тоном начал Барон, — это не наш памятник. Не нашей истории и не нашей культуры. А на Юнеско мы давно здоровенный болт положили. Еще вопросы есть?

— С кем мы будем биться возле храма?

— Давай ему, уже подпола дадим, а? — предложил Зимин. — Ты глянь, как он нас просчитывает!

— Перетопчется! — отрезал Барон. — Ему одному давать нельзя. Нужно сразу всем звания повышать. А где ты видел, чтобы в одной группе сразу четыре подпола были?! На меня и так косо смотрят.

— Ой, Михалыч, не прибедняйся, — скуксился Зимин. — На тебя с рождения косс смотрят...

— Закончили экскурс в мое славное прошлое, — перебил того Ивлев. — Вернемся к нашему барану. Сашок, биться вы будете с оставшимися монахами. Близкими друзьями тех, с кем ты уже встречался.

— Рискну предположить, что их численность нам не известна?

— А тебе, мокрушнику первой гильдии, не все равно?

— Ну, их может быть слишком много...

— Не знаю, Саня. На месте разберетесь. Как через линию фронта перебраться, ты знаешь лучше Барина. Часа через три выдвигаемся в сторону Шотландии, на побережье вас подберет транспортник. В нем вся снаряга для операции. И над расположением Барина он скинет вас.

— В прямом смысле?!

— Да. Парашюты уже там. Все, инструктаж кончен. Иди, собирай своих головорезов и отправь сюда Ковалья и Загребина.

«За дюралевым бортом», как пелось в шикарнейшей песне «Голубых беретов», проносилась Англия. Я, признаюсь честно, мандражировал. Остальные тоже приссыкивали. Только Коваль и Бойченко были как два удава. Поэтому они и спали. Остальные... Если бы не волшебное зелье Ильдара... короче, загадили бы весь отсек... Чтобы ни говорили про нашу десантуру, какие фортеля они бы ни выкидывали, но как только я вспоминал про прыжки, то мне сразу хотелось снять перед ними шляпу. В моем случае каску вместе с банданой.

Во время горной подготовки меня частично вылечили от страха высоты. Частично. Но не полностью. Как только во время первого прыжка инструктор открыл люк, мои ноги намертво приклеились к полу вертушки.

Гнусно улыбающийся помощник инструктора, бугай два на три, проорал:

— Трофим, ты как командир идешь первым. И учти, ты идешь вне зависимости от

твоего желания!

Бугай был больше нашего Миколы раза в полтора, поэтому я не сомневался, что я «иду». Вопрос был в другом: уйду я «мягко» или с отбитой задницей. У бугая было прозвище «Косолапый». В честь «мишки косолапого». Размером он походил. Мордой тоже.

— Вовка, — проорал я Косолапычу, — будь другом: подтащи меня к выходу. И столкни. Только без телесников!

— Не ссы, Трофим, — заржал он. — Все будет в лучшем виде!

Он шагнул ко мне, взял за лямки и как маленького ребенка поставил к двери. Я глянул вниз. Господи, лучше бы я в подводники пошел...

— Сашка, — орал мне в ухо Косолапый, — через десять секунд ты выходишь. Руки от створок оторви!

Я с трудом сложил руки на груди, как учили на земле.

— Десять, девять, — начал орать Вовка. На цифре «семь» он выкинул меня из вертолета.

«Тысяча раз, тысяча два, тысяча три», вытяжное, «тысяча пять, тысяча шесть», толчок. Башку кверху, купол раскрылся, перекрестился трясущейся рукой. Собрался, как мне рассказывали на инструктаже, насладиться полетом, но в этот момент мимо меня пролетел Косолапый, а чуть позже и старший инструктор. Их парашюты раскрылись далеко внизу. Странно, не должны они были прыгать. Покрутил головой, пытаюсь сосчитать своих прыгунов. Вроде все.

Приземлился я штатно, ничего не вывернул и не сломал. Погасил купол, начал собирать парашют. В этот момент с самым грозным видом мимо меня прошли Косолапыч и его начальник. Я не успел ничего спросить, как раздался крик Петюни:

— Вартанчик, беги!!!

И он убежал! Инструкторы попытались сказать мне все, что хотели сказать Вартанчику. А Косолапыч еще и сделать, но вовремя вспомнили, что мы все уже на земле, а тут мне опасно говорить нехорошие слова. Еще опаснее — что-то нехорошее попытаться мне сделать...

Вартанчик прыгал предпоследним. Перед Петюней. Косолапыч подтащил упирающегося связиста к двери, проорал что-то насмешливо-ободряющее и вытолкнул его. Если быть точнее — попытался. Наш Вартанчик — классный дзюдоист, и рефлекс у него — дай Бог каждому... Рука Косолапыча прошла над плечом Вартанчика, сам связнюк сложился вдвое, и, благодаря великой силе инерции, Вовка внепланово перевалился за борт.

Его начальник охреневше переглянулся с Петюней (а тот с перепугу все гадал: был ли Косолапыч с парашютом или без оного) и шагнул к Вартанчику, намереваясь пинком выкинуть того из вертушки. Вместо пинка он попал в захват Вартанчика и ушел вслед за Косолапычем.

Оба приема видел второй пилот вертолета. Икая от смеха, он проорал:

— Не прыгнете, пристрелю обоих, — и вытащил пистолет.

Связнюки прыгнули практически парой...

Мне — очередной втык от начальства школы, Вартанчику — «радиаторная» на три дня.

Во время второго прыжка через месяц связнюки выходили первыми под нашим контролем...

И теперь над Англией нам придется прыгать третий раз. Вышел кто-то из экипажа и показал Ковалю два пальца. Значит, через две минуты прыгаем. Леха и Андрюха как старшие

быстро всех распинали, пристегнули и замерли в ожидании команды. Зеленый свет и мы уходим в темноту.

Внизу нас встретил Астафьев и компания.

— Ну, вы, блин, и секретчики, — усмехаясь поздоровался Сашка. — Ладно, хоть не на подлодке!

— Мы хотели, — отвечал Коваль, — но Бармалей плавает плохо!

Сашка уловил шутливый тон Лехи и рассмеялся:

— Грузитесь, подводные парашютисты! Прятаться поедем!

Нас заныкали на самом краю Хэксхема, выдали харчи и велели ждать до вечера, сообщив, что Барин навестит нас днем. Выставили скрытное наблюдение, остальных уложили спать, а командный состав собрался на планерку. Тема планерки: «способ проникновения на территорию, контролируемую противником».

Идею «с пашкой наголо» отвергли сразу. Все-таки мы разведка. Мысля о скрытом проникновении вызывала ряд вопросов. Особенно их было много, когда речь шла о движении за пределами города.

В итоге, рабочей версией стала версия «идем внаглую». В переводе это означало, что ночью без боя мы просачиваемся в ту часть города, что контролируется англичанами, прячемся, а как рассветет под видом регулярных войск англичан уходим в нужном направлении, прихватив какой-нибудь транспорт. «Ходьба внаглую» была нашим излюбленным способом, визитной карточкой бароновских групп.

Заехал Барин, долго охал и ругал Ивлева, заверил, что его парни обеспечат нам скрытное проникновение, благословил, забрал с собой отца Сергия (он тоже прыгал с нами) и убыл. А мы и взвод Астафьева остались ждать вечера.

Как стемнело, на левом фланге начался обстрел. Морпехи пуляли по британцам. Через пять минут после начала мы сползли до реки и штатно перебрались на берег, контролируемый англичанами. В качестве схрона нами был выбран старый склад. Благо, еще Марся в бытность нашего тут стояния наделал в нем столько дыр, что ничего вскрывать не пришлось: заходи — кто хочет. Вошли, расставились, затаились. Ждать предстояло долго. Но у Судьбы, как известно, забавное чувство юмора, которое она не замедлила продемонстрировать. От сторожей на соседних зданиях пришел сигнал: противник. Выматерились, приготовились. С противоположной от реки стороны в здание вошло человек двадцать англичан. Судя по снаряге, ребятишки собрались на нашу сторону, при этом не пакостничать у берега, а топать в глубокий тыл. Наш тыл.

Британцы расположились прямо под нами. Под нами — это подо мной, Марсей, Ковалем и Бойченко. Мы уютно лежали на балках, а под нами изредка переговаривались британцы.

Я вопросительно глянул на Леху, тот тяжело вздохнул и просигналил: валим всех, но тихо. Подумал и уточнил: двое нужны живыми. Я огляделся: вход и выход уже заблокированы моими парнями, на флангах «закатовцы». Разобрали цели, Леха показал, кого он будет брать.

Три, два, раз... и очень тихие хлопки, Коваль стекает вниз, удар, разворот, удар.

— Контроль, — командует Леха. Еще восемнадцать выстрелов. — Мясо в реку!

Выстраиваемся цепью и медленно и осторожно стаскиваем трупы в реку. Река вытекает из города, поэтому трупы уплывут за город. Пока «Урал» и «Закат» пыхтит, а морпехи охреневают, «Север» шмонает имущество скоропостижно скончавшихся англичан.

— Саня, хочешь удивиться? — вопрошает Коваль, сидящий перед двумя пленными.

— Не хочу, — бурчу я в ответ. — Терпеть не могу сюрпризы.

— Это приятный сюрприз. Иди порадуйся!

Подождал, глянул и расплылся в улыбке:

— Привет, Мишка! — поздоровался я с майором британской армии, счастливым отцом сына, появившегося на свет благодаря стараниям моих врачей. — Чего тебе, дураку, дома не сиделось?

— Алекс?! — удивленно прошамкал он разбитыми губами.

— Узнал! Молодец! Но ты не ответил!

Он прикусил губу, глянул в сторону «Севера», заканчивающего осмотр британской снаряги, и вместо ответа задал вопрос:

— Вы нас убьете?

Леха стрельнул глазами, отдавая мне инициативу.

— Мне очень не хочется это делать. Поэтому прошу как родного: ответь на наши вопросы, и морпехи, — я показал на них рукой, — заберут вас на нашу сторону. И если Барин не будет «против», ты увидишь жену и сына. Подумай, Мишка! Сейчас умирать глупо! Особенно тебе: в двух шагах от дома и семьи. Все, кого ты к нам отправил, живы. Сидят в лагере, ждут окончания войны. Решай, Мишка. Завтра увидишь сынульку. А пацанчик славный! Нос и, — я присел, приблизился к его лицу, — губы — точно твои!

Майкл закрыл глаза и так стиснул зубы, что побелели скулы.

— Дай мне слово офицера, что вы доставите нас в плен!

— Я клянусь тебе, Майкл Сарондон, что если ты ответишь на все наши вопросы, наши морпехи заберут вас к нам. Живыми и здоровыми.

— Мы должны были выдвинуться в точку в вашем тылу, устроить засаду и уничтожить группу ваших парашютистов.

— Опа! — возглас Ковалья.

Мишка бросил на него быстрый взгляд и уточнил:

— То есть высадка ваших парашютистов в вашем же тылу — это не бред нашей разведки?!

— Мишка, мы — спрашиваем, ты — отвечаешь! Когда пришла информация по тем, кого вы должны встретить?

— Шесть часов назад. Именно поэтому мы так бездарно и попались. Я собирал своих людей впопыхах.

— Саня, — Коваль перешел на русский, — они опоздали всего на сутки.

— При этом они не знали нашего количества, иначе их было бы больше.

— Это ж где у нас так «протекает»?

— Не о том грустишь, друг мой! — вздохнул я.

— А о чем стоит?

— Возле церквухи нас гарантированно будут ждать...

— Прорвемся! Не первый раз! У тебя к Мишке еще вопросы есть?

— Нет. Можно переправлять его на тот берег.

Коваль подозвал Астафьева, поставил задачу и тут же скомандовал:

— Меняем позицию. Бойченко, оповести наблюдателей. Пять минут!

Глава семнадцатая. Часть первая: Встреча с противником

До утра просидели без происшествий. Когда у британцев закипела жизнь, малыми группами просочились в город и начали движение к окраине. Техники была масса: и легковые, и грузовые, и грузопассажирские. Микола начал капать слюной при виде этого богатства и наплевательского отношения британской солдатни к вверенному им имуществу.

Я подозвал его и предупредил, что хищением английского движимого имущества займемся ближе к окраине. Хохол подобрал слюни и, собрав волю в кулак, продолжил движение.

Пару раз нас останавливали. Первый — для проверки документов, второй — при попытке припахать на разгрузке чего-то тяжелого. С патрулем мы расстались мирно (подделка документов в ведомстве Барона была поставлена на высочайший уровень), а офицер, пытавшийся нас застроить, был послан грубо и далеко.

Ближе к окраине Микола, Марся и Зяма начали «нюхать воздух». И в каком-то переулке обнаружили замечательный тентованный грузовик, на капоте которого мирно дрых его водила.

— Ща все будет... — пообещал Зяма и сорвался к машине. Водила был разбужен, отруган, запуган, после чего получил предложение подзаработать. Сумма, озвученная Борькой, очень понравилась солдатику, и он широким жестом пригласил нас проследовать в машину. Мои спекулянты залезли в кузов, я как офицер разместился в кабине рядом с солдатиком.

— Куда едем? — зевнул водитель.

— За город. В паре километров от города есть склад, нам туда и обратно.

— Капитан, — зыркнул на меня солдатик, — у вас странное произношение. Вы из Шотландии?

— Нет, дружище, — улыбнулся я. — Я родился и вырос в Белфасте.

— Вы — ирландец? — чуть напрягся он.

— Можно сказать, что да, — еще шире улыбаюсь я. — Всю жизнь я провел там. Поэтому любой ирландец примет меня за своего.

Водила закивал головой в знак согласия.

— А что на складе? Что нужно вывозить?

— Кое-что вкусное, жидкое и славно звенящее в ящиках...

— Виски?! — оживился он.

— Именно!

— Сэр, — помялся он, — а можно мне...

— Две бутылки в качестве бонуса, — заверил я его. — Только давай быстрее.

— Есть, сэр, — заявил он радостно и увеличил скорость.

Окраины миновали быстро. Но как только выкатились на объездную, водила практически остановил машину.

— Ты чего? — напрягся я.

— Впереди патруль, мать его. Все машины проверяют. А у меня пропуск только в черте города.

Я глянул вперед. Возле ближайшего поворота стояла три грузовика, пара «Хаммеров» и

куча народа. Я вытащил бинокль, пригляделся к патрулю и велел:

— Езжай смело. С патрулем я смогу договориться!

— Выходим из машины, документы — на проверку! — грозно потребовал офицер из состава патруля.

— Дружище, а, может, так договоримся? — выставив свою морду в водительское окно, спросил я у Макса.

Тот притворно округлил глаза:

— О! Какие люди! Выходи, выходи, чертов спекулянт, договоримся!

Я подмигнул водителю и полез из машины. Мы отошли метра на три, после чего Макс доложил:

— Саня, все машины, что тут стоят уже наши. Вас только ждем. Остальные уже тут.

— Хорошо. Я сейчас водилу уберу и поедem. Прими его.

— Все в порядке! — довольно выдохнул я, приземлившись на пассажирское сиденье, после чего задрал голову к потолку кабины:

— А это у тебя что?

— Где? — водитель любезно задрал голову, предоставив свою шею для моего удара, и тут же захрипел.

— Макс!

Переводчик открывает дверь и выволакивает конвульсирующего британца из кабины. Рядом с Максом уже Микола, который закидывает труп в кузов.

— Еотово.

Ко мне подбегает Бойченко:

— Бармалей, ты идешь на последнем грузовике. За тобой — «северяне» на «Хаммере».

Через минуту ничего не напоминало о том, что тут стоял ложный патруль из числа ловцов Ковалю, возле которого собрались три группы диверсантов.

В район церквухи, подлежащей уничтожению, прибыли в районе пяти вечера. Загнали все машины в овраг. Проверили снарягу и оружие, после чего Коваль как старший объявил:

— «Север», обходите цель с левого фланга. Радиус три километра. «Закат» с таким же радиусом обходит справа. Осматриваем местность, если кому-то что-то не нравится, сообщаете мне. Всех кого вы встретите — в расход. Даже детей и беременных. Как только авангард каждой из групп встретится, Бармалей и его волкодавы начинают движение к цели. Если вопросов нет, то побежали!

Мы дождались, когда парни умотали на нужно расстояние, и скрытно начали продвигаться в сторону церквухи. Сама церквуха выглядела внушительно. Каменное здание, узкие окна, один вход. Радовало отсутствие забора. Ни людей, ни техники не наблюдалось. Но как только мы приблизились на дистанцию полтора километра, дверь открылась и из нее вышли три монаха. Черные рясы, капюшоны на головах, у двоих длинные посохи в руках.

— *Можно не прятаться!* — проворчал Полоз. — *Нас заметили.*

— Это кто?

— *Скорее всего, командование местного гарнизона...*

— То есть ты не уверен?!

— *Этих британцев хрен разберешь. Не переживай. Они сами все расскажут...*

— Командир, — окликнул меня Олег, — к нам гости.

Это монахи начали движение в нашу сторону.

— Вижу. Можно не прятаться.

— Уверен?!

— Так Полоз сказал.

В полный рост мы прошли еще метров пятьсот и наткнулись на полосу выжженной земли в метр шириной. Полоса, судя по всему, была частью круга, охватывающая храм. Радиус данной окружности был около километра. Мои замерли возле нее.

— Полоз, это что?

— *Прикоснись к ней рукой.*

Я присел и положил ладонь на круг.

— *Нас ждали!* — сообщил Змей.

— Это я и сам знаю. Что это за хрень?!

— *Помнишь, когда вы были в подвалах Дракулы, Кощей поставил магический колпак?*

— Ну.

— *Эта полоска — граница нечто похожего. Отличие в том, что вы сможете туда войти, но не сможете выйти, до кончины одной из сторон. И еще одна особенность: внутри периметра все огнестрельное оружие станет бесполезным. Все горючие вещества там инертны.*

— Предполагается рукопашка?!

— *Именно.*

— А Коваль и Бойченко зайти смогут?

— *Нет.*

— Даже с нами?

— *Даже с вами.*

— Так, мы заходим?

— *Заходим, заходим! Вели своим принять зелье. Внутри мы должны войти одержимыми.*

Обрисовал парням ближайшие перспективы. Реакция была из цикла: нам, татарам, все едино — что резать, что трахать, лишь бы кровь рекой... Бойцы зажевали зелья обратного, Зяма разделся по пояс сверху, меня цапнул Полоз. Как только всех накрыло, мы шагнули внутрь. И, тишина... В том смысле, что мы слышали только себя. Остальной мир молчал.

А монахи прекратили движение, замерев в полукилометре от церкви.

— Полоз, — клекот Орла, — они стоят у такой же черты.

— Знаю, — бурчит он. — В сотне метров от церквухи должна быть третья, в десяти метрах — четвертая.

— Подтверждаю, — ответ Орла.

Я задрал голову: черной точкой в небе парил Олегов захребетник.

В пяти метрах от монахов и от второй черты мы остановились. Я выдвинулся вперед на пару шагов.

— Остановись, слуга Сатаны! — пафосно крикнул один из монахов, что был с посохом. — Именем Всевышнего, остановись!

— Заткнись, ущербный, — говорю я в ответ. — Мы не слуги Сатаны, а ты — не слуга Господа. Ты — такой же поганый язычник, как и мы. Поэтому заканчивай страдать херней и вали отсюда. Иначе с тобой будет то же самое, что и с твоими корешами.

От такого непочтительного ответа монах завис, а я подошел еще ближе.

— Короче, убогие, — с гадской ухмылкой продолжил я свой монолог, — мои командиры велели нам разнести вон то строение в клочья. И мы этот приказ выполним. При

этом, нам трижды наплевать: будут внутри люди или нет. Поэтому предлагаю вам отойти в сторону и не отвечать.

— Ты — умрешь, поганый славянин! — также пафосно заявил второй обладатель посоха.

— Ага, — улыбаюсь я, — только шнурки поглажу и побегу умирать, — я набрал воздуха в легкие и рывкнул: — С дороги, твари!

Потом меня что-то торкнуло изнутри, и я максимально людоедским тоном добавил:

— Русь идет!!!

А за спиной — вдруг волчий вой. Жуткий такой, аж до костей пробирающий. Короткий взгляд назад — мои воют. Все. Даже Зяма.

Монахам наше выступление очень не понравилось. Третий молчаливый гражданин, что был без палки, аж назад отпрыгнул... А обладатели посохов скрестили их и исчезли. Мгновение, — и они уже возле дверей в церковь.

— Красиво, — ухмыляется Марся.

А двери церкви открылись, и из них высыпало человек пятьдесят монахов. Они бодро построились в три шеренги и направились в нашу сторону.

— И все? — как-то разочаровано протянул Борька. — Чей-та маловато их...

— Боря, заткнись, — голос Ильдара. — Командир, мы идем?

— Идем.

— Работаем ножами? — поинтересовался Мамелюк.

— Ты — можешь ножами. А лично я — буду лопаткой.

Я снял рюкзак и быстро вытащил из него малую саперную лопатку. Порадовался остроте ее граней, несколько раз прокрутил лопатку в руке, разминая кисть и запястье, а в левую взял нож. Парни повторили мои действия.

— Ну что, други, покажем врагу: «Что значит русский бой удалый, Наш рукопашный бой!», — опять вспомнил я Лермонтова.

— Покажем. Ох, покажем! — кровожадно оскалились мои.

— Вах, вэй, за русский не обещаю, но я таки максимально напуган! — вальяжно заявил Зеймович, напоминая нам про его любимую поговорку, что «В мире зверя нет страшней, чем напуганный еврей!».

И мы перешли вторую черту!

Глава семнадцатая. Часть вторая: День сурка

Перешли, ага... Как перешли, так и встали. Наш внешний вид несколько видоизменился. Были мы в добротной снаряге британских САС с отдельными вкраплениями отечественных девайсов, а после перехода этого Рубикона мы все оказались в «афганках», кирзовых сапогах, касках и в советских бронеках открытого ношения. Ладно, хоть ножи и лопатки остались прежними.

— Это сейчас чего было?! — недоуменно разглядывали мы друг друга.

— Полоз, это чего?!

Змей выпрыгнул из меня, оглядел и расхохотался.

— Вот идиоты англо-саксонские, — ржал он, — даже тут все перепутали!

— Хвостатый, заканчивай ржать, — рыкнул я на него, — противник приближается! Это чего с нами произошло?!

— Эти полудурки, я про монахов, вместе с основным щитом поставили дополнение, но перепутали заклинание. Поэтому у вас не оружие исчезает, а меняется снаряга. Первый прыжок во времени — это афганская война. Вот, вы и выглядите, как воины-интернационалисты!

— И чего нам делать?!

— Как чего?! Британцев валить! Вперед, Русь!!!

Мы выстроились клином, в острие которого стоял я, и ломанулись на врага.

Пробежав двести метров, замечаем, что основной строй противника замедлил движение, и от него отделился монах. Он бежал к нам и орал:

— Поединок! Поединок!

— Полоз, чего он хочет?!

— Ты глухой? Он поединщика от вас ждет!

— Один на один? Как в стародавние времена?

— Именно!

— Замерли! — даю команду.

В десяти метрах от нас монах остановился.

— Поединок! — повторил он.

— Слышим, слышим. Как биться будем? Голыми руками или с оружием.

— С оружием, — самодовольно отвечает он и вынимает из-под рясы короткий меч.

— Добро, — улыбаюсь я и шагаю вперед. Когда до британца осталось три метра, он атаковал.

Стремительное сближение, шикарный рубящий удар. При этом удар с подвохом: на середине рубящего движения — остановка и короткий укол в шею. Так видели бой монахи.

А так видел бой я и мои головорезы: черепаха в рясе вальяжно разбегается, так же размахивается, наносит удар, по работе его кисти и предплечья видно, что будет смена направления удара, видно, куда и как он будет бить. Наконец, укол в то место, где (теоритически) была моя шея. Заковырка в том, что как только обозначился укол, я чуть сместился вдоль руки монаха и махнул лопаткой. Монах остался стоять, а часть его предплечья, кисть и меч продолжили движение. Но недалеко. Обрубок еще не упал, а я зашел монаху за спину и незатейливо чиркнул ему ножом по горлу. Ливанула кровяца. Я чиркнул второй раз, и его голова в моей руке. Со стороны моих головорезов вялые

аплодисменты.

— Микола, прихвати тело покойного. Как сблизимся с основной массой — кинешь его в них.

И голову я тоже приберег.

Я снова на острие клина, мы вновь несемся на строй противника. За пять метров до строя монахов я кидаю в них голову поединщика, один из них падает. И тут же в их строй врезается тело поединщика, уложив семерых. А мы прыгаем. Приземляемся за спинами британцев. Разворот и... возглас Борьки:

— А я?!!

Зяма не стал прыгать. Он не перепрыгнул бы. В итоге, картина маслом: напротив сурового строя английских монахов стоит полуголый русский еврей. Тощенький, запыхавшийся, с ножом в одной руке и саперной лопаткой в другой... Оч-ч-чень грозная картина...

— Живым не дамся!!! — гордо заявляет Борька и патетично принимает боевую стойку.

— Зяма, беги! — срываясь на смех, командует ему Ильдар.

Не зря Зимин говорил, что «храброе бегство» наш самый любимый прием в бою. Любимый и замечательно отработанный! Мгновение! И Борька уже в десяти метрах от строя монахов! И уверенно продолжает увеличивать дистанцию!!!

В этот момент мы атаковали англичан. Схватка была недолгой. Монахи кончились крайне быстро.

— Все целы? — вопрошаю я.

— Все! — доносится в ответ.

— Сань, глянь на Борьку! — хохочет Ильдар.

Оборачиваюсь. Два монаха, на свою беду догнали нашего Зяму. Один валялся с разрубленной башкой, а второй лежал и пытался закрыться от ударов нашего еврея. А Борька его запинывал. Запинывал и приговаривал:

— А нехрен... без спроса... руками... меня... хватать...

Судя по всему, они его догнали, но не стали рубить. Решили взять в плен. Ну, их и шибануло! На Борьке же не написано: «Не влезай! Убьет!». Первого он незатейливо грохнул, а над вторым решил поиздеваться.

— Ильдар, успокой Зяму, — командую я и поворачиваюсь к церкви. Я ожидал второй волны ее защитников, но вместо этого от церкви доносятся звуки то ли песни, то ли молитвы, а в глазах темнеет...

Мгновение, я снова вижу, мы все опять стоим перед третьей чертой! Пересчитываю своих. Все! Взгляд на поле боя, а там пусто! А у церквухи открывается дверь, и из нее выбегают защитники. Не монахи. Я пригляделся...

— Сань, а британцы в форме Второй Мировой, — это знаток истории в целом и Второй Мировой Воины в частности — Макс, подсказывает мне.

Еще один взгляд на противника: в их руках винтовки с примкнутыми штыками.

— Полоз, я правильно понимаю, что мы сейчас тоже будем выглядеть, как наши деды и прадеды, и пойдем в штыковую?!

— Именно! Я же говорил, что они все напутали! И каждая попытка будет отсылать всех нас на какой-то промежуток назад. Ну, не совсем нас, а лишь снаряжение.

— Интересный феномен! А трупы куда делись?!

— А их не было! Особенность заклинания в том, что их павшие вновь становятся

живыми!

— А если, кого из нас завалят?

— А вы, други мои, прижмуритесь по-настоящему!

— Вот, суки! — высказал наше общее мнение Марся.

— Кстати, Полоз, а до какого момента время будет отматываться назад?

— Не знаю, друг мой. Но не это главное. Вам нужно перейти через третье кольцо! Пока вы его не пересечете, британцы будут возвращать вас на исходную!

— Понял! Вперед!

Мы перешли черту.

В моих руках «Мосинка». На мне форма Советской Армии времен Великой Отечественной. Я рядовой. Проверяю затвор. Пусто. Даю команду:

— Примкнуть штыки!

— А мне что примыкать?! — возмущенный возглас Борьки. Сморю на Борьку. Передо мной стоит офицер! Судя по всему, политрук!! Он уныло смотрит на «ТТ»...

— Зяма, сволочь ты, а не боец! — вздыхает Ильдар. Татарин в форме моряков-черноморцев. Оглядываю своих. Офицеров, кроме Борьки, больше нет. Но и в солдатскую форму одеты не все. Есть пара ополченцев, три партизана, а Термит вообще в полосатой пижаме.

— Полоз, а чего нас так по разному «разукрасило»?!

— Вас нарядили в соответствии с формой ваших предков. Кто из них кем воевал, так вас и экипировали!

— Термит, твои предки были в плену?

— Да. Прадед со стороны отца полтора года в лагере просидел... — с ненавистью цедит Ленька. Ленька не заикается. Ленька в бешенстве. Ленька будет мстить за предка...

Я припомнил своего прадеда Федора. Точно, мой предок был рядовым, пришел после Сталинграда. Контуженный и с тремя осколками в теле. С ними и прожил до смерти.

— Это что, — возмущенно гундит «партизан» Микола, — предки нашего еврейчика офицерами были?!

— Я бы попросил! — задрал нос Зяма. — Где субординация, рядовой!

— Заглохли оба! Парни, наша задача добратся до третьей линии! Иначе, мы так до второго пришествия переодеваться будем. Все поняли? Не уничтожение противника наша цель, а прорыв к третьему кольцу! Зяма, ты остаешься тут. Остальные, приготовились...

— Командир, — перебил меня Борька, — можно я!

— Чего ты?!

Зяма поправил пилотку, встал в направлении позиции англичан, правую руку с пистолетом поднял вверх, а левую отвел в сторону, встав к нам в пол оборота.

— За Родину!!! — прокричал Борька. — За Сталина!!!

И сорвался в атаку...

Конечно, мы его обогнали. Когда Зяма добежал до нас, мы почти прорвали фронт англичан. И опять звуки молитвы, опять темнота, опять мы стоим за чертой.

— Твою мать!!! Вперед!!!

Мы перешли черту.

Теперь я офицер Белой армии. Странно! О подобных фактах в истории моих предков я не слышал... В руке не винтовка, а сабля.

— Ну, вашу же мать! — стон Борьки и ржание моих. Расталкиваю бойцов Красной

армии, махновцев, казаков, матросов, вооруженных рабочих и тоже сгибаюсь от смеха. Перед нами во всей своей ужасающей красе стоит Зяма! Черные брюки, заправлены в отличные сафьяновые сапоги, белая рубаха, поверх рубахи черная жилетка, из кармана которой свисает золота цепочка (видимо от часов). На голове у Зямы черная с широкими полями шляпа, из-под шляпы свисают пейсы! В правой руке у него — Тора, а в левой — еврейский семисвечник!!!

Зяма в бешенстве срывает шляпу, грохает ее оземь и начинает на ней прыгать, грязно матюкаясь матюками.

— Боря, командуй! — ржу я.

— В смысле?! — не понял он.

— Как до этого. Ну, как политрук!

Зяма задумался, понял и, еле сдерживая смех, вышел перед строем. Он поставил семисвечник на землю, Тору засунул под брючный ремень, встал к нам в пол-оборота, большой палец левой руки он заложил за жилетку, правую воздел вверх и толкнул речь:

— Това'шци! 'Иволюция, о кото'ой так долго гово'или большевики, свей'шилась!

Потом встал в позу политрука, Тору взял в левую руку, семисвечник в правую, и проорал:

— Впе'ёд! На ба'икады!!!

Атака.

Нас снова выкинуло за третью черту.

Мы материмся, и снова шаг.

Я — матрос, защищающий Крым. Атака, темнота, третья черта...

Я — солдат Кутузова, на Бородино. Атака, темнота, третья черта...

Я — солдат армии Суворова. Атака, темнота, третья черта...

Я — воин Минина и Пожарского. Атака, темнота, третья черта...

Я — стрелец Ивана Грозного...

Я — воин...

Я — воин...

Я — воин...

И снова шаг.

На меня навалилась тяжесть. Осмотрелся. На мне кольчуга, за спиной (судя по форме) варяжский щит, в одной руке длинный меч, во второй легкая сабля. *Я* смотрю на поле боя сквозь глазницы шлема. Снял его, повертел в руках. Шлем тоже варяжский.

Взгляд на своих. Часть из них, как и я, варяги, а мои татары экипированы как кочевники и у них луки!

— Ну, наконец-то! — радостный возглас Борьки. На нем легкий доспех (богатый доспех), легкая сабля на поясе, а в руках большой лук. Гораздо больше, чем у других «степняков».

— Саня, кто мы? — устало спрашивает Ильдар.

— Судя по снаряге, мы — войско одного из первых русских князей.

— Владимира?

— Нет. Если судить по берегам на снаряге, мы воины дохристианской Руси. Например, Святослава или Олега Вещего. Но, не это главное. Главное, что у вас луки!

— А я кто?! — Борька удивленно разглядывает сам себя.

— А ты, дружище, скорее всего, воин Хузарского Каганата. Воин, об умении которого стрелять из лука, слагали легенды. А, ну, стрельни в противника!

Зяма с сомневающимся видом вытащил стрелу из колчана, натянул тетиву и выстрелил. Из строя английских рыцарей вынесло одного.

— Попал! Я попал, командир! — радостно подпрыгнул Зяма.

— Однако! — восхищенно пробубнил Микола.

— Так, остальные кочевники, дайте-ка залп по противнику, — распорядился я.

Выстроились, натянули тетивы, залп. Попали!

— Сашко, — окликнул меня Микола, — как будем атаковать?

Я задумался.

— Играем в шахматы, Зяма, ты — пешка!

— В каком смысле? — не понял он.

— Слушайте сюда: пехота строится клином и начинает движение в сторону противника. Стрелки в этот момент выбивают их центр. Как только мы входим в контакт, стрелки перемещают весь огонь на правый фланг, к которому ты, Зяма, несешься со всех ног. После того, как фланг будет прорежен, мы смещаем направление атаки, а стрелки бегут нам на подмогу. Зяма стоит и ждет, когда они схлестнутся с британцами. Как только мы все увязнем, ты, Борька, чего хочешь делай, хоть ужином, хоть птицей, но должен обогнуть место боя и добежать до той долбанной черты! И учти: если тебя грохнут, повторного воскрешения не будет! Князя с нами нет!

Я оглядел своих.

— Вопросы есть? Если нет, то строимся. Микола, ты во главе клина.

Мы построились, стрелки вскинули луки.

— Русь! — ору я.

— Перун!!! — неожиданно отвечают мои.

Начался разбег. Из нас рвется волчий вой, вспоминаю, что это варяжский боевой клич. Над нами летят стрелы. Хорошо летят, кучно и точно. Мы прошли половину пути, а британцы начали перестроение, закрывая существенно прореженный центр. Обстрел прекратился. Контакт! Лязг, грохот, крики англичан, мат моих. Щит закинул за спину и работаю двумя руками, выжимая из организма все силы. Краем глаза замечаю, что правый фланг противника подвергся обстрелу.

— Микола, разворачивайся вправо!

Хохол откинув щитом двух противников и, страшно заревев, начал движение. Парни нас поддержали. Почти тут же прекратился обстрел. А мы встали. Англичане уперлись крепко. Пытаемся прорваться, и тут в бой влетают стрелки. Стало веселее!

— Зяма, пошел! — орет Макс. Мы машемся, как сумасшедшие! И тут британцы понимают нашу хитрость. Отдельные особи пытаются пойти на перехват еврея, но мы их косим. Со стороны храма слышится молитва, я ищу взглядом Борьку, а он добежал! За пару метров до той гребаной черты он просто прыгнул, пролетел над ней, грамотно приземлился, вскочил, застрелил двоих британцев, что бежали к нему, и радостно заорав пустил стрелу в сторону храма.

Молитва смолкает. Из церквухи выскакивает один из обладателей посоха, что-то орет и втыкает его в землю.

Замечаю, как от посоха исходит нечто, напоминающее ударную волну. Она накатывается на нас, нас подбрасывает, и — темнота.

Глава семнадцатая. Часть последняя: Иерарх и компания

Раньше, чем восстановилось зрение, у меня включился слух. Рядом переговаривались знакомыми голосами. Один из них точно принадлежал Ковалю.

— О! — проорал Леха, — кажись Бармалей в себя приходит!

Пауза, и кто-то сильный, местами страшный, но добрый насмешливым тоном произнес над моим ухом:

— Сашка, вот учишь вас, мудаков, учишь. И один хрен, ошибки делаете! Вот, на кой болт, вы Зяму вперед пустили?! Не могли Вартанчика отправить?!!

Мозг еще не понял, кто со мной говорит, а организм уже начал подниматься. Но меня прижали рукой к земле и скомандовали:

— Да, лежи ты!

Я открыл глаза. В пределах видимости маячил Коваль, а рядом со мной, уперев руку в мою грудь, сидел улыбающийся Шуровкин!!!

— Николаич?!! — не поверил я.

— Привет, Сашка! — улыбался он. — Как ты, воин земли Русской?!

— Пока не знаю, — пробурчал я, все еще не веря в происходящее. — Леха, это Шуровкин?!

— Ага! — кивает головой Коваль. — Мы сами офонарели, когда они на нас вышли!

— Охренеть!!!

Я убрал руку Карпа и сел.

— Как мой?!

— Все тут. Все живые, — ответил Леха. — В себя начинают приходиться.

— Леха, а почему ты сказал — «они пришли»?

Коваль не успел ответить. Я услышал диалог и сразу понял, кто пришел с Шуровкиным:

— Мамелюк, ты глянь, кого нам усиление прислали!!!

— Олег, ущипни меня! Это же Тунгус! Привет, Мастер!

— Привет, охламоны, — отвечает им тот.

— Ух ты, — продолжает удивляться Олег, — и Шуровкин тут! И Оглы!! И Гаага!!! Сан Саныч, а Киса где?!

— Дома остался, — отвечает Гаага. Они еще что-то говорили, а я обратился к Шуровкину.

— Николаич, что происходит? Как вы попали за черту?

— Сейчас все объясню. Поднимайся, — он повернулся к остальным и продублировал команду: — Подъем. Стройся.

Для начала слово предоставили Ковалю. Из рассказа Лехи вырисовывалась следующая картина: в соответствии с ранее согласованным планом «Закат» и «Север» совершили обходной маневр и встретились в условленном месте. После этого они начали движение в сторону церквухи. Наткнулись на первый круг и встали. В прямом смысле этого слова. Внутрь они не могли попасть. Ни ножи, ни автоматы, ни гранаты в этом им не помогли. Парни загрузили. Тут они заметили нас внутри периметра и замерли в ожидании.

Они видели все: и переговоры, и поединок, и первую схватку, и первый вынос за кольцо. Видели, как меняется наша снаряга, как мы раз за разом не могли дойти до второй черты.

В общем, они с напряжением наблюдали за внеплановой реконструкцией. Наблюдали, переживали и крошили свою зубную эмаль от бессилия. Так было до тех пор, пока мы не стали варягами и степняками.

Мы атаковали. Драка. Проход Зямы за третье кольцо, его выстрел, выступление монаха с посохом и вынос нас за третий круг.

Именно в этот момент перед парнями материализовались наши препода. Из воздуха. Первое, что сделал Шуровкин: обложил всех матом и пинками погнал к нам, лежащим в отрубе. Ибо проход Зямы сломал заклинание. «Закат» и «Север» моментально взяли нас в кольцо и занялись осмотром наших тел. Осмотр не выявил ничего криминального, а слова Шуровкина о том, что мы сами скоро очухаемся, нашли сове подтверждение через несколько минут.

— Николаич, — после окончания рассказа Ковалем я обратился к Карпу. — Какие будут распоряжения?

Да, теперь командует Шуровкин. И неважно, что с ним прибыли еще три полковника. И все «забыли», что Леха тоже полкан.

— Как что? Будем ломать церквуху, — нехорошо улыбнулся он. — Но для начала, Саша, я бы хотел пообщаться с твоим захребетником.

Стоп, мелькнула у меня мысль, а почему Шуровкин и компания говорят и двигаются с той же скоростью, что и мы?!

«Последняя атака монаха вывела вас из состояния одержимости», — звучит в голове подсказка Змея.

«— Ты выходишь-то будешь?».

Вместо ответа он вынырнул из меня, но расположился рядом, касаясь меня хвостом. Присмотрелся к Шуровкину и чуть кивнул ему головой в знак приветствия.

— И тебе не хворать, зверь языческий, — поприветствовал Полоза Карп. В этот момент Змей увеличился в размерах, поднялся на хвосте, чуть подал голову вперед, пристально всматриваясь в Карпа.

— Эва оно как! — воскликнул Полоз. — Саня, ты знаешь кто это?!

Он повернул голову ко мне.

— Рискну предположить, что не только мой препод?

— Правильно рискуешь. Это его срисовала Бетти. Это он зачищал за тобой...

— Это Пересвет?! — ошарашенно воскликнул я.

— Кто?! — переспросил Шуровкин.

— Он, — подтвердил Змей.

— Вот же, ежики мохнатые!!! — только и смог промямлить я.

— Саня, о чем он? — нахмурился Карп.

— Он, Николаич, о том, что несколько дней назад в Северной, мать ее, Ирландии ты встал на мой маршрут и шел за мной, пока я не грохнул престарелого Пуаро. А потом пошел за мной в обратку, завалив остатки САСа. Тех, кого я не грохнул. При этом ты так быстро перемещался, что можно только позавидовать! Не говори мне, что это не ты!

— Вычислили, значит, — прикусил губу Карп. — Добро. А почему вы меня Пересветом назвали?

— Это аналогия, — пояснил Полоз. — На примере Пересвета я объяснил Сашке — что ты из себя представляешь.

— Ты здорово польстил мне, Змей, — пробурчал Шуровкин. — Приятно, когда

языческое зверье ставит меня в один ряд с такими Воинами!

— Для чего ты хотел меня видеть, Воин? — в голосе Полоза звучало уважение.

— Нам нужно решить: как именно мы разнесем вон то капище, — махнул рукой себе за спину Карп.

Полоз присмотрелся к церквухе. Потянул носом воздух, прикрыл глаза и сообщил:

— Пехоту они больше не выставят. «Урал» прорвал три кольца. Следовательно, их монахи будут бессильны против нас. У них в запасе три козыря: воин-от-христианства, воин-от-язычества и слуга Сатаны. Если против первого у нас есть чем ответить, — Змей глянул на Еаагу, Тунгуса и Оглы, — против второго тоже, — кивок Шуровкину, — то, как поведет себя сатанист, я не знаю. Судя по всему, у него в запасе только одно заклинание. Но какое именно, сказать нельзя.

— Будет как в Германии?

— Нет. Он слишком слаб.

— Кто от них начнет?

— Христиане. Потом язычники. Сатанист — их последний шанс.

— Добро. Гаага, Оглы, Тунгус, готовьтесь. «Урал», жрите свои «мухоморы», остальные сидят смирно и не отвечают.

Мои дружно зажевали зелье. Преподы тоже что-то проглотили. А Шуровкин вытащил из бесформенного чехла здоровенное копьё!

— Одержимые, — командует нам Карп, — начинайте движение к зданию. Как только из него выйдет воин, вы останавливаетесь и ждете команды. Как только с воином будет покончено, медленно двигаетесь дальше. Из здания выйдет монстр. Вы снова ждете. А потом... Потом видно будет! Вперед!

Мы выстроились цепью и двинули. На нас прежняя снаряга, та, в которой мы и прибыли. В руках лопатки и ножи. Мы под предводительством православного иерарха идем ломать чужую церковь. Или капище, кому как нравится.

Не прошли и двухсот метров, как из церквухи выскочил монах с посохом, вскинул его, что-то проорал, что-то вспыхнуло перед ним, и на его месте возник рыцарь! Весь в латах со здоровенным двуручным мечом метра три ростом.

— Замерли, — командует нам Шуровкин. — Горыныч, твой выход.

— Кто?!! — обернулись мы.

Мимо нас пронеслись наши преподы. Они бежали в сторону рыцаря. Метров за триста до него они пошли на сближение друг с другом, такая же вспышка, и на их месте возник... Змей Горыныч!!!

От удивления я сел на задницу.

А Горыныч встал на задние лапы, покрутил головами, будто разминая шею, пыхнул поочередно каждой из голов огнем и вальяжно пошел на сближение с противником.

Рядом с нами остановился Карп.

— Николаич, это чего?!!

— Не чего, а кто, — усмехается он. — Ослеп что ли? Это Горыныч. И вы, кстати, с ним уже виделись!

— Ага, — охреневше бормочет рядом Марся, — когда вампиров валили...

А Горыныч, он же — три наших препода, добрался до рыцаря, ускорился, дыхнул в него пламенем, а как только рыцарь закрылся от пламени щитом, последовала вспышка, а на месте Трехголового появились преподы. Они шустренько оббежали противника, снова

вспышка, и за спиной у рыцаря, который осторожно выглядывает из-за щита, туда, где никого нет, стоит наш единоборец.

Рыцарь почувал движение за спиной и собрался обернуться. В этот момент он был пойман за руки, поднят в воздух, три головы одновременно сделали «клац», и на землю рухнуло безрукое и безголовое тело. Горыныч выплюнул куски англичанина и взмахнул крыльями. Мгновение, и Трехголовый приземлился позади нас.

— Ай, молодца! — похвалил его Шуровкин.

— Сами знаем, — ответили преподы, «превратившись» в людей.

В наши открытые от удивления рты мог залететь средних размеров самолет.

— «Урал», маму вашу арестовали, — рыкнул Карп. — Закрыли хавальники и продолжаем движение!

Мы, как сомнамбулы, поперлись дальше.

А на сцену вышел новый представитель британской самодеятельности. Набор его фокусов ничем не отличался от предыдущего покойника с той разницей, что вместо рыцаря на сцене появился человекообразный монстр с головой дракона. Он страшно взревел и плюнул в нашу сторону огнем. Не доплюнул.

— Теперь ты, Андрюха, покажи силушку богатырскую, — улыбаясь обратился к Шуровкину Гаага.

— Легко! — ответил он. Шуровкин перехватил копьё поудобнее и резко сорвался с места.

Монстр приготовился. Вот Карп вышел на идеальную дистанцию для броска, вот он заносит назад руку, противник как пружина, а Шуровкин делает ускорение, стремительно приближается к драконоголовому, тот меняет стойку, готовясь к рукопашной, а в этот момент Шуровкин кидает копьё.

Если бы не одержимость, я бы не заметил ни броска, ни полета.

Копьё, пробив зверя насквозь, пролетело еще метров десять и глубоко вонзилось в землю. Карп же, не снижая скорости, обогнул заваливающего монстра по дуге, выдернул копьё и вальяжно подошел к дергающемуся в конвульсии противнику.

Присмотрелся, сплюнул и не спеша пошел в нашу сторону.

— Шуровкин, — крикнул Полоз, — я бы на твоём месте не выпендривался, а быстренько отбежал бы на безопасное расстояние!

— Ты о чем?

— Обернись.

Карп обернулся. Из церкви выбежал третий гражданин, который был без посоха. Шуровкин не стал выпендриваться и гвардейским рывком вернулся в наши ряды.

— Сатанист? — спросил он у Змея.

— Ага, — процедил тот.

— Ну, посмотрим...

Указанный монах-сатанист картинно воздел руки в небо и что-то начал орать.

— Может, в него нож кинуть? — высказал рационализаторское предложение Олег.

— Бесполезно, — одновременно ответили Полоз и Карп.

Монах, судя интонации, вышел на финишную прямую и ударил кулаками в землю.

Мы напряглись. Однако ничего не происходило.

— И чего это было? — робко поинтересовался Марся.

— Полоз? — протянул Карп.

— Сейчас всем вам мало не покажется!!! — восторженным и очень счастливым тоном произнес Змей.

— Нам?! — я зацепился за его слова.

— Вам, вам!!! Заткнись и наслаждайся!

Я обратил свой взор к монаху. В нескольких метрах от него начал закручиваться небольшой смерч. Минута, и смерч увеличился в диаметре до пяти метров и поднялся метров на десять. Он становился все темнее и темнее. Наконец он остановился, и в нем появилась пятиметровая фигура в темном балахоне.

— Кто призвал меня?! — резанул по ушам голос.

Я понял, что меня накрывает паника...

Глава восемнадцатая. Невеста Полоза

— Кто призвал меня?! — звучало в моей голове. А я, лежа на спине, отталкиваясь лопатками, пытаюсь уползти от возникшей фигуры. Ловлю себя на мысли, что еще немного, и я обоссусь. Мое тело и разум захлестнул первобытный ужас! Он неконтролируемый, этот ужас! Состояние, когда работает только один инстинкт, и инстинкт этот — выжить! Выжить любой ценой! Когда ты забываешь обо всем! И одно желание: бежать! Меня так накрывало только в детстве, в далеком детстве. Но с тех пор многое изменилось. Я стал другим, многие принципы наглухо перекрывали жажду жизни. Некоторые рефлексы были сильнее!!!

А сейчас... у меня выключилось все.

Бежать! Бежать!! Бежать!!!

Я полз и орал. Орал от ужаса...

«— Саня, в душу тебе нагадить, — звучит насмешливый голос Полоза, — ну, чего ты меня позоришь?!»

— Па-па-па-шел ты!!! — отзываюсь я не хуже Термита.

— *Стыдоба!* — усмехается Змей, а у меня перед глазами встают образы моей семьи».

Жена, дочка... и страх начинает отползать.

Полоз, вытащив из моей памяти образы тех, за кого я умру не задумываясь, но перед этим порву всё и вся, заставил меня остановиться!

Инстинкт (или рефлекс) защитника медленно гасит желание жить. И появляется желание драться, для того, чтобы обезопасить моих девчонок!

«— *Давай, Сашка. Давай!* — шепчет Змей. — *Ты должен подняться!*».

Я уставился в небо.

«— Княже, дай мне сил! — взмолился я, — не дай подохнуть с позором!

— *Он не слышит трусов!* — все также насмешливо сообщает Полоз. — *Сам давай! Сам!!*».

Из моей глотки рвется рык... крик... ор... Динозавра я бы переорал!

Отталкиваюсь лопатками от земли и прыжком встаю на ноги.

— Всех убью — один останусь! — сообщаю я окружающим. А рядом пусто. В трех метрах от меня, упав на одно колено, стоит Шуровкин. Судя по позе — молится. Рядом со мной, справа и чуть сзади Полоз. И все.

Оборачиваюсь. В метрах пятнадцати позади нас мои раздолбай, а также преподы продолжают медленно отползать. Именно отползать. Отползать, оставляя за собой влажный след... «Закат» и «Север» не видно. Или смылись, или закопались. Ни тех, ни других, я не осуждаю!

Делаю глубокий вдох, все еще борясь с диким желанием напрудить себе в штаны.

— *Ты встал, Сашка!* — радуется Полоз. — *Ты — воин!!!*

— Это кто?!

— *Сейчас узнаешь,* — усмехается он.

— Кто призвал меня?! — еще раз интересуется фигура в черном. Я кое — как удержался, чтобы не стартовать вслед за моими, одновременно орошая негостеприимную землю Англии. Сдержался. Мелькнула мысль, что голос, которым говорит явившаяся фигура, похож на женский.

— Я призвал тебя, о Всесильная... — кое-как простонал с земли третий монах.

— Ты?! — удивилась Всесильная и повернулась к нему передом, а к нам задом. Черная ряса, капюшон на голове... монахиня?! И тут в правой руке у этой «монахини» я заметил косу... Косу!

КОСУ!!!

Здоровую такую! Выше ее...

— ПОЛОЗ! СУКА!!! ЭТО ЖЕ СМЕРТЬ!!! — ору я, мои ноги подкашиваются, и начинаю оседать. Моя задница еще не коснулась земли, как Змей отвесил мне такого пенделя, что я снова принял вертикальное положение.

— Стой ровно, трус несчастный!

— Да, я, — перепуганный монах нашел в себе силы ответить Смерти.

— И что ты хочешь, слуга Сатаны? — насмешливо, как мне кажется, интересуется Смерть.

— Чтобы ты забрала жизни моих врагов! — истерично визжит монах. — Их много, они сильные, тебе понравится!

— Еде они?! — заинтересовалась хозяйка косы.

— Тут мы, радость моя!!! — раздается из-за моей спины голос Полоза. — Тут, моя красавица!

Смерть резко обернулась и откинула капюшон. Серое лицо, длинные серые волосы, правильные черты лица, можно сказать, что красивые...

— Полоз?! — шипящим шепотом, не веря тому, что она услышала, уточняет Смерть.

— Иди ко мне, мое ладо! — и Полоз пошел в ее сторону, подняв вперед руки, словно ждал, что она бросится к нему, и он ее обнимет!

Руки... у Полоза...

Он идет...

Моя крыша начала заваливаться на бок. У Полоза был человекообразный вид. У него появились руки, ноги, голова! При этом он не был «голым», сапоги, штаны, доспех (как у варяга или викинга), шлем, откиннутый на затылок. Он был больше Миколы. И он весь был стального цвета.

— Полоз! — дрогнувшим голосом вскрикнула Смерть. При этом оттенок голоса был не таким, когда она обращалась к монаху. Это был голос женщины, которая после долгой разлуки наконец встретила своего мужчину... Таким же голосом кричала моя жена, когда я, будучи в отпуске, приперся к ней на работу...

— Полоз!!! — она резко уменьшилась в размере, став такой же, как Змей. Уменьшилась и бросилась к нему. А Полоз шел к ней все также с раскрытыми объятьями!

Пока Смерть неслась к нему, ее коса упала. Она, в отличие от хозяйки, не уменьшилась, а утратив опору, это орудие, естественно, упало. И прямо на монаха...

И вот, Полоз и Смерть стоят обнявшись. Смерть уткнулась ему в плечо и, судя по всхлипам, рыдает... А Змей ласково гладит ее по голове...

В трех метрах от меня, уже сидя на заднице, хрипит Шуровкин, силясь что-то сказать. Кое-как подхожу к нему, хватаю его за шиворот и оттаскиваю от влюбленной пары метров на пять.

Сую ему фляжку, он делает пару хороших глотков и поднимает на меня голову:

— Ты не обоссался?!

— Нет, но это жгучее желание все еще терзает мой организм. А ты, Николаич?!

— Аналогично, — он еще раз хлебнул из фляжки и кивнул в сторону Полоза и

Смерти, — Саня, это же Смерть?!

— Ага, — я отобрал у него флягу и тоже хорошенько в ней приложился.

— Ты знал? — от его вопроса я подавился и закашлялся.

— Вижу, что нет, — он слабо улыбается. — Нужно у них узнать, что нам делать дальше?

— Да-а-а-а?! — с крайней степенью охренения в голосе удивляюсь я. — А спрашивать ты пойдешь?!

— С чего баня-то сгорела?! Там твой захребетник Костлявую за жопу держит, ты и спрашивай!!!

— Андрей, она не костлявая!!! — не поворачиваясь к нам, заявляет Полоз.

— Мудак, ты, командир! — вдруг обиделся я за Змея.

— Кто не костлявая? — рискнул уточнить Шуровкин, уклонившись от моего подзатыльника.

— Ни жопа, ни ее обладательница! — отвечает Змей. Судя по тону — он улыбается.

А его подруга (Господи, кто бы мог подумать...) выглянула из-за его плеча и пробежалась по нам взглядом. Чувства ужаса и паники у меня не возникло. Меня рассматривали с чисто женским любопытством, при том не как самца, а как дом, в котором этот самец обитает. Как недвижимость, блин... Еще появилось ощущение того, что меня «причислили к разряду своих».

А Шуровкину ее взгляд не понравился. Карп напрягся. Было ощущение, что он приготовился к «храброму бегству».

— Николаич, не бзди. Нас не тронут!

— Откуда такая уверенность?! — он нервно сглотнул. — После ее взгляда у меня вся жизнь перед глазами промелькнула...

— Не тронут, — с непонятной мне самому уверенностью заявил я.

— Не ссы, Андрюха, — поддержал меня мой захребетник. — Все под контролем!

Смерть что-то прошептала ему на ухо. Полоз разомкнул объятия, и они подошли к нам. В обнимку. Языческий Иерарх и Смерть.

— Знакомьтесь, — улыбаясь во все (человеческие) зубы, заявил Полоз, — моя давняя и единственная любовь — Смерть.

— Мне бы с тобой еще раз познакомиться, — бестактно заявляю я Змею, намекая на его вид.

— Не обращай внимание. Я таким ей больше нравлюсь. И не отвлекайся, хамло.

Он поцеловал Смерть в макушку и продолжил:

— Родная, знакомься, этот невоспитанный засранец — Сашка Трофимов, мой носитель.

— Смерть, — улыбнулась она и протянула мне руку.

— Бармалей... то есть Александр, — споткнулся я, взял ее изящную кисть и, стараясь сгладить свою невоспитанность, прикоснулся к ней губами. По носу резанул запах, что исходил от руки. Я чувствовал его неоднократно на этой войне. Запах пороха, оружейной смазки, крови, сгоревшей и сгнившей плоти...

Я отпустил руку и поднял на нее глаза.

— Твое обоняние тебя не обмануло, — кивнула она. Она очень внимательно на меня смотрела, а потом выдала:

— Змей, а вы похожи! А кто этот воин? — кивок в сторону Карпа.

— Это Андрей Шуровкин. Православный воин. Пересвет, так сказать, нынешнего разлива.

— О! — восхитилась она. — Приятно, что среди русичей еще есть такие богатыри! — она протянула ему руку: — Смерть.

— Андрей, — просипел Шуровкин и очень осторожно пожал ей руку.

— А там кто? — показала за наши спины Смерть.

— Сашкины подчиненные, — хохотнул Полоз. — И три инструктора из «Валгаллы».

Смерть присмотрелась и крикнула:

— Горыныч, а ты-то куда побежал?!

— Да, пошла ты, сука серая! — прилетел в ответ крик Гааги.

— Идите сюда, недоумки, — улыбалась она.

— На хрен тебя, зараза!! — орет Тунгус.

— Нам прошлого раза хватило!!! — голос Оглы.

— Какие они злопамятные, — рассмеялась Смерть.

— Ну, — ухмыльнулся Змей, — после того раза я бы на их месте тоже от тебя держался подальше...

— Это... как оно, — я рискнул перебить влюбленную пару, — вы ничего не хотите рассказать?!

— А нужно? — поинтересовался Полоз.

— Хотелось бы, — промямлил я. — Шуровкина, вон, тоже от любопытства распирает...

— И ничего меня не распирает, — пробубнил Карп.

— Экскурсы в далекое прошлое будут потом. Давайте вернемся в суровую действительность! Сладкая моя, какие у нас планы на ближайшее будущее?

— А ты не знаешь?! — толкнула она его локтем бок.

— Это понятно, но я не про нас. Я про того недоумка, что лежит под твоим орудием труда!

— Ой, я совсем забыла про него, — она оторвалась от Змея и направилась к монаху, лежащему под ее косой.

Через пару минут монах стоял в паре метров от нас. Сказать, что он имел бледный вид, не сказать ничего: цвет его лица менялся, как у хамелеона. Ручки, ножки дрожали. Внятно он не говорил.

— Зачем Герасим утопил Му-му? — глядя на монаха, вспомнил Шуровкин незабвенный хит Кочана и Кортнева.

Я улыбнулся. Полоз захохотал.

Через десять минут объединенными усилиями вернули монаху дар речи, хотя я предлагал его зарезать.

— Значит так, смертный, — оперевшись на Полоза начала Смерть. — За то, что ты так удачно призвал меня, — она погладила Змея по щеке, — я не стану забирать твою жизнь. Теперь о той цене, что ты предложил. Ее я принять не могу. Во-первых, моему мужчине жизнь дала Мать-земля, и забрать ее может только она. Во-вторых, забирать жизни двух смертных я просто не хочу, так как мой мужчина «против». Ты против, Полозущка?

— Кто?! — прыснул я от смеха.

— Против, моя сладкая, — его ответ Смерти.

— Заткнись, малохольный, — это мне.

— Соответственно, для выхода из сложившейся ситуации я предлагаю поединок.

— Смерть, извини, что перебиваю, — вмешался я, — а о какой ситуации мы говорим?

— Видишь ли, Бармалей, — она повернула голову в мою сторону, — существо, которое

призывает меня ритуалом, должно заплатить мне соответствующую цену. И цена эта — жизни ему подобных. Если жизнью нет, я забираю жизнь призвавшего. У меня есть право выбора, но нет права на отказ. Чтобы было понятно, я поясню на вас.

Мычащее английское недоразумение, использовав заклинание, призвало меня. Его цель — ваш отход в мир иной, вы же — плата за вызов. Полоза я не смогу порешить даже, если бы у меня было желание. Остаются вы двое. Но, благодаря Змею, косить вас я не собираюсь. Если Шуровкина я бы еще «прибрала», то трогать тебя мне нет резона! Чем дольше ты на этом свете, тем дольше Полоз тут. Однако и Шуровкина я не буду трогать, так как Змей «против».

Но! Коль меня вызвали, то мне нужно кого-то скосить. Английского заику я трогать не могу, он предложил хорошую цену, значит, будет поединок. И кто в нем скопытится, тот и будет платой за мой приход.

— Я ж говорю: давайте я его зарежу! — поняв, о чем речь, сходу предложил я.

— Ха! — воскликнула Смерть, — не все так просто! Нужно спросить у англичанина: будет ли он биться сам или выставит поединщика. Елядя на его рожу, я уверена, что вместо себя он выставит другого. Поэтому, — она повысили голос, не давая мне ее перебить, — я настоятельно советую тебе, Сашка, не рваться в бой. Ты не настолько хорош, чтобы справиться с поединщиком англичанина. А присутствующий тут Воин Всевышнего сможет победить. Ты меня услышал, Андрей?

— Да, — отозвался Карп. — Кто будет биться за британца?

— Это мы сейчас и узнаем, — Смерть повернулась к монаху. — Смертный, ты будешь биться сам или призовешь поединщика?

— П-п-п-поединщика!

— Тогда делай это быстрее! Мне не хочется ждать долго...

Англичанин закрыл глаза, что-то пробормотал, и его фигура начала расплываться. Он вырос до трех метров, существенно раздался в ширину и начал вонять. Тянуло от него отвратительно. Наконец, он обрел резкость, и перед нами стояло... нечто... Серо-зеленая голова, покрытая язвами и наростами. Три глаза, один из которых был закрыт бельмом. Крючковатый нос, вполне человеческий рот с синими губами, мощные руки такого же цвета, что и голова. Он был в красном балахоне. В руках, их было две штуки, два меча, напоминающие катаны. Это нечто шумно выдохнуло, оглядело нас и сказало:

— Кого мне нужно убить?

— Попробуй меня, — с улыбкой ответил Карп.

Существо повело плечами и подняло мечи.

— Приготовься...

А Шуровкин атаковал. Первый же выпад копьем, и на роже соперника шикарный порез. Карп начал в своем духе: подленько, без предупреждения, жаль, что не со спины.

Противнику это не понравилось. Он зарычал, встряхнул головой и следующий выпад Карпа принял на мечи.

Я отпрыгнул назад, чтобы не попасть под удары. Полоз и Смерть так и остались на месте, демонстрируя вялый интерес к схватке.

А схватка набирала обороты. Шуровкин бешено атаковал, удерживая крупного противника на дистанции. Тот успешно отбивался, но сократить дистанцию не мог. Если бы не одержимость, я бы не смог разглядеть выпады и удары поединщиков. Все происходило крайне быстро.

Обманка со стороны Карпа, и красный балахон был разрезан по диагонали. Монстр взревел. И пошел в атаку. Карп пятился, но дистанцию держал твердо. От соприкосновения копья и мечей взлетали искры.

Тут Шуровкин словно споткнулся, в его обороне возникла маленькая брешь, в которую тут же сунулся «англичанин». Как оказалось, это была ловушка, о чем поведал сам монстр, снова взревев и потеряв один глаз. Тот самый, что был закрыт бельмом.

Наблюдая за действиями «монаха», я уловил алгоритм его движений. После увода удара копья в сторону, он делал полшага вправо, и в этот момент его шея (на мгновение) оставалась открытой.

Ткнуть туда копьем Шуровкин просто не успевал, а я решил попробовать.

Очередная атака, клинки в сторону, шажок, и мой нож втыкается «англичанину» в шею.

— Наконец сообразил! — рычание Шуровкина.

Крик и прыжок назад — реакция монстра.

— Полоз, а твой-то, такой же подленький, как и ты! — смеется Смерть.

— Наследственность... — улыбается Змей. — Саня, коль ты вписался в разборки, будь осторожен. Противник может напасть на тебя!

И эта падла не заставила себя ждать! Три гигантских прыжка в обход Карпа, и товарищ «англичанин» попытался разрубить меня пополам. Бешеным тушканчиком я прыгнул назад и заверещал дурным голосом:

— Николаич, прикрой!

Ныряю под защиту Шуровкина.

Следующий выпад «монаха» был остановлен Карпом.

Противник снова сманеврировал назад, выдернул из шеи мой нож и швырнул его в нас. Шуровкин пригнулся, а я, еще не поняв, что делаю, спокойно поймал его, вытер об штаны и приготовился еще раз «порадовать» супостата точным броском.

— Однако! — пробурчал Карп, пораженный моими действиями.

— Сам в шоке, — отзываюсь я, внимательно следя перемещениями монстра.

— Ну, вылитый ты! — усмехается Смерть.

— Мутировал! — гордо заявляет Полоз.

— Обманка, — командует Шуровкин и идет на сближение.

Я делаю замах, показывая, что собираюсь метать нож. Замах длинный, медленный, из-за уха, чтобы и дурак догадался о моих намерениях. Дурак догадался, дурак приготовился, дурак пропустил колющий удар копьем в живот.

Карп тут же ушел влево, я — вправо, одновременно метнув нож.

Противник молча вытерпел оба ранения, но один меч выронил. Он выдернул мой нож и бросил его себе под ноги. Наука пошла ему на пользу.

— Соображает, тварь, — скалиться Карп.

— Слабеет, сука, — мой комментарий на упавший меч.

— Не вздумайте трогать его железку, — подсказка Полоза.

Я снова стою в полутора метрах позади Шуровкина, и мы опять идем на сближение. А из ран «англичанина» медленно течет черная слизь. Вонючка усилились.

— Полоз, — ору я, — долго нам его еще мордовать?

— Его нет. А его подельников долго!

— Кого?!

Вместо Змея «ответил» наш поединщик. Вокруг него завертелся смерч, лежащий меч

нырнул внутрь закрутившего вихря, а Полоз быстро сместился к нам.

— Теперь, Андрюха, будем биться всем кагалом и в полную силу!

— Ты о чем?!

Смерч исчез, а над нами гроыхнуло. Ероыхнуло так же, как в Еермании, когда прорвав заслон нашей нечисти, в этот мир пришли демоны.

— Твою мать!!! — заскулил я.

— А ты о чем?! — вопрос Карпа в мой адрес.

— Сейчас узнаешь, — я сплюнул.

— Ты опять обманула нас, Смерть!!! — проревел появившийся вместо старого поединщика новый. Громила семь-на-восемь с характерными рогами на башке.

Глава девятнадцатая. Поцелуй Смерти

— Снова ты, — в сторону Полоза рычит рогатый.

— Снова я, — улыбается Полоз.

— А это кто? — спрашиваю я.

— Один из заместителей Сатаны. Тварь, которую я не могу завалить уже более семисот лет, — поясняет Полоз. — Уж больно шустрый он.

— И ты тут, смертный! — заметил меня заместитель. — Ублюдок, которому я с удовольствием вырву сердце! Червь, который осмелился бросить вызов моему Господину! Тварь, которая...

— Ты филологический факультет не заканчивал? — перебил я рогатого.

— Что? — не понял тот.

— Ты так образно и красиво обзываешься, что создается ощущение, что образование у тебя филологическое.

Рогатый секунд тридцать недоуменно смотрел на меня, потом «ожил» и рассыпался в новых угрозах и оскорблениях. Говорил он долго и без повторов. Минут пять. Наконец выдохся и закончил:

— Я сожру твою печень, а из костей сделаю дудку!

В памяти всплыло бессмертное творение Роджера Железны, и я ответил так же, как и его герой:

— Дудка будет хреновой, а от моего цирроза у тебя будет несварение!

Я скосил глаза в сторону Полоза, ожидая его реакции, но обнаружил, что Полоз и Шуровкин отошли на пару метров и, не обращая внимания на наш диспут, о чем-то жарко спорят.

— ... и это предлагаешь мне ты?! — уловил я возмущенный возглас Змея. — Ты, иерарх православный, вообще луга попутал?!!

— А выхода другого нет! Он же сразу ляжет!

— Пусть ляжет! Он воин!

— Но ты уйдешь!

— Не первый раз!

— А что скажет твоя подруга? — не сдавался Карп.

— Она поймет.

— А у Сашки спросить?

— Командиры, вы о чем? — заволновался я, поняв, что речь идет о моей судьбе.

— Саша, заткнись! — велел мне Полоз.

— Я разорву вас обоих... — вспомнил про них рогатый.

— И ты варежку прикрой, — ответ Карпа. — У нас тут военный совет. Потом будешь в красноречии упражняться...

— Я... — попытался продолжить тот, но его заткнула Смерть.

— Лучше помолчи, — процедила она.

Полоз подошел ко мне, пристально поглядел на меня и медленно заговорил:

— Саня, у нас тут небольшой вопрос интимного плана: ты как долго жить собираешься?

— В смысле?! — офонарел я.

— В прямом, — он вздохнул и продолжил: — Видишь ли, как только мы сцепимся с

прибывшим гражданином, — Полоз кивнул на рогатого, — ты проживешь минуты две, не больше. После твоей героической гибели я тоже уйду в Срединный мир ждать следующего носителя. Но наши с тобой жизни дадут Шуровкину возможность завалить этого козла. Не перебивай, — остановил он меня. — На время схватки ты будешь простым смертным. Я буду биться сам. Таковы правила игры, и я не в силах их изменить.

— А-а-а-а-а...

— Вот так вот, друг мой, — вздохнул Полоз.

— У-у-у-у-у... — мне категорически не хотелось умирать, но сказать что-либо я пока не мог.

— Правила поединка я изменить не смогу, но есть возможность сделать так, что мы оба выживем...

— О-о-о-о-о... — продолжил я радовать окружающих своим красноречием.

— Но есть одна маленькая заковырка, — закончил Полоз.

Я глянул на Шуровкина, тот очень жалостливо смотрел на меня. Взгляд на рогатого — тот смотрит заинтригованно.

— И в чем подлянка?

— После смерти ты не попадешь ни в рай, ни в ад, — вместо Полоза ответил Карп.

— А куда мне? — не понял я.

— Судя по всему, Сашенька, — взяла слово Смерть, — ты пойдешь в мои гончие.

— Куда?!

— О!!! — удивленный возглас демона.

— Вашу мать, поясните! — потребовал я.

— Саня, — слово взял Карп, — при имеющихся гнилых раскладах ты падешь смертью храбрых на второй минуте боя. Полоз тебе уже об этом сказал. Он готов принести твою жизнь в качестве платы за победу и готов сам уйти в Срединный мир. Меня, как православного воина, это печалит, но на все воля Божья. Однако как человека и твоего препода такой финал меня не устраивает. Поэтому я предложил отдать тебя в услужение Смерти. Не сейчас, а когда ты помрешь. За то, что ты станешь ее слугой, она наделит тебя некоторыми способностями, которые помогут тебе выжить в предстоящей схватке.

— И не только в предстоящей, — уточнила Смерть.

— Правильно, — вздохнул Шуровкин. — Но служить ты ей будешь вечно. В качестве гончей.

— Саня, давай лучше сейчас падем смертью храбрых, — перехватил инициативу Полоз. — Все годы жизни, которые отпущены тебе судьбой, не стоят того, чтобы идти в услужение к Смерти. Я готов убить Шуровкина за высказанное им предложение.

— Все так плохо?

— Если выбирать между адом и гончей, ад — лучше. Скажи, рогатый.

Демон окинул нас взглядом, ухмыльнулся:

— Пусть идет. Даже, если я сдохну в этой схватке, та участь, на которую этого смертного обрекает православный воин, гораздо страшнее Преисподней. Я даже не буду мешать!!!

— Так в чем ужас? Кроме вечности?

— Ты будешь приходить к людям за мгновения до их гибели. Ты будешь вестником, что сообщает душе человека, что его время пришло. Среди этих людей могут оказаться твои друзья, твои родные и даже твои дети. И ты будешь знать, к кому и для чего ты пришел, —

пояснила Смерть. — Ты будешь знать, но ничего сделать не сможешь. А если человеку по какой-либо причине удастся выжить, ты будешь делать все, чтобы его свидание со мной состоялось. Ты будешь их добивать. Добивать, Саша. Добивать своих друзей. Я не говорю про остальных...

Я поднял взгляд в небо. Перспектива проста, как стреляная гильза — либо через пару минут загреметь в ад либо прожить еще несколько лет, а потом вечность добивать людей. Может быть, своих друзей... или родственников... или детей и внуков... А в небе облака. Странные облака. На голову Чеширского кота из Алисы похожи... Даже улыбка как в мультике...

— Соглашайся, смертный, — рассмеялся рогатый.

— Решайся, Саня, — возглас Шуровкина.

— В пень их, Сашок. Это будет славная охота, жаль, что для нас она станет последней... — злой возглас Полоза.

— Сашенька, как бы ты ни смотрел на ситуацию, ты должен смотреть в правильном направлении, — мягко произнесла Смерть.

После ее реплики я подпрыгнул.

— Повтори!

— Как бы ты ни смотрел, ты должен смотреть в правильном направлении.

Я снова поднял голову к небу. Облака в форме Чеширского кота продолжали мне улыбаться. Я посмотрел в глаза Смерти. В них пряталась насмешка.

— А посмотреть можно? — наконец решился я.

— Шуровкин, сука!!! — взвыл Полоз.

— Давай, давай! — подзуживает демон.

— Подойди, — просит Смерть.

Она взяла мою голову обеими руками.

— Смотри мне в глаза. Смотри... Смотри... Смотри...

Реальность подернулась и потеряла краски. Я оторвал взгляд от Смерти и огляделся. Действующие лица сегодняшней трагикомедии остались на месте, но были недвижимы. Полоз был серого цвета, Шуровкин — белого, демон — черного. Возле демона сидели две страховодные твари, отдаленно напоминающие собак.

— Это и есть мои гончие, — пояснила Смерть.

— Демон скоро погибнет?

— Естественно, — рассмеялась она. — Дурашка ты, Саня. Неужели ты думаешь, что я позволю Полозу уйти в Срединный мир так быстро.

— Я стану таким же?

— Конечно, нет, — расхохоталась она. Подошла, погладила меня по щеке: — Глупый ты!

Смерть хлопнула в ладоши и крикнула:

— Баюн, выходи!

Я начал крутить головой в поисках Кота. Справа от Смерти на уровне ее плеча материализовалась улыбка, потом часть морды, а потом и голова Баюна.

— Обожаю психов: только они понимают окружающий нас мир, только с ними я могу найти общий язык, — порадовал он очередной цитатой из «Алисы в стране чудес» и материализовался полностью. — Бармалей, ты не псих. Ты — баран, каких мало! Я чуть не спалился, пока намеки тебе рисовал!

— Облака — это твоя работа?

— Аллилуйя! Дошло!!!

— А для чего это все?

— Балбес, — Кот отвесил мне подзатыльника.

— Саша, я не могу допустить того, чтобы ты, носитель моего любимого, превратился в подобную тварь, — она показала на гончих. — Я наделю тебя теми способностями, о которых говорил Шуровкин, но ты останешься человеком с той судьбой, что отмерил тебе Всевышний.

— А для чего весь спектакль?

— Нет, — сплюнул Кот, — ты еще тупее, чем я думал...

— Баюн, помолчи! — рыкнула Смерть. — Во-первых, и Шуровкин, и Полоз, не знают с предстоящем обмане. Карп действительно хочет сохранить тебе жизнь даже такой ценой. А Полоз на самом деле готов уйти в Срединный мир для того, чтобы избавить тебя от подобной участи. Во-вторых, в присутствии демона я не могла сказать тебе прямым текстом, что мы собираемся их обмануть очередной раз. Он бы сразу атаковал, и ты бы погиб. В-третьих, получи.

Она протянула мне две круглые деревянные отшлифованные палки сантиметров пятьдесят в длину. Как только я взял их в руки, из палок выскочили металлические клинки. Я оглядел полученное оружие. Ни дать, ни взять — две маленькие косы.

— Это еще не все, — сообщила Смерть.

Возле нее появились еще две гончие.

— Служить, — приказала она им и показала на меня рукой. Твари подошли ко мне и покорно уселись рядом. Я испуганно замер.

— Не бойся. Пока ты жив, они будут сражаться вместе с тобой, в те моменты, когда Полоз будет бессилён или будет отсутствовать.

— А куда он может деться? — озадачился я.

— Он может быть занят мной, — лукаво улыбаясь, сообщила Смерть.

— Понял, не дурак, — хмыкнул я. — А эти миниатюрные косы мне для чего?

— Ими и будешь сражаться. Сейчас и потренируешься. Запомни: как только мир вокруг тебя станет черно-белым, как только в руках появятся эти косы, а гончие встанут рядом с тобой — ты в опасности.

— Ясненько. Вопрос можно?

— Даже два.

— Когда вы успели договориться с Кощеём про обман Люцифера и компании? Я понимаю, что это не инициатива Кота.

— Договор не с Кощеём, Саша. Кощей в таких вещах также бессилён, как и Полоз.

— А с кем тогда?!

— С твоим Крестным.

— С Князем?!

— Да.

— Вот это подарок!!! — изумленно протянул я. Поднял голову к небу и поклялся: — Княже, домой вернусь, весь Собор свечами уставлю!!!

— Ему это без надобности, — улыбнулась Смерть. — Ты его меч в войне с Сатаной.

— Все равно уставлю!

— Это твое дело.

— Если ты сделала все, что хотела — давай приступать к избиению демона!

— Почти, — кивнула она. Подошла, снова взяла меня руками за голову и поцеловала в лоб.

Мир снова обрел краски.

— Сейчас я тебя ломтями настругаю, — обрадовал я рогатого.

Глава двадцатая. Избиение неверных

— Ты опять обманула нас, Смерть!!! — возглас рогатого.

— У тебя пластинку заело? — хмуро спросил Полоз. — Мы это уже слышали.

— Полоз, ша! — командует Шуровкин. — С Сашкой что-то нет так!

Полоз подскочил ко мне, коротко взглянул в глаза, расплылся в улыбке и скомандовал:

— К бою!

Мир вокруг меня стал черно-белым, в руках появились косы, а мои гончие материализовались рядом со мной в ожидании команды.

— Сожрите эту тварь! — ору я гончим и бросаюсь в атаку.

Мы атаковали одновременно. Карп — копьем, я — косами, Полоз — двумя здоровенными мечами. От атаки Карпа он увернулся, мечи Полоза были отбиты такими же мечами демона, а от меня ему увернуться не удалось: два глубоких пореза на груди и вцепившиеся в него гончие. Он их не видел, но ощущал в полной мере.

Снова атака: в голову, в корпус и в ноги. На этот раз достал Шуровкин.

И еще!

Еще!!

Еще!!!

Демон начал завывать. Дырок в нем мы наделали предостаточно. И тут Полоз меня удивил:

— Саня, убери своих псов, дальше я сам!

— Рядом, — командуя я. Гончие встают рядом со мной, Шуровкин смещается ко мне, а Полоз встает между нами и демоном.

— Ты всегда был бесчестной тварью, — цедит рогатый.

Полоз не ответил. Полоз атаковал. Его удары лились бесконечным потоком, на разных уровнях, колющие и режущие. Их скорость была такова, что демон мог только защищаться. Левый меч летит в голову, правый в корпус, демон сбивает оба удара, а Полоз пинает его ногой в грудь. Того отбрасывает метра на три, а Полоз уже рядом и продолжает рубить. У меня возникло ощущение, что скорость ударов снова возросла. Рогатый уже с трудом успевал парировать удары Змея. Пара финтов Полоза, и удары достигли своей цели, по касательной, но достигли. Морда демона выражала максимальную обеспокоенность. Я его понимал. Полоз снова поднажал, рогатый начал пятиться, и тут произошло то, чего не ожидал даже Карп: Полоз резко утратил человекообразный вид, принял облик змея и метнулся в сторону демона. Доля секунды, и демон в плотном захвате Полоза.

— Неожиданный ход! — оценил финт Полоза Шуровкин.

— Ты обманул на... — задыхаясь прошипел рогатый.

Змей не ответил. Он лязгнул челюстями, и голова демона отвалилась.

— Дешево и сердито! — рассмеялся Карп, а Полоз уже стоял рядом, приняв человекообразный вид.

— Как были дерьмом на вкус, — он сплюнул, — так дерьмом и остались.

— Мы поверим тебе на слово, — поморщился я.

— Ты, юморист, ржать потом будешь. Сейчас рысью к бойцам, приводишь в сознание наиболее впечатлительных, вытряхиваете дерьмо из штанов и со скоростью звука несетесь ломать церквуху. Или тебе опять под трибунал захотелось за невыполнение приказа?

Дважды меня просить не пришлось. Три группы и примкнувший к ним Горыныч схоронились метрах в пятистах от места схватки. В обморок никто не упал, дерьма тоже никто не наложил, но обоссались почти все.

За пять минут смог построить три группы. Парни, слава Богу, пришли в себя. Крыша на место встала у всех, но безумие у некоторых в глазах еще сквозило. Однако нет худа без добра: Термит перестал заикаться. Вообще!

— Братцы мои, — рявкнул я. — Самая малость осталась: зачистить церквуху и разнести ее нехорошей матери! Собрали яйца в кулак и приготовились к зачистке! Зачищаем всех под «ноль». Потом контроль. Давайте, родные! Бегом!!!

Знакомый набор фраз и мата сделали свое терапевтическое дело: мимо Полоза, Смерти и Шуровкина промчалась не стая полудурков, а три очень специальные группы, очень специального назначения, очень обоссанные, сгорающие от стыда и поэтому злые как стадо чертей.

— «Закат» заходит справа, «Север» — слева, «Урал» — прет в лоб, — командует Коваль. Группы рассыпаются, выполняя команды.

«Урал» — у центрального входа, «Урал» накрыла одержимость.

— Дверь чистая, — команда Термита.

— Пошли гранаты, — орет Марся, предупреждая «Закат» и «Север». Он рывком открывает дверь, внутрь церкви летит пять гранат. Дверь закрыта. Взрывы. Марся снова открывает дверь, три пулемета укладывает по длинной очереди. Снова две гранаты внутрь, и вслед за ними вкатываются Марся и Пашка. Взрывов не следует, так как кольца у гранат никто не срывал.

— Чисто, — команда из церкви. Быстро входим внутрь под прикрытием пулемета Микола. Пока последние занимали позиции, слышится команда Марси «Контроль», и четыре выстрела.

— Саня, — сообщает он. — Тут четыре трупа. По виду монахи. Больше — никого.

— Шмонаем все! Ищем входы в подвал или подсобные помещения, — команду я.

Через полторы минуты доклад Термита:

— Командир, есть вход в подвал. Дверь закрыта изнутри.

Отсутствие заикания у Леньки немного режет уши.

— К черту дверь!

Пара минут и взрыв. Потом очереди из автоматов, взрывы гранат, снова очереди. И ту, наконец, нам ответили: из подвала заработал «Миниган». Я подобрался к двери, из которой летели пули, дождался паузы и быстро заглянул внутрь.

Противник был готов к подобным раскладам: в двух метрах от двери, которую Термит снес взрывом, стояла решетчатая дверь. Сквозь нее можно было спокойно перестреливаться, но пройти было невозможно. Ни дать, ни взять — решетка-катаракта, как в средневековых замках. Я оценил размер ячеек двери и спросил у Рафы:

— Сможешь «буром» сквозь дверь шмальнуть?

Он зыркнул на дверь и ответил:

— Нужна пауза секунды на три.

— Сделаем. Марся готовь две гранаты. Микола, после взрывов долбишь на уровне головы. Рафа, ты бьешь с колена. Готовы?

Марсель отдернул меня от угла и закатил две гранаты. Взрывы. Микола выставив ствол из-за угла, начал бить короткими. В этот момент Рафа вынырнул, прицелился и выстрелил.

Подождали минуту. Тишина.

— Накрыли, — одновременный возглас четырех бойцов.

— Санек, кстати, а чего это мы в храме, а одержимость работает? — вдруг озадачился Марся.

— Этот храм давно перестал быть христианским. Теперь это языческое капище, — из-за наших спин ответил Шуровкин. — Поэтому вас и не «отпустило».

Рядом со мной материализовался Полоз.

— Слушаем вводные: сразу за решеткой коридор длиной пять метров. Слева в трех метрах от решетки — вход в помещение. Там вас ждут оставшиеся «монахи». Человек тридцать. Все «инквизиторы». Поэтому гранатами лучше не пользоваться — они их вам вернут. Войти с помощью стволов вы еще сможете, а вот дальше придется в рукопашку. «Монахи» хоть и медленнее вас, но все равно шустрые. Можете друг друга пострелять.

— А у них огнестрельное есть? — уточнил я.

— Пулемет, что вы накрыли, был последним.

— Добро, — я прикинул план штурма: — Я, Микола и Фич держим вход в подвал под прицелом. Термит, твоя задача снести дверь. Марся, берешь остальных, и стаскиваете сюда скамейки, которые стоят наверху.

— Будем ими кидаться? — уточнил Марсель.

— Именно. Начали.

Мы взяли под прицел вход, Термит нырнул к решетке и начал крепить к ней «термопасту». Как правильно называлась эта смесь, я точно не знал, но танковую броню она прожигала за три минуты.

— Ждем, — отчет Леньки. Позади нас парни уже укладывали первые скамейки.

Решетка продержалась меньше минуты. После того, как она грохнулась, Термит предупредил:

— Металл не трогать. Паста будет активна еще минут десять.

— Командир, больше скамеек сюда не войдет, — сообщил Олег.

— Микола, подкрадываешься к углу и закидываешь туда пару скамеек. Потом ты и Марся со скамейками в обнимку заходите первыми, ну, а за вами и мы следом.

— *Изведал враг в тот день немало,*

Что значит русский бой удалый,

Наш рукопашный бой!.. — с «галерки» патетично продекламировал Зяма.

— Русский бой, Зеймович, — заржал Шуровкин. — Русский! Ты, Боря, остаешься тут Будешь подавать патроны!!!

— В смысле?! — возмутился Зяма.

— В прямом, — еще смеясь, ответил Карп. — Там одержимые будут махать, и тебе, «высоковольтному», там делать нечего. Будешь наши тылы прикрывать.

— Ну, вашу ж мать... — разочаровано заскулил Борян.

— Зяма, заткнись, — посоветовал напарнику Ильдар. — Шуровкин прав. Еще один прямой массаж твоего еврейского сердца я не переживу!

— Я бы попросил...

— Боря, ша! — рявкнул я. — Прикинься ветошью и не отсвечивай!

Я оглядел своих:

— С Богом!

Микола взял первую скамейку. Подкрался к входу и как копьё метнул ее внутрь. Оттуда послышались крики. Кому-то куда-то попало.

Марся подает следующую. Бросок, и снова крики. Следующая. После четвертого броска скамейка долбанулась об камень. Криков не последовало.

— Сообразили, суки, — бурчит Микола. Он собрался заглянуть внутрь, но его дернул назад Марся. Вовремя! Супостат запустил пару скамеек обратно. Марся и Микола осторожно подтянули возвращенные скамейки, ухватили их поудобнее, переглянулись и рванули на штурм. Внутри крики и звуки ударов по живой плоти. Я уже собрался нырнуть следом, как из подвала вылетел монах. Он воткнулся головой в стену и затих.

— Зяма, на тебе «контроль». Заходим!

Прикрыв голову скамейкой, залетаю внутрь. Едва не спотыкаюсь об лежащих монахов. В пяти метрах от входа, встав спиной к спине, машутся мои парни. Сношу лавкой двух ближайших противников и прыгаю им на помощь.

Всё, мы все внутри. Методично лупцуем врага. Враг пребывает в легком охренении, ибо о том, что их могут дубасить их же скамейками, их никто не предупредил. И в учебниках по тактике и стратегии такого тоже не написано.

В районе двери под прикрытием Шуровкина Зяма добивает монахов.

Через пару минут веселья скамейки начали ломаться. Проектировщики и создатели мебели тоже не рассчитывали на подобную эксплуатацию результатов их труда. Мы метнули оставшиеся лавки в противника, перестроились, взяв в руки ножи.

И тут противник нас удивил.

— Мы сдаемся! — крикнул кто-то из монахов.

— Чего?! — удивленно вякнул от двери Борька.

— Мы сдаемся, — подтвердил тот же монах, и они подняли руки. Все десять человек. Одновременно.

— Пригнитесь, — командует позади нас Шуровкин. Мы сложились, и над нами прошла очередь из пулемета. Взгляд на противника — миколовский «Корд», из которого и стрелял Карп, не оставила никому ни единого шанса. Некоторых развалило пополам.

— Контроль! — команда Карпа.

Достаем пистолеты и «контролируем» тех, кого не успел «проконтролировать» Зяма.

— Полоз, мы всех положили? — интересуется Шуровкин.

— Всех, — подтверждает он. Змей снова стоял рядом.

— Зяма, тащи сюда саперов «Заката» и «Севера». Пусть все минируют.

Через сорок минут от памятника истории и культуры, наследия Юнеско и так далее, и тому подобное, не осталось даже фундамента. Вандалы, что с нас возьмешь...

Через три дня мы оказались на базе. Добрались без происшествий. Письменные и устные отчеты, допросы каждого Черепановым, ругань Зимина, сияющий вид Барона, наказание невиновных и награждение непричастных. Все как всегда...

Полоз исчез с моего тела в тот момент, как мы въехали на территорию базы. Даже не попрощался...

А потом была пьянка...

К вечеру третьего дня, когда мой организм взбунтовался против алкоголя, я решил ретироваться и попытаться поспать.

С трудом дойдя до выхода, собрав все дверные косяки, я остановился и закурил. Здания, в котором я планировал лечь спать, было гигантское расстояние метров двадцать. Сделал два нетвердых шага. Выругался. Остановился. Организм просигналил о полном мочевом пузыре. Сфокусировав взгляд, разглядел подходящие кусты. Еще раз выругался и потек в нужном направлении.

Я уже закончил «полив» зеленых насаждений, как вдруг опьянение резко ушло, окружающая действительность стала черно-белой, в руках возникли «косы», а рядом со мной встали мои гончие.

— Это он, — услышал я голос справа.

В пяти метрах от меня стояли двое: обезьяноподобное существо в яркой одежде и желто-красный дракон. *Я* присмотрелся: дракон китайский.

— Ты не пугаешь? — уточнил дракон у обезьяны. — *Я* не чувствую Русского Змея.

— Это он, — уверенно повторил его спутник и вытащил шест.

Я взял «косы» поудобнее, вдохнул и взревел команду гончим:

— Убейте их...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ижевск, 2017 год

Уважаемые читатели!

Кто-то из вас знаком с приключениями моих героев по предыдущим книгам, кто-то узнал о них впервые.

Для всех вас поясню — произведение, с которым вы ознакомились (как и два других), написано в жанре боевой фантастики. Ключевое слово в предыдущем предложении — «фантастика»!

Соответственно, все, что произошло с моими героями — это сказка. Если хотите — бред моего воспаленного сознания!

Спецгрупп «Урал», «Закат» и «Север», спецшколы «Валгалла», и прочее, и прочее, никогда не было, и быть не могло. Я повторюсь: вы прочли сказку. Патриотическо-боевую, но сказку.

Некоторые из вас приняли описанное чуть ли не за чистую монету... Начались дискуссии, анализ и громкие заявления... Но это сказка! Не нужно ломать копыта и брызгать слюной, объясняя мне и другим, что этого не может быть, что автор ничего не понимает, что это бред! Это сказка, гиперболизированная и саркастическая.

Не могу не отметить, что люди, имевшие и имеющие отношение к армейскому спецназу, после прочтения первых книг не высказали ни одной претензии из цикла: «этого не может быть» или «герои книг — эсэсовцы и садисты»! Хохотали — да! Рассказывали о комичных ситуациях из своей военной биографии — да!! Давали советы о ведении боевых действий — да!!!

Поэтому все претензии к сказочной фантастике прошу адресовать Беляеву и Желязны, Бредбери и Хайнлайну, Белянину и Булычеву, Дивову и Панову, Мазину и Разуваеву. К Разуваеву — вообще все претензии! Это он во всем виноват!!!

Пару слов о планах на будущее: на сегодняшний день, продолжения не планируется. У меня физически нет времени. В суровой реальности я — муж и отец двоих детей. А дети это дорогое удовольствие! Жена, кстати, тоже недешевое...

Может быть, когда-нибудь, если Муза (не смейтесь, это эгоистичное создание существует и не терпит конкурентов) очень настойчиво начнет меня терзать, или Петр Разуваев даст мне волшебного пинка, я снова начну сочинять... Пути Господни — неисповедимы...

А теперь о некоторых прототипах моих героев:

— Трофимов Александр Викторович, он же Трофим, он же Саня, он же Бармалей — замечательный человек и юрист (если про нас так вообще можно сказать). Саня, не гневишь, я снова воспользовался твоим светлым образом в своих корыстных целях!

— Сунгатов Марсель, он же Марся — друг моего детства, отрочества и юности. Марся, не кашляй!

Зеймович Борис Абрамович, он же Зяма, он же Борян, он же «русский еврей». Человек имеющий такое же отношение к армии и медицине, как и я к космическим полетам. НИКАКОГО!!! Борька — ты самый русский из всех евреев и самый еврейский из всех русских!!!

Генерал Ивлев Дмитрий Михайлович, он же Барон. По собранной мною информации,

Барон уволился из вооруженных сил в звании полковника. Все его характеристики, приведенные в книгах, в том числе и боевые, соответствуют действительности. Товарищ полковник, здоровья Вам!

Полковник Комарницкий, он же «Барин» — полковник морской пехоты Российской Федерации. В действительности обладатель другой фамилии. Человек незаурядного ума и боевой подготовки. На сегодняшний день должен быть в отставке. И Вам здоровья!!!

Шуровкин Андрей Николаевич, он же Пескарь, он же Карп, поднявшийся по водопаду и ставший Драконом. Некоторые, кто прочитал вторую книгу, сразу узнали в этом персонаже Андрея Николаевича Кочергина. Личность, на мой взгляд, эпическую!!! Эпическую во всем, что он делает!!! Даже, когда грязно матюкается матюками...

Андрей Николаевич, сил Вам, здоровья и удачи во всех Ваших начинаниях!!! Пусть Господь оберегает Вас от врагов явных и тайных. Аминь.

PS Отдельное ОГРОМНОЕ СПАСИБО моему крестному отцу от литературы — Петру Разуваеву!

Петр, благодарю Вас за терпение, критику и советы, полученные в процессе написания книг! Если бы не Вы, то не быть мне автором (до громкого слова «писатель», я еще не дорос)!

Жаль, что ваши дороги с Астрелью разошлись... Но все, что ни делается — все к лучшему!!!

МИР ВАШЕМУ ДОМУ!!!